ПАРАЛЛЕЛЬ

ПРИГОВОРЁННАЯ

Максим Дымов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Приговорённая» – захватывающая повесть в жанре киберпанк современного российского писателя Максима Дымова. Действия происходят в недалёком будущем. Земля, разрываемая войной и техногенными катастрофами, переживает начало новой эры. Уцелевшие города превратились в крепости, изолированные от враждебного внешнего мира. Их обитатели никогда не покидают эти саркофаги, ведь за их стенами идут постоянные боевые действия. Государства-крепости, объединившись в Альянс, уже пятнадцать лет ведут войну против общего врага – Легиона. Главную героиню – красивую молодую девушку Киру – обвиняют в убийстве, которого она не совершала. И в качестве наказания ей предстоит изгнание за пределы крепости, где у неподготовленного человека шансов выжить практически нет…

- Максим Дымов
  -
  - Глава первая. Приговор
  - Глава вторая. Синяя бездна
  - Глава третья. Край
  - Глава четвёртая. Жизнь среди руин
  - Глава пятая. Разоблачение
  - Глава шестая. Одержимая
  - Глава седьмая. На дорожку
  - Глава восьмая. Зелёное море
  - Глава девятая. Приехали
  - Глава десятая. Чистый лист
  - Глава одиннадцатая. Чёртово око
  - Глава двенадцатая. Конечная станция – Красноручейск
  - Глава тринадцатая. Роковая ночь
  - Глава четырнадцатая. Наказание
  - Эпилог
- notes
  - 1

Максим Дымов
Приговорённая

Беспечное бытие, надежды и планы… мечты… всё может быть в одночасье разрушено малодушием и трусостью одних, подлостью других и безвольной натурой третьих.

Но порой нужно что-то разрушить, дабы возвести нечто новое и более прекрасное.

Каждый день солнце оставляет нас, погрузив во тьму и холод ночи, но лишь для того, чтобы потом вернуться, дабы в его отсутствие каждый оценил всю прелесть тепла и света, безвозмездно даруемого им.

Как часто жизнь даёт нам шанс начать всё с начала! Быть может, этот шанс выпадает не каждый день, но точно чаще, чем мы думаем. Но мы не пользуемся им. Не желая рисковать тем, что имеем, быть может, мы отрекаемся от чего-то большего. Начать писать новую книгу жизни, или стирать перо о пожелтевшие, но уже привычные страницы старой – выбор каждого из нас, и никто не имеет права выбирать за нас.

Только лишившись чего-то, можно понять его ценность. Чёрная полоса существует лишь для того, чтобы после неё началась белая.

Пятнадцатый год новой эры. Начало мая. Центральная Россия. Соколовский округ. Соколовск – центральная крепость, крепость-государство.

Несмотря на объединение всех рас в Альянс, каждая крепость была по сути отдельным государством. Весь Альянс был объединён одними военными законами и общей целью, но что касается гражданских законов – тут уже у каждой крепости и каждого поселения они были свои. Во многом закон и культура были очень схожи, но в каждом округе всё же были свои нюансы.

Война с Легионом продолжалась. Краткие перемирия длились всего не больше полутора месяцев, так что многие их даже не замечали. Чаша весов склонялась то на сторону Альянса, то в сторону Легиона. Казалось, победой уже и не пахло. Все уже привыкли к военному положению, норты, которых уже выросло около десяти поколений, и вовсе не представляли другой жизни. Так как у нортов с возрастом всё было крайне необычно, а именно, детство проходило в течение полутора лет, а к двум

годам они были уже совершенно взрослыми, при всём этом они жили не меньше людей, – благодаря этому нередко встречались и те, кто были свидетелями начала новой эры и видел жизнь до неё, и те, кто едва достигли двух лет. Причём внешний возраст их не слишком отличался. Норты вообще не старели, как люди, по крайней мере, не превращались в дряхлых ворчащих стариков.

Воевали те, кто снаружи; те кто в крепости, жили обычной мирной жизнью. Они порой даже забывали, что там, снаружи, уже пятнадцать лет идёт война. Но всё же приоритеты, выбранные в начале новой эры, никуда не исчезли. Быть сильным, выносливым, владеть оружием, но при этом не забывать о мозгах – модно.

В крепостях люди страдали другими проблемами… замкнутое пространство, искусственное освещение, ощущение, что находишься под саркофагом и отсюда никогда не выбраться.

Глава первая. Приговор

Появление не в то время не в том месте – основная причина поворота жизни в иное русло.

Девушка, лет двадцати с виду, сидела на подоконнике в подъезде одной из многоэтажек первого этажа крепости. В лёгком красном спортивном костюме, светлые распущенные волосы лежали на груди. Невысокая, стройная, она была объектом внимания многих парней в крепости, что ей несомненно нравилось, но она умела держать дистанцию.

Старый мир она не помнит, ей с матерью посчастливилось укрыться в крепости, когда старый мир катился в пропасть. Тысячи таких крепостей было возведено по миру. Неприступные, защищённые почти от любой внешней угрозы, они словно купол накрыли целые городские районы со всеми зданиями. А на остальных их этажах располагались километры коридоров и тысячи комнат любая крепость могла существовать полностью автономно.

Отец девушки, бывший инженер, был отправлен, как и многие, на оборону города. Он вернулся, но без левой ноги и с сильно подорванным здоровьем. Ей на тот момент было четыре года.

Через шесть лет мать умерла от болезни сердца. Отец часами пропадал на работе за чертежами и планами, после либо спал, либо пил. Девушка посещала кружок спортивной гимнастики, училась в университете на первом курсе на филологическом факультете. В общем, была самой обычной молодой девушкой, мечтательной романтичной и чувствительной. И хотя после смерти матери она и уходила в себя иногда, в основном она была открытым человеком.

Звали её Кира.

Кира закончила что-то писать в планшете, который из-за отсутствия интернета стал просто тетрадью и фотоальбомом. Убрав его в дипломат, она взглянула в окно. Внизу плыл поток прохожих. На часах над входом в какой-то бар горели цифры 02:15. Из-за отсутствия разницы во времени суток в крепости, за исключением частичного выключения освещения и постоянного хождения рабочих, заступающих на смену, люди перестали чувствовать разницу между днём и ночью.

Кира зевнула, устало спрыгнула с подоконника, закинула

волосы назад и поплелась вниз.

Она поднималась по полутёмной лестнице, сейчас ей хотелось только одного – спать.

Перепрыгивая ступени, вниз неслись трое парней, один из которых был почему-то в туфлях, хотя к спортивным штанам и борцовке они явно не шли. Все трое – со спортивными сумками.

Они торопливо пробежали мимо Киры, оттолкнув её к стене, тот, в туфлях, Савелий, невысокий молодой человек с длинными волосами до плеч и серьгой в правом ухе, едва не сбив девушку. Он извинился и поздоровался.

– Отвали, козёл! – Огрызнулась Кира.

Парень остановился. Остальные, заметив его остановку, остановились тоже и тревожно поглядывали наверх.

– Я же просто поздоровался, чо ты психуешь? – Недоумённо спросил парень.

– Сава, я тебе в тот раз сказала, чтобы ты ко мне и на квартал не приближался. Я с придурками вроде тебя, не общаюсь.

Парень в шортах и майке схватил того за руку и буквально поволок вниз по лестнице, что-то злобно шипя. Кира успела разобрать только: «Ты чо, тормоз? Давай шевели поршнями!»

Она поднялась на второй этаж крепости. Перед ней простирался просторный холл с отполированной плиткой на полу, мягкими диванами и цветами в горшках. Из холла расходился десяток коридоров, тут же были лифт и отдельные лестницы на каждый из следующих семи этажей.

Кира, о чём-то задумавшись, пошла по одному из коридоров. Освещение в нём, как и в большинстве остальных, на ночь было частично выключено. От прогулки по тёмному узкому петляющему коридору со множеством развилок и дверей с обеих сторон Кира ещё больше захотела спать.

Вдруг она остановилась на одном из перекрёстков.

– Чёрт, долбанные лабиринты, – проворчала она. – Какого надо было переезжать сюда? На четвёртом этаже всё гораздо проще.

Она развернулась и пошла обратно, но уже сосредоточившись на пути.

Вдруг в одном из закоулков, ведущих к одной-единственной двери, которая была распахнута, что-то привлекло её внимание.

У распахнутой железной двери, за которой сгустился зловещий мрак, порождающий детские страхи, на краю пятна света, отбрасываемого тусклой лампой, висевшей в коридоре, лежал лысый мужчина в шлёпанцах, в камуфляжных шортах и клетчатой рубашке. Он лежал в луже свежей крови. Какой-то

железный ящик, напоминающий холодильник, обтянутый плёнкой, стоял рядом, его угол был запачкан кровью. На стенах тоже виднелись тёмные пятна, но разобрать в темноте, что это за пятна, было невозможно.

Кира подбежала к мужчине, бросила дипломат на пол и стала тормошить тело, спрашивая: «Что с вами? Вы меня слышите?»

Она перевернула тело и от ужаса вскрикнула и вскочила. Лицо мужчины представляло собой кровавое месиво, но она всё же узнала его. Это был Дмитрич – необычайно вредный и заносчивый старикан, работавший преподавателем истории в университете. С Дмитричем у Киры сложились особо скверные отношения.

Кира в ужасе попятилась назад, закрыв рот испачканными в крови ладонями. Окровавленные кроссовки прилипали к полу. Она развернулась и хотела убежать подальше, но налетела на четверых крепких мужиков в военной форме. Это был патруль, вернувшийся с дежурства.

– Смотри, куда летишь, – сурово буркнул один из них, но, увидев окровавленные руки Киры, тут же схватил её за плечо, прижал к стене лицом. – Руки подними! Жека, проверь, чо там.

Один из бойцов заглянул в закоулок и выматерился.

– Мокруха, – сказал он.

Другой достал рацию и торопливо сообщил: «Девяносто седьмой на связи, в холл второго этажа следственную группу. Подозреваемый задержан».

– Вызов принят, – прохрипела рация женским голосом.

– Я встречу, – сказал мужик и побежал по коридору.

– Руки подняла! – Рявкнул державший Киру.

Та робко подняла руки, и, начиная заливаться слезами, что-то испуганно лепетала. Часто повторяла: «Это не я. Я просто мимо шла. Отпустите».

Один из патрульных обыскал её.

Дверь допросной распахнулась. Кира, сидящая за железным столом в наручниках, подняла голову, но свет от настольной лампы, направленной в её заплаканное лицо, не дал увидеть вошедшего. Дверь закрылась, и кругом снова воцарилась тьма, – только стол с лампой и небольшой пятачок грязного бетонного пола, освещаемого лампой.

Напротив неё сел чёрный силуэт. Из-за света, бившего в лицо, нельзя было разглядеть ни малейшей детали человека, сидящего напротив.

– Ну, – неожиданно строгим женским голосом заговорил силуэт так, что Кира вздрогнула. – Чистосердечное подписывать

будешь?

– Я никого не убивала. Я шла домой, увидела всё это, думала, что он ещё жив, и подбежала помочь, – монотонно говорила Кира, засыпая.

– Я эту фразу уже наизусть знаю. Все так говорят, от тех, кто по хулиганке попал, до макрушников. Ты понимаешь, что тебе грозит? Все доказательства против тебя.

– Это не я. Почему вы мне не верите? – Хлюпая носом, повторила подозреваемая.

– Тело свежее, буквально несколько минут прошло со времени смерти. Смерть наступила вследствие двух ударов об угол кофейного автомата, того, что стоял там, завёрнутый в плёнку. После его били по лицу ногами. Нам известно, что у тебя с потерпевшим были, мягко говоря, конфликтные отношения.

– Да он со многими в контрах был. Да и откуда у меня столько силы, чтобы его завалить?

– Силы немного надо, тем более что потерпевший был пьян, и ты воспользовалась моментом и убила его. Кстати, там только твои следы, от твоих кроссовок. Ты наследила, когда убегала, а других там не найдено. Так что сознавайся, дрянь! Я с тобой не собираюсь до утра возиться.

– Я не виновата! – Истерично выкрикнула Кира и ударила по столу обеими руками, скованными наручниками.

– Дура. Ты там и двух дней не протянешь, в твоём случае это смертный приговор. А ты делаешь себе только хуже. Сиди и думай. Сон тебе сегодня не светит.

Следователь вышел, и Кира положила голову на стол.

Её разбудил бархатный мужской голос. Она приподняла голову, напротив снова сидел силуэт, но более крупный.

– Ну, что вы, – говорил всё тот же голос, говорил спокойно, размеренно, – Не передумали?

– И вы туда же, – зевая, проговорила Кира.

– Боец, включи свет, а то и я сейчас зевать начну.

В комнате зажёгся свет. На чёрном потолке мягким белым светом загорелись лампы дневного света. Вся комната, включая потолок, была выкрашена чёрной краской. Бетонный пол был усеян окурками от сигарет. У железной двери стоял полицейский с автоматом за плечом и шашкой на поясе.

Напротив Киры сидел мужчина лет 27-30-ти, в обычной гражданской одежде. Он потушил настольную лампу.

– Курите? – Спросил он, достав пачку сигарет.

Кира отрицательно покачала головой.

– Не против, если я закурю? – спросил тот. Услышав в ответ

лишь молчание, он прикурил от спички и продолжил: «Давайте начистоту. Вся полиция уже в курсе дела, в конце концов, убийство – большая редкость у нас. Ни один адвокат не хочет браться за это дело, поскольку оно бесперспективное».

– А вы кто? – Спросила Кира, смотря в одну точку на столе.

– Я помощник прокурора. Я хочу вам помочь. Если начистоту, то скажу откровенно, что никому не нужна шумиха и бесполезное расследование, когда всё очевидно. Сейчас военное время, и такие дела решаются быстро. Вы понимаете, к чему я виду? Наказание вы понесёте в любом случае, и назначено оно будет в ближайшие дни. Только от вас зависит, каким оно будет, – говорил он спокойно, учтиво, не отрывая взгляд от Киры, подперевшей голову руками и смотревшей в одну точку. – Давай так, ты подписываешь чистосердечное, и мы прекращаем эти ночные мучения, суд пройдёт быстро, а я посодействую в смягчении наказания.

Помощник достал лист бумаги и ручку. На листе уже было что-то написано, но написанного Кира не могла разобрать, в глазах всё плыло.

– Подпишешь и вполне возможно, что отбывать наказание ты будешь в крепости. Да, в камере, под надзором, возможно срок будет немного больше, но ты не погибнешь. Через несколько лет выйдешь и будешь жить дальше, в крайнем случае переедешь в другую крепость. Тебе нужно это клеймо на правой руке? Срок истечёт, а оно останется и тогда каждый будет знать о твоей судимости, даже не отправляя запрос в базу данных.

Он ещё что-то говорил, пока Кира просто не отключилась.

Двое полицейских, сняв наручники, взяли её под руки и отволокли в карцер.

Кира очнулась в карцере на деревянной кушетке. Комната была размером всего три на полтора метра с низким потолком. Стены, пол и потолок были бетонными. Над железной тюремной дверью тускло горела лампа в пожелтевшем плафоне. В углу – санузел.

Кира взглянула на свои руки, запачканные запёкшейся кровью. Жутко болела голова.

Она тяжело встала, подошла к старой раковине, на которой лежал кусок хозяйственного мыла. Помыв руки и умывшись, она стала расхаживать от стены к стене. Головная боль притупилась от ледяной воды, а из крана текла только такая. Время от времени слёзы текли по щекам.

Наконец она взъерошила волосы и со злостью ударила несколько раз кулаками по двери, подняв гулкий грохот.

Сморщившись от боли, она подскочила к раковине и, открыв кран, сунула руки под ледяную струю и продержала до тех пор, пока их не свело по локоть от ледяной воды.

Она села в углу у двери, обхватила колени руками и опустила голову. На побледневших от ледяной воды разбитых кулаках понемногу стала выступать кровь.

В голове мелькали несвязные мысли. Она всё ещё не могла поверить в то, что произошло.

Вдруг ей вспомнилось, как три года назад она с друзьями выходила на крышу крепости. Те кучевые облака, висящие в воздухе, а между ними – синяя пустота. Кругом – огромное пространство и невесть откуда берущийся ветер. Низко, над самой крышей между труб пролетела ВПС, издавая низкий гул, пролетела на сумасшедшей скоростью и исчезла где-то далеко-далеко, там куда не достигал человеческий взор. Кира, привыкшая к вечному окружению стен и потолков, вдруг запаниковала и убежала вниз, а восторженные друзья остались на крыше. Позже она придумала оправдание, якобы забыла забрать троюродного брата из садика, хотя тот самый брат уже ходил во второй класс. Впрочем, её друзья и так догадывались в чём дело. Многие жители крепостей наряду с депрессией страдали агорафобией – боязнью открытого пространства.

Выхода не было видно. Продолжить всё отрицать – стопроцентное изгнание, а там, снаружи, неподготовленный человек долго не протянет. Подписать признание – значит, согласиться со статусом убийцы, абсолютная перспектива попасть в тюрьму и стать единственной заключённой по этой статье – ничем не лучше, до звонка мало шансов дожить. Следствие явно не хочет мусолить это дело, к тому же по законам военного времени таких наказывают без суда и следствия, тем более что доказательств против неё предостаточно.

Кира настолько ушла в себя, что не заметила, как за ней пришли.

Дальше её вновь отвели в допросную, где допрашивали разные люди. Но все допросы длились не более двадцати минут, так как диалога не получалось, Кира молчала, уставившись в одну точку на полу. Пробовали разные подходы, и уговорами, и угрозами, и запугиваниями, и даже попытками найти компромисс. Но за семь с половиной часов допроса она не только звука не произнесла, но и практически не шевельнулась.

– Не хочешь вообще говорить?! Тогда суд над тобой пройдёт заочно! Навела шороху и сидит, отмалчивается, стерва! – Кричал полный лысый прокурор, брызгая слюной. Лицо его покраснело

от гнева, он без конца вытирал пот пожелтевшим платком. – Так, в КПЗ её, за двойную решётку! Никаких свиданий! Хотел я как лучше, хотел помочь, а ты всё глубже себя закапываешь своим молчанием. Всё, хватит возни, передаю дело в суд. Гарантирую, ты сдохнешь там, среди руин, выжить в одиночку там могут только профи.

Он вышел, хлопнув дверью.

Кира сидела в тёмной комнате в углу за двойной решёткой. Угол был освещён лампой дневного света. Белый свет заливал клетку размером метр на метр, в которой даже лечь не получится. Заключённая сидела на дощатом полу у обшарпанной стены. Внутри клетки не было совсем ничего, кроме самой подсудимой в грязном спортивном костюме с растрёпанными волосами.

Дверь открылась, и в неё вошёл хромой мужчина в старых классических джинсах и серой футболке, одна нога была в коричневом ботинке а из-под другой штанины виднелся протез. Густые седые волосы были взъерошены, тонкие линзы поблёскивали в толстой чёрной оправе очков.

Дверь за ним закрылась, и он исчез во тьме. Послышался торопливый стук протеза по дощатому полу, и мужчина подошёл к клетке. Кира подняла голову и тут же вскочила.

– Папа, – бросилась она к решётке. – Я думала, свидание не дадут.

– Мне и не дали, – негромко признался отец и просунул руку сквозь первую решётку, насколько смог. – Не думал, что когда-то скажу так, но хорошо, что есть люди, которых можно подкупить. Мне дали всего три минуты.

Кира просунула обе руки в решётку и обхватила ими руку отца. Слёзы неудержимо потекли по её щекам. Отец старался держаться спокойно.

– Мне-то хоть скажи, чтобы хотя бы я знал, – попросил мужчина.

– Я его не трогала, я подошла, чтобы помочь, а он…

– Я верю. Только им этого не объяснить. Я постараюсь тебе чем-нибудь помочь, ты только держись.

Кира молча смотрела на него, едва сдерживаясь, чтобы не разреветься.

Дверь вновь открылась.

– Время, – негромко сказал охранник и огляделся по сторонам.

– Я люблю тебя, – дрожащим голосом сказала Кира, сжав руку отца. Губы её задрожали, плечи затряслись, слёзы потекли по подбородку.

– Я тоже тебя люблю. Держись, может, там кто-то тебе поверит и поможет.

Он отошёл от клетки, смотря на дочь, крепко сжавшую стальные прутья руками.

– Быстрей, быстрей, – поторопил охранник.

Отец, хромая, вышел, дверь сразу захлопнулась. Кира сползла на пол и закрыла лицо руками.

Спустя несколько часов снова вошли. Это были двое полицейских и ещё какой-то мужчина в гражданском.

– Встать, – потребовал тот, в гражданском.

Кира сидящая на полу, опустив, голову не отреагировала.

– Встать, оглашается приговор, – немного борзо снова потребовал мужчина.

– Идите вы на… – непечатно выругалась Кира.

– Я так смотрю, на официальную форму можно забить. Ты приговорена заочно к изгнанию и запретом на укрытие в любой крепости Альянса, сроком на три года. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Один из полицейских открыл клетку и, подняв Киру за плечо, вывел.

Спустя какое-то время её вели по техническому коридору крепости. На немного опухшей правой её кисти – свежая наколка. Изображён человеческий череп, за ним две пятиконечные звезды со сложной окантовкой и символами, снизу дата 14.05.0015. – дата вынесения приговора. Это была ещё одна особенность наказания, ведь даже по истечению срока наколка остаётся, и все сразу понимают, что это за человек.

В зависимости от тяжести преступления было разное количество звёзд, от одной до пяти. Звёзды – это печать, наносимая специальным аппаратом практически мгновенно, в отличие от черепа и даты, набиваемых по-старинке. Скопировать печать вручную было крайне сложно. Наносилось клеймо на разные части тела. Дело в том, что конечности, на которые набивались наколки, могли быть утеряны в бою, и не только в бою…

Наколка с пятью звёздами имела больший размер и набивалась на лице и частично на шее. Также, в зависимости от тяжести преступления, изгоняли с разным набором амуниции. К примеру, за убийство более трёх лиц с особой жестокостью осуждённого вывозили подальше от крепости и оставляли связанным по рукам и ногам, не оставляя ничего. В таком случае смерть была почти неминуема. Или приговаривали к казни на

электрическом стуле.

Приговорённую ввели в комнату. Это напоминало обычную однокомнатную квартирку, только без кухни. Обстановка тут была обычная, домашняя. На стене напротив двуспальной кровати висел ЖК-телевизор, через USB-вход к нему был подключён носитель со множеством фильмов и музыки. Правда, полки были полупустыми. На них стояли в основном фото городов и природы в рамках и стопки дисков. По закону, приговорённый проводил последние сутки в этой квартире. Ему давали возможность выспаться на нормальной кровати, хорошо кормили, вне зависимости от степени тяжести его преступления. Ведь в большинстве случаев приговорённые по истечению срока не появлялись в крепостях по разным причинам, в основном они погибали в первые полгода наказания, в большинстве случаев от болезней и химического отравления.

Дверь за спиной плавно закрылась. Кира подошла к окну. Комната находилась в стене крепости под самым потолком первого этажа. Окно было без решёток, но стеклопакет был сплошной и не открывался.

Она села на подоконник, обхватила колени руками, голову положила на холодное стекло. Сквозь собственное отражение в стекле она смотрела на город, на серые крыши, на слабо светящиеся улицы-трещины, расползшиеся меж бетонных коробок, настроенных вплотную друг с другом. Хотя сам город её абсолютно не интересовал, она ушла глубоко в себя и смотрела в никуда. Слёзы больше не текли из её серо-зелёных глаз, они будто кончились.

Просидев так несколько часов, пока освещение в городе не переключили с бледно-жёлтого на белое и синее, что означало наступление полуночи, она лениво сползла с окна. Она приняла душ, пробыв там почти час. После она развалилась на кровати.

В нише с небольшим окошком возле двери появился поднос с едой. Кира почувствовала ароматный запах, но кусок в горло не лез.

Она взяла валяющийся на кровати пульт и включила первый попавшийся фильм. Как на зло, это оказался один из новых триллеров о группе людей, выживающих в руинах бывшего города. Она не вникала в сюжет, она просто смотрела на мелькающие кадры, погрузившись в себя.

На следующий день, когда принесли завтрак, Кира всё же не отказалась от него, пара дней голодовки дала о себе знать.

Через пару часов в комнату вошёл парень лет двадцати, в синем военном камуфляже, в бронежилете, но без оружия. Его коротко остриженные светлые волосы и гладкое лицо с карими, слегка прикрытыми глазами имели спокойный, но в тоже время собранный вид. Манера его движений и не громкая, но чёткая речь, говорили многое о его характере. Его нельзя было назвать простым и понятным парнем, капля скрытности всё же присутствовала в этом светлом с виду человеке.

Он положил на кровать сложенную чёрную форму с широкой серой полосой по бокам, сверху положил чёрную кепку, на пол поставил ботинки.

– Оденешь это. На выход через три часа, – мягко сказал парень, подойдя ближе к Кире, сидящей на окне и наблюдающей за прохожими внизу.

– Я это не одену, – заявила Кира, не поворачиваясь к парню.

Это был её бывший одноклассник Антон Тихий, с пятого по одиннадцатый класс они сидели за одной партой. Хотя они и не были лучшими друзьями или что-то вроде того, всё же хорошо общались и подумать не могли, что вот так окажутся по разные стороны закона.

– Кир, не обрекай себя на очередную унизительную процедуру. Не наденешь сама, тебя оденут, но повезут тебя только в этом и ни в чём другом, – всё так же мягко и тихо говорил Антон. – Дело сшили быстро, белыми нитками, но… похоже, всё не так просто.

Кира сидела молча, презрительно глядя на бывшего одноклассника.

Он подошёл ещё ближе и заговорил вполголоса: «Кто будет тебя конвоировать, уже известно, в их число вхожу и я. Я кое-что успел подготовить. Немного, конечно, но всё же лучше, чем ничего. Там, где тебя оставят, стоит старый автобус, заглянешь под него. Выслеживай патрули. Время патрулирования нашего отряда, в котором я с недавнего времени, с 9:40-ка до 12:40-ка. Просто высматривай меня и дай знак, желательно, чтобы заметил его только я».

Кира недоверчиво покосилась на Антона.

– Тихий, тебе чо от меня надо?

– Ничо мне от тебя не надо, расслабься.

– Ну и зачем тогда всё это? Давай выкладывай.

– Мы с тобой с пятого класса вместе. Похоже, я второй человек в крепости, который тебе полностью верит, я и твой отец.

– А если всё-таки я его убила? – Спросила Кира, внимательно смотря ему в глаза.

Антон ничуть не смутился и ответил сразу же: «Это не могла

быть ты».

Он многозначительно улыбнулся и торопливо вышел.

Кира, в чёрной форме с серой полосой по бокам и солдатским мешком-рюкзаком за спиной, шла в сопровождении двух бойцов спецподразделения отряда «Тигр». Руки её были скованны наручниками. Они шли по кабельному коллектору, над головой светили голубоватые лампы дневного света. Местами пол был решетчатый и под ним проходили то жёлтые газовые трубы, то паропроводы, то какие-то провода.

Спустя двадцать минут они вышли из подвала одной из многоэтажек. На улице ждали ещё четверо бойцов «Тигр».

Киру закованную в наручники вели по одной из главных улиц, под конвоем шестерых бойцов с автоматами, готовыми выпустить очередь на любое неверное движение приговорённой. Это было очередное унижение, приговорённую должны были вести несколько кварталов до ворот по наполненной людьми улице. Специально, разумеется, граждан никто не предупреждал во избежание столпотворений и провокаций. Хотя такие случаи были редкостью, этот нюанс был прописан как один из обязательных пунктов приговора.

Один из конвоиров повернул кепку Киры козырьком назад, козырёк до этого был опущен на глаза. Люди расступались перед конвоем. Кто-то смотрел на Киру с презрением, кто-то с ненавистью, кто-то показывал пальцем, а кому-то и вовсе не было никакого дела.

Наконец её довели до огромных ворот. Двустворчатые огромные ворота толщиной около полуметра были выпуклой формы. Выпуклыми во внешнюю сторону крепости они были для того, чтобы лучше выдерживать взрывную волну от ядерного удара. Таких ворот было семь.

За воротами стояли БМП и военный «хаммер». Возле машин находились восемь солдат в обычном солдатском камуфляже с автоматами за спиной, латах и мечами на поясе. Среди них был и Антон Тихий.

Киру усадили на заднее сидение «хаммера», от водителя она была отгорожена решёткой и стальной сеткой. Бойцы попрыгали в БМП, кроме Антона и ещё одного, севших на броне.

Ворота позади закрылись, в воздухе повис выхлопной дым от боевых машин. Ворота впереди открылись, за ними оказался следующий отсек коридора, такой же, как и первый. Машины проехали в него, ворота позади закрылись, открылись следующие. И так до тех пор, пока не открылись седьмые ворота, толщиной

полтора метра. Полукруглые ворота, обшитые сталью и заполненные внутри бетоном, отъехали в нишу в стене, и внутрь тёмного коридора хлынул свет.

Глава вторая. Синяя бездна

Сразу за воротами располагался металлообрабатывающий завод, огороженный шестиметровым бетонным забором с колючей проволокой. Завод занимался ещё и обработкой бетона и кирпича. На территории были горы металлолома, бетонных плит и балок, битого кирпича. В массивных бетонных зданиях цехов металл резали, сортировали, чистили, прессовали в небольшие кубы и грузили на железнодорожные платформы. Также чистили уцелевшие кирпичи, блоки и плиты от раствора и отправляли в подземные склады крепости. В ста метрах от основных ворот находился железнодорожный туннель, защищённый массивным гермозатвором.

Кире уже стало не по себе от того, что над головой не потолок, а серая пелена. Она опустила голову. Минуту назад нахождение в этой машине казалось ей невыносимым, но теперь ей хотелось как можно дольше оставаться в ней и не выходить наружу.

Приговорённую провезли по запылённой и задымлённой территории завода, пропахшей кислым металлическим запахом. По территории рабочие ходили в респираторах и защитных очках. Оно и понятно, за эти пять минут некоментируемой экскурсии металлическая пыль уже скрипела на зубах. Проезжая мимо груды ржавых мятых бочек, лежащих в сине-зелёном маслянистом болоте, Кира прикрыла нос рукой от невероятно едкого, до рези в глазах, химического запаха. Вся земля на территории была усеяна бетонной крошкой с красно-бурым налётом ржавчины.

Железные ржавые ворота отъехали. Прямо уходила четырёхполосная дорога, от разметки почти ничего не осталось, асфальт был сильно разбит гусеницами и тяжёлым транспортом. По сторонам были разбросаны куски бетона и кирпичных стен, свежее пепелище. Эти здания снесли специально, чтобы враг не мог подойти близко незамеченным.

Через четыреста метров глазам открывалась уже другая картина. Дорога была всё так же разбита, но тротуары и въезды во дворы были относительно хороши. Деревья, кустарники и травы разрослись так, что местами полностью скрывали первые этажи зданий. Кира не видела апокалиптической разрухи, какую видела несколько лет назад с крыши Соколовска, кругом стоял молодой лес, над которым возвышались многоэтажки, какие-то лишь повреждённые временем, а какие-то изуродованные бомбёжками и грозно накренёнными куда-то в сторону.

В этом городе во время пришествия бои шли не настолько

ожесточённые, поэтому большая часть города устояла, по крайней мере ещё можно было различить кварталы, улицы и здания, они не превратились в бесформенные завалы. Тут и по сей день кипела жизнь – другая жизнь, ещё не известная Кире…

Тем временем едва заметно подкрадывались сумерки. Ещё всё было отлично видно, но по улицам уже потянуло вечерней свежестью. «Хаммер» и БМП въехали в один из дворов. Кира сразу обратила внимания, что во дворе нет ни одного дерева, хотя весь путь сюда были заросли молодняка. Оба броневика остановились у ржавого автобуса, стоящего на стоянке. Когда-то это был небольшой японский автобус, обычно возивший людей куда-нибудь в горы или к морю, а теперь это было ржавое корыто с обвалившейся краской и запахом гнилой листвы из салона.

Из БМП вышли всего трое бойцов. Антон и тот, что сидел рядом с ним, спрыгнули с брони. Тихий открыл дверь «хаммера», Кира вышла, опустив голову. Бойцы говорили между собой, курили, посмеивались. Было видно, что никого из высшего командования не было, и поэтому на формальности и всю официальность им было откровенно плевать.

– Я думаю, повторять приговор не обязательно? – Спросил один из бойцов, подтягиваясь на ржавом турнике.

– Да забей, – раскованно сказал Антон. – Только эт… Слава, в протоколе всё как положено зафиксируй!

Антон отвёл Киру на пару десятков метров от машин.

– Вот и автобус, – тихо проговорил Антон, остановившись и повернув Киру лицом к автобусу.

Он снял наручники.

– Помни, что я говорил.

Он развернулся и пошёл к машинам. Кира взглянула на руки, на запястьях остались покрасневшие следы от наручников. Рёв моторов позади усилился, потянуло выхлопами, затем звук отдалился и вскоре остался эхом.

Кира огляделась по сторонам. Двор был широкий, как и большинство российских дворов многоэтажек, хоть конём гуляй. Кругом стояли шестнадцати – двенадцатиэтажные дома. Все они были лишь немного повреждены войной. В большинстве квартир даже остались стёкла.

Такого простора в крепости не было, на первом этаже дворики были тесные, а на остальных – только комнаты и бесконечные коридоры. В крепости только в «белом квартале», который был на каждом этаже, можно увидеть подобный простор и свет. Конечно, был ещё обзорный этаж, пустой зал с колоннами, площадью равный всей площади крепости, включая все

помещения: там, стоя у одной стены, можно было не увидеть противоположную, будто пол и потолок просто сходились вместе.

Подул лёгкий ветерок, отчего Киру сразу бросило в дрожь, ведь в крепости никогда не было ветра, а если и был, то доносился из вентшахты и был совсем не страшный.

Кира быстро зашагала к ближайшему зданию, к ближайшей двери. Она вошла в распахнутую железную дверь. Это был склад кафе, находящегося на первом этаже шестнадцатиэтажки. Тут было темновато, деревянные стеллажи покрылись слоем пыли, на полу валялся всякий хлам вперемежку с посудой. Из этого помещения вели ещё два коридора куда-то в пугающую темноту.

Но Киру это не страшило, ей уже всё равно. В спину дунул ветерок, но он уже не принёс того эффекта.

– Да хоть сдуй, мне как-то…

Она сняла рюкзак и отшвырнула куда-то в сторону. Сама же развалилась напротив входа у упавшего стеллажа на куче коробок и каких-то папок с документацией. Совсем скоро она перестала замечать всё окружающее. Не заметила крысу, пробежавшую в светлой полосе, падающей от входа. Не заметила одиночного выстрела, раздавшегося где-то очень далеко и повторяемого эхом.

В её голове крутились мысли одного рода – быстрей бы всё закончилось, пусть даже смертью.

Ведь она не раз слышала в Соколовске, что за стенами жизни нет, есть определённые маршруты от крепости к крепости для грузовых перевозок, что вдали друг от друга разбросаны укреплённые небольшие поселения с ещё более суровыми законами. Что на остальной территории никого нет. Что на большей части земли – ядерная зима. Ходили байки, что там и вовсе бродят мутанты и бешеное зверьё, хотя такие байки рассказывали в основном старики в чайных, которые с начала новой эры в лучшем случае на обзорном этаже бывали. В основном всё это, за исключением баек про мутантов, рассказывали люди, мало имеющие отношение к военным или бывшие за пределами крепости всего пару раз. Сами же военные мало что говорили, хотя многие были и не прочь рассказать свою байку, чтобы привлечь к себе – герою, побольше внимания и уважения.

Что из всего услышанного ранее правда, а что нет, Кира не знала. И что в паре кварталов отсюда – давно брошенные и безжизненные территории или чертоги кромешного ада, наполненного психами, жрущими друг друга, этого ей тоже не было известно. Ей уже было всё равно.

Она не заметила, как в проход проползли сумерки, и снаружи всё погрузилось в синеватую дымку.

В зале послышались шаги, затем дверь на кухню тихонько открылась. В тёмном проходе позади Киры показался свет диодного фонаря. В помещение вошли трое солдат в военных бронежилетах, касках и щитках, словом, в полной боевой экипировке. Кира не обращала на них никакого внимания. Один из бойцов подошёл к ней, присел, взглянул на наколку.

– Сегодня, – басовитым голосом сказал он и отошёл.

Другой, стоящий подальше, что-то пробубнил и усмехнулся.

Они проверили второй тёмный проход, ведущий в холодильную камеру.

– Сектор семь двенадцатого пути проверен, чисто. Продолжаем патрулирование, – передал один из них по рации. Рация что-то невнятно прохрипела.

Бойцы вышли тем же путём, что и вошли, будто тут никого и не было. Нельзя сказать, что Кира их совсем не заметила, просто их появление было ей безразлично. Странное чувство окутала её, солдаты не обратили на неё особого внимания, ничего ей не сказали, а по рации передали: «Чисто» – то есть никого. Странно. Она приподняла голову, огляделась, пошевелила пальцами на руках – жива.

– Жаль, – пробормотала она и опять легла.

Она проснулась от того, что её кто-то покусывает за руки, а у лица что-то влажное, и несёт какой-то гнилью. Она вздрогнула. Тут же раздались какой-то шорох и поскуливание. Открыв глаза, она увидела, как на улицу прошмыгнули пять силуэтов, похожих на собак с пушистыми хвостами. Она поняла – звери, обнаглевшие звери. Поняла, но ей по-прежнему было всё равно.

В проходе понемногу стали различимы очертания зданий, приближался рассвет. Только сейчас Кира стала приходить в себя и осознала, что к ней присматривалось местное зверьё. Но она старалась привести себя в прежнее равнодушное состояние, погрузить себя в полное безразличие. Вскоре она снова задремала.

От дремоты пробудил яркий оранжевый луч солнца. Кира лежала, свернувшись от холода калачиком, в огненно-оранжевой полосе солнечного света, расстелившейся от входа. Свет утреннего солнца, только взобравшегося на горизонт, нёс какой-то утренний позитив, какое-то свежее приятное ощущение, которое Кира упёрто старалась не воспринимать. Она хотела вновь уйти в себя и ничего не замечать, не замечать времени и пространства, и так тихо и незаметно умереть.

Но ночное происшествие и холод не давали забить на всё. К тому же голод, который только и нагонял мысли о еде.

«Боже, как хорошо в нирване, не видеть, не слышать, не чувствовать, не бояться, не осознавать. Мне всё равно, что со мной, мне всё равно. Чёрт, как хочется есть, в Соколовске, наверное, уже очереди на выдачу выстроились, интересно, что сегодня дают? Нет! Мне всё равно что дают! А в крепости никогда не было так холодно, а ведь ещё не зима, я сейчас мёрзну, а что потом? Почему эти твари не сожрали меня во сне?! Не мучилась бы. Почему все такие жестокие, даже зверьё – и те чёртовы гуманисты! Не думала, что оставление жизни можно считать жестокостью,» – эти мысли кружились в голове Киры всё активней и активней. Все попытки убедить себя, что у неё депрессия и стресс, что ей всё равно и ничего не надо, были жалкими попытками самовнушения, разум всё громче твердил: «Надо поесть, надо найти воду, надо согреться, вообще, надо выжить,» – но в то же время разум и понятия не имел, как это сделать.

В конце концов, она нервно вскочила, словно разбуженная работающим перфоратором соседа ранним утром в воскресенье. Поёжившись от холода, она схватила свой рюкзак, валявшийся всё там же, куда он вчера был заброшен. Она вышла на полосу света, льющуюся из открытого выхода на улицу. Солнечный свет пригревал едва заметно.

Она вытряхнула содержимое рюкзака на пол. Набор выданных предметов оказался довольно скудным: верёвка, всего около четырёх метров в длину; маленький перочинный ножик, который даже не понятно для чего мог пригодиться; бумажная пачка пищевых капсул (12 штук), на которые можно было нормально прожить всего неделю; литровая бутылка с водой, крышка её была с небольшим простеньким фильтром, которого хватило бы максимум на пять наполнений этой бутылки из ближайшей лужи. Также были: карманный фонарик, которым можно было подсветить карту в темноте, и не более того; пустой герметичный пластиковый контейнер с петлями для ремня, чтобы повесить его на пояс; обычная кремниевая зажигалка. Вот и весь набор для выживания в суровом мире, о котором она слышала на уроках ОБЖ и от знакомых. Быть может, опытный сталкер нашёл бы всему этому какое-то другое и более полезное применение, но девятнадцатилетняя девушка видела в этом бессмысленный набор малополезных предметов.

Кира фыркнула разочарованно и небрежно запихнула всё обратно, только пищевые капсулы положила в карман штанов, предварительно съев сдуру сразу две капсулы.

Словно делая кому-то одолжение, Кира повесила рюкзак за спину на одной лямке и пошла, но не к выходу, а в зал кафе. Зал

был раскурочен настолько, что каких-то конкретных предметов разобрать было невозможно. По всей видимости, сюда угодил миномётный снаряд, или тут укрывался враг и его просто забросали гранатами. Зал был завален обломками гипсокартона, железными профилями, остатками мебели и декора. За стойкой был проход, за ним виднелась зелёная крашеная стена подъезда.

Приговорённая вышла в подъезд. Дверь на улицу была закрыта. В подъезде было относительно чисто для заброшенного здания, только отслаивающаяся, словно старые обои, краска на стенах. В здании Кира чувствовала себя спокойно и не торопилась выходить на улицу, на открытое пространство.

Поднимаясь выше, она заметила, что дверь одной из квартир железная и явно не отсюда, а скорее с какого-то технического помещения. Кроме того, она не обросла пыльной замшей, как остальные, и её замок не заржавел, а даже ещё блестел. Похоже, тут либо кто-то жил, либо был чей-то схрон, что менее вероятно. Она дёрнула за ручку двери, но та, как и ожидалась была заперта. Она остановилась на восьмом этаже, задав себе мысленный вопрос: «Зачем и куда я поднимаюсь?»

– Для обзора, – вслух ответила она сама себе.

Она поднялась на последний этаж и вошла в первую попавшуюся квартиру.

Квартира была почти пуста. В прихожей валялся календарь за 2016-тый год, с забавным смайлом в шапке Деда Мороза и надписью: «всё будет ОК!», который теперь выглядел совсем не к месту.

В кухне остался только табурет с железными ножками, газовая плита, микроволновка и холодильник, облепленный выцветшими наклейками, магнитиками и несколькими заметками, на которых ещё можно было разобрать аккуратный женский почерк. На полу – осколки разбитой посуды, кастрюли, сковородки, столовые приборы, среди которых почему-то не было ни одного ножа.

На тетрадном листе, прикреплённом к холодильнику магнитиком в виде дельфина, видимо, банальным сувениром с моря, маркером было написано: «Серёж, вся связь в городе отключена, поэтому я даже не пыталась дозвониться тебе. В город вошли правительственные войска, я не стала рисковать, собрала детей и мы уходим из города. На нашем месте, ты помнишь. Будь осторожен».

На остальных самоклейках были самые обычные бытовые заметки: «Забери Никитку со школы»; «буду поздно, котлеты в холодильнике»; «позвони»; «Железнодорожная 402\6, в 15:20».

В зале остался только стеклянный столик с изящной

железной ножкой и опять же, осколки стекла и каких-то маленьких предметов, сувениров и, прочей домашней мелочи, валялся в куче домашний кинотеатр с колонками и прочей гарнитурой. По полу были разбросаны фотографии и растрёпанные страницы фотоальбома В углу сиротливо сидел огромный плюшевый медведь в солнечных очках и пляжной панамке, покрытый пылью и паутиной, испорченный сыростью и насекомыми. У входа в зал был содран паркет.

Всё это вызывало тяжёлое и гнетущее ощущение, ведь когда-то тут жили люди, по-видимому, молодая семья, а теперь всё в запустении. Видимо, гораздо позже из квартиры вынесли всё, что могло сгодиться на костёр, даже паркет и обои начали сдирать. В остальные комнаты Кира не стала заходить, в них было то же самое.

Она вышла на балкон. Под ногами зазвенели битые стёкла и стреляные гильзы. В углу в истлевшей зимней военной форме лежал человеческий скелет, но оружие при нём не было, наверняка им теперь владеет кто-то другой. Но на это Кира не обратила внимания. Отсюда была видна даль. Здания уходили до горизонта: маленькие, большие, целые, разрушенные. Местами между зданиями раскидывались настоящие заросли из молодняка и высокой травы, а местами торчали пни на выжженной земле. Но поражало её больше всего небо, эта синяя бездна без единого облака и без грамма дымки. Ей вдруг показалось, что земля стала переворачиваться и она сейчас упадёт в эту страшную, но завораживающую пустоту, и будет лететь долго-долго, туда – в ледяные недра космоса, у которого нет дна, и, если она не столкнётся с каким-нибудь астероидом, то так и зависнет навечно в ледяном безграничном пространстве. Яркое солнце, немного приподнявшееся над горизонтом с обломанными зубами-многоэтажками, не казалось ей картонным кружком, приклеенным к гипсовому своду небосклона, она чётко представляла далёкий край земли, за которым – всё та же пугающая пустота, а где-то там, далеко, висит страшный пылающий шар.

Она попятилась назад и быстро вышла из квартиры. В тесном подъезде сразу стало спокойнее. После пятнадцати лет жизни под потолком оказаться на улице – равносильно тому, что выпустить аквариумную рыбку в открытый океан.

Глава третья. Край

Около часа Кира бесцельно бродила по пустым квартирам, но, в конце концов, всё же заставила себя выйти на улицу.

Дверь подъезда приоткрылась, Кира неспеша и озираясь вышла во двор. Чёткого плана, что делать дальше, у неё не было, точнее, вообще никакого плана не было. Она прошлась по двору, осматриваясь, и всё время будто с опаской поглядывала в небо.

Наконец она обратила внимание на автобус, возле которого её вчера высадили. Возникла борьба ощущений: с одной стороны, ей крайне не хотелось пользоваться подачками бывшего одноклассника, а с другой стороны разум убеждал, что с тем, что у неё есть сейчас, она долго не протянет. В конце концов, хотя бы из любопытства можно же посмотреть.

Она подошла к автобусу. На заржавевших дисках висели ошмётки покрышек, видимо, срезанных кем-то для разведения костра или ещё чего-нибудь. Под прогнившим днищем лежал тёмно-зелёный ящик. Кира подлезла под автобус, где до сих пор стоял запах машинного масла и резины, и, ухватив ящик за железную ручку, вытащила его наружу. Она оттащила ящик подальше от автобуса, выйдя из его тени. Солнце уже немного пригревало. Она села на полурассыпавшийся бордюр и открыла ящик.

Сверху лежала коротенькая записка на жёлтом листке бумаги: «Возьми всё, ящик спрячь на место». Она отшвырнула записку и стала выкладывать на асфальт содержимое тайника.

В тайнике оказались: прочная длинная верёвка, с карабинами на обоих концах; длинный нож с петлями на рукояти, которыми можно было пристегнуть его к руке; аптечка в герметичном контейнере; потрёпанный тактический фонарь с маленькой солнечной батареей; зажигалка, не гаснущая даже на ветру; кусочек огненного камня, размером с пачку сигарет; три банки тушёнки; дозиметр, которым умел пользоваться каждый школьник с первого класса. Но больше её внимание привлёк магазин автомата Калашникова, полный патронов, хотя самого ствола не было. Автомат Калашникова – легендарное и самое распространённое оружие до новой эры, являлся самым используемым огнестрельным оружием и сейчас, благодаря простоте и надёжности.

Кира сложила всё в рюкзак, предварительно переложив из него в ящик всё содержимое, оставив только пустой герметичный контейнер и воду.

Все тяжкие мысли о несправедливости и тяжкой доле уже

пошли по сотому кругу и самой Кире порядком поднадоели. И хоть она уже мысленно решила, что не будет об этом думать, ибо пользы от этих мыслей ровно никакой, всё равно душа обиженно шмыгала носом, забившись в угол. Смысла в дальнейшем существовании она не видела, но и назвать её состояние депрессивным и угнетённым было нельзя. Своё состояние и сама Кира не могла понять, настолько оно было сложным и нестабильным. Ей то становилась на мгновение интересна её новая жизнь, то вновь хотелось забиться в угол и не выходить оттуда.

Кира шла по дороге в противоположную сторону от маршрута, по которому её привезли, не зная, зачем она идёт вглубь брошенного города.

Из трещин в асфальте пробивалась трава, из выбоин поднимались совсем молоденькие берёзки. Здания магазинов, каких-то офисов, административные и жилые, тянущиеся по бокам, были в унылом запустении. Почти все они были целы, даже с целыми запылёнными стёклами, раскрашенные солнечными бликами, падающими сквозь сочно-зелёные листья разросшихся деревьев. Дозиметр, оттягивающий правый карман форменной ветровки, молчал. Кира шла, размахивая ножом, срезая ветки. Она не думала о том, где потом доставать пищу, где найти лучше ночлег, кто теперь свой, а кто чужой. Она полностью ушла в свои мысли: воспоминания, унылые раздумья о произошедшем, и даже какие-то фантазии. Она то улыбалась, то вновь становилась хмурой, то шла, надув губы, будто обиженный ребёнок.

Деревья неожиданно закончились. Тут были лишь пни, причём некоторые – совсем свежие. Было видно, что деревья были спилены недавно.

Посреди площади стоял полуразрушенный постамент какого-то памятника. Из щелей тротуарной плитки пробивалась молодая трава.

Прошло два дня. Кира бродила всё это время по городу. Какие-то районы были укутаны в густые заросли, где кроны деревьев образовывали зелёный беспросветный купол, но большинство районов было расчищено от деревьев и кустарников. По всему городу то и дело попадались стреляные гильзы, сгоревшая или давно брошенная бронетехника и самодельные внедорожные автомобили. Но город не был мёртв. За всё время Кира несколько раз видела людей, нортов,[1] пару викингов и даже лесников – представителей других рас, сильно похожих на

людей, к слову, многие и вовсе не считали их отдельной расой – не людьми, уж слишком они были схожи с людьми. Также попадались шакалы, дикие собаки и прочее мелкое зверьё.

Наконец здравый смысл взял верх над обидой: «Нет смысла обижаться, тебя ведь никто не видит и не слышит. Ладно, если бы ты сидела в камере, то могла бы дуться сколько влезет, объявлять голодовки и прочими способами привлекать внимание к себе – бедной, несчастной, ни за что осужденной. Но тут всем плевать на тебя, всем, кроме падальщиков. Надо что-то делать. Ещё повезло, что сейчас не зима, всё тепло ещё впереди. Может, всё же найти Антона? Кстати, в какой стороне крепость и их маршрут? Да пошёл он! чтобы я просила этого гада помочь, разбежалась! Почему гада? Он и так помог, чем смог. Да не просто так он помог, гад. Ты не на того обижаешься, думай, как дальше жить. Сдохну. Ну давай, потому что голодная смерть – уж совсем извращённый способ. Не хочу. Тогда думай, кстати, воды у тебя практически нет, а пить воду из местных водоёмов, так она мазутом несёт, как от бензовоза, кинь спичку – и вспыхнет».

Кира взглянула на бутылку с фильтром. Фильтр был бурого цвета и попахивал какой-то отвратительной химией, а на дне бутылки плескалась мутная жижа, которой хватило бы всего на пару глотков.

Рыжий норт с вороватым, но в то же время осторожным видом, не высокий и не низкий, крался по руинам большого коттеджа. Опоясан он был потёртым ремнём, в котором небрежно проделаны несколько дополнительных дырок. К ремню были пристёгнуты мачете в ножнах и небольшая сумочка, в каких раньше люди носили документы, деньги и мобильник. На шее норта висела на чёрном шнуре пятирублёвая монета двухтысячных годов прошлой эры. Окрас норта был ярким: насыщенный рыжий, почти красный, и снежно-белый. Окраска, как и у всех рыжих нортов, но гораздо насыщеннее.

Зелёные глаза его пристально смотрели на группу диких собак во дворе коттеджа, которые увлечённо рвали высохший труп легионовца, злобно рыча, то и дело покусывая друг друга. Норт затаился в паре десятков метров от собак под обвалившейся крышей из синего профнастила.

Норт вытянул левую лапу немного вперёд, едва слышно приговаривая: «Тихо, тихо. Не скачите вы так».

От собак до лапы норта протянулся почти неразличимый поток энергии. Вдруг недалеко раздался короткий, но пронзительный девичий взвизг, отчего все участники процесса вздрогнули и невольно прижались к земле. Поток прервался.

Собаки навострили уши, и затем рванули в противоположную сторону. Норт цокнул раздражёно и, пригнувшись, неспеша пошёл в сторону, откуда раздался этот звук, испортивший ему всю охоту.

Все его движения выражали осторожность и, быть может, даже каплю трусоватости. Он шёл немного пригнувшись и прижав уши. Он намеренно шёл по завалам или внутри домов, не выходя на дорогу. Открытые пространства он пересекал перебежками, внимательно осмотрев местность перед этим.

Он вошёл на территорию бывшей стройки. Шестнадцатиэтажное здание, состоящее только из перекрытий и бетонных опор, не имеющее ни внешних, ни внутренних стен, выглядело угрожающе. Бетонные плиты местами прогнулись, словно пластик, а верхние три этажа, по всей видимости, подбитые снарядом, сползли на крышу соседнего корпуса. На ржавом башенном кране, поскрипывая, качался огромный крюк, опущенный до уровня первого этажа. Вся земля была покрыта щебнем и мелкими обломками кирпича, сквозь который уже прорастали молодые берёзки.

Норт остановился у здания в том месте, где была короткая свежая бороздка, ведущая в яму у здания и исчезающая в темноте подвала. Норт осторожно спустился в яму и заглянул в провал фундамента. В тесном подвальном помещении на сыром бетоне в углу виднелся сидящий на корточках человеческий силуэт, по-видимому, девушки.

– Эй, ты как? Руки-ноги целы? – Спросил норт шёпотом и огляделся.

Силуэт кивнул и поднялся.

– Иди сюда, помогу.

Девушка подошла, они протянули руки друг к другу, но подвал оказался слишком глубоким, они не дотянулись.

– Верёвку бы, – сказал норт, опять оглядываясь.

– У меня есть, – сказала вдруг девушка.

Послышался вдруг какой-то шорох, и из провала вылетела смотанная верёвка с карабинами на обоих концах.

– Сам я тебя вряд ли вытащу, привяжу к чему-нибудь.

Он сбросил один конец обратно, а второй карабин пристегнул к своему ремню и выскочил из ямы. Он подскочил к башенному крану, так как это была ближайшая опора, к которой можно было прицепить верёвку. Он зацепил карабин о лестницу крана, вернулся обратно, но второй конец лежал уже на краю провала. Недостаёт ещё пару метров!

– Чёрт! Могла бы сказать сразу, что не хватило, – шёпотом

прошипел норт.

– Что мне шёпотом крикнуть надо было? – Вполголоса спросила девушка.

– Почему шёпотом?

– Но ты же шёпотом говоришь.

– А… ладно, я попробую ещё пару мест. Как не будешь доставать, говори.

Но эта пара раз не принесла успеха.

– С лифтовой шахты было бы проще.

– Шахта это там? – Спросила девушка, смотря в щель завала, завалившего выход из комнаты.

– Ну да, в той стороне, но тут же завал.

– Я пролезу, – сказала девушка и присела у завала.

– Э-э-э, застрянешь, я тогда точно ничем не помогу.

Но девушка уже скрылась в крохотном проёме под плитой.

Норт заскочил на первый этаж и, обмотав верёвку вокруг колонны и застегнув карабин, закинул второй конец в шахту, где уже послышался хруст песка и щебня. Верёвка натянулась, и Кира выбралась наверх.

Увидев форму приговорённой, норт не смог скрыть разочарования.

– Что, уже жалеешь, что помог? – Немного нагловато спросила Кира, сматывая верёвку. – Ну уж извини, что не предупредила.

– Мне всё равно, кто ты и за что здесь. Давно снаружи? – Негромко говорил норт.

– Полгода, – соврала Кира, сама не до конца понимая, зачем.

– Ну да, конечно. Даже соврать нормально не можешь, я же вижу дату на наколке.

– Зачем тогда спрашиваешь?

– Неважно. Идём, дело есть, – деловито и с криминальным оттенком сказал норт и направился в сторону улицы.

– Чего!? – Возмутилась Кира так громко, что норт невольно пригнулся. – А, или ты решил, что, раз помог…

– Чо ты орёшь, дура? Ладно, если вариант «ты у меня в долгу» не прокатывает, то у меня вопрос: ты сама выживешь? Ты же сдохнешь через неделю, максимум через две.

Его голос звучал пугающе строго, так, что лицо Киры переменилось, оно стало обиженным, словно у ребёнка, которого отругали. Хотя голос норта звучал тихо, казалось будто он не способен громко говорить и тем более кричать, эта фраза всё же произвела нужный эффект.

– Что ж, в таком случае свободна.

Он не спеша вышел на улицу и, осторожно оглядываясь и

пригибаясь, побрёл прочь.

Кира помялась несколько секунд на месте и всё же бросилась за ним.

Она догнала норта уже на улице.

– Ладно, намёк ясен, что там за дело?

– Идём. Только пригнись, тут тебе не аллея, чтобы расхаживать так.

Они молча шли по наиболее разрушенной части города. Тут совсем не осталось целых зданий. Некоторые здания были посечены осколками, от некоторых осталось всего по паре стен, а от иных и вовсе груды кирпича и плит. На многих зданиях чернели следы сильных пожарищ. Улицы засыпаны обломками и пеплом, всюду перевёрнутые и искорёженные автомобили и сгоревшая или сломанная бронетехника.

Порой трудно было понять – по улице они идут или в здании, дверь за дверью и за каждой завал. Зачастую техника встречалась внутри домов. Всё ещё стоял запах гари, пороха и горелой плоти. Иногда, не заметив сразу, Кира наступала на полностью сгоревшие тела, отчего её едва не выворачивало наизнанку.

– Чуть больше недели назад наши всё-таки выкурили отсюда легионовских. Хотя солдат Альянса тут полегло втрое, больше чем вражеских. Тела на днях забрать должны.

– Куда мы идём?

– Бывший офис Газпрома, точнее, его подземная парковка.

– Я до сих пор не до конца понимаю, что такое Газпром, знаю только, что эта фирма как-то была связана с газом.

– Сейчас она называется Алэнерго.

– Ну, её-то я знаю.

Спустя сорок минут Кира с нортом добрались до цели. Среди торговых центров, магазинов, кафешек и прочего находился офис Газпрома. Понять, сколько этажей было у этого здания, довольно трудно. Верхние пять этажей лежали на огромной куче металла, фанеры, стекла, пластика и бетонных балок – словом, руинах нижних этажей. Относительно уцелевшая часть представляла собой прямоугольный треугольник с панорамными окнами. Огромный логотип компании валялся, измятый, на парковке, усыпанной пылью и мелкими обломками.

– Как выглядит преобразователь, знаешь? – Спросил норт.

– Только, как старая модель. О новых я только слышала.

– Замечательно.

Они остановились у железной вытяжки, торчащей из земли.

Верхняя крышка была выдрана. Недалеко валялись металлопластиковые обломки небольшого пассажирского самолёта.

– Надо достать, – сказал норт, заглядывая в вытяжку.

Под решёткой, приваренной на середине воздуховода, в которой не было одного прута, в куче каких-то обломков и тряпок лежал преобразователь размером с пивную кружку.

– Ты меня переоцениваешь, тут я точно не пролезу, – сказала Кира с едва заметным разочарованием.

– Тут и не надо. Пойдём.

Они остановились у выезда из подземной парковки. Кирпичные стены и железная крыша, некогда прикрывавшие въезд, обвалились. Но перед самым въездом было немного места. Проезд был защищён решётчатыми воротами. К счастью, из-за бомбёжек ворота деформировались и в одном месте прутья разогнулись так, что Кира с её стройной фигурой и гибкостью могла попытаться туда протиснуться.

– А как я найду ту вытяжку?

– Она, скорее всего, идёт из венткамеры, если эту парковку проектировали не идиоты. Ищи венткамеру.

– Ха-ха-ха, всего-то, – с сарказмом сказала Кира, снимая рюкзак.

– Да, если там не будет зверья – раз плюнуть, – как можно более непринуждённо сказал норт.

– Чего, какого зверья? – Панически переспросила девушка.

– Шучу, шуткую, расслабься. Никого крупнее тебя там, скорее всего, не будет.

– Да пошёл ты, – огрызнулась Кира, достав нож и фонарь.

Она пролезла к решётке, оставив рюкзак наверху. Не без труда она протиснулась через решётку и спрыгнула на запылённый асфальт. Тут было практически ничего не видно и заметно холоднее, чем наверху.

Она включила фонарь. Яркий, но узкий пучок света пронзил пространство. Впереди проезд был перекрыт опущенными роллставнями.

– Что там? – Послышался голос норта снаружи.

– Проход закрыт, но есть какая-то дверь.

– Осторожно.

Кира подошла к железной двери. Пучок света был слишком яркий. Она перевела линзу фонаря в другое положение, и пучок стал более широкий и рассеянный.

Она не без трудностей приоткрыла дверь, так как из-за немного перекосившейся рамы дверь упиралась в пол. Она

заглянула внутрь. Эта была комнатка, где раньше сидел охранник, проверял пропуска, следил за парковкой по видеонаблюдению, открывал и закрывал ворота.

На столе валялись какие-то учётные записи, газеты. Стояла даже кружка, внутри которой был чёрный налёт, это был недопитый кофе. Судя по всему, персонал покинул это место крайне спешно, ведь вблизи города нет мёртвых зон, и в последний час перед битвой некоторые объекты продолжали работать. Лишь когда завоевали последнюю мёртвую зону, были закрыты все гражданские объекты.

На стуле висела истлевшая куртка, ноутбук был покрыт паутиной и пылью.

Из комнаты вела вторая дверь, она открывалась наружу и была заблокирована изнутри железным прутом, вставленным между стеной и ручкой двери. Кира вытащила обвешанный паутиной прут, и дверь легко открылась. Луч фонаря осветил большую площадь. Вне бледного пятна света царил мрак и это нагоняло страх. Кира постояла в проходе пару минут, съёжившись от холода и водя фонарём по сторонам. Она видела множество машин, стоящих на спущенных колёсах, покрытых толстым слоем пыли.

Все эвакуируемые в крепость могли взять с собой небольшой объём личных вещей, разумеется, авто в этот список ни коем образом не вписывалось, каким бы дорогим оно ни было. Хозяева бросали свои машины или прятали. В последний день, разумеется, плату за стоянку никто не брал, да и сами стоянки особо не охранялись.

Тут было ещё холоднее, чем у решётки, ведь уже 15 лет сюда не проникал солнечный свет. Казалось, что даже воздуха тут мало.

Наконец глаза Киры привыкли к такому освещению. Теперь она видела не только в пределах освещаемого круга, но и силуэты вне его. Кира осторожно двинулась вперёд. Тут же в луче фонаря появились белые точки, плавно плывущие по воздуху. Затхлый воздух, полтора десятилетия не колышимый никем живым, сегодня был взволнован долгожданным гостем. Пыль, лежащая ковром на асфальте и машинах, поднялась в воздух от шагов и лёгкого ветерка, создаваемого Кирой. Она не сдержалась и чихнула прямо у фургона, цвет которого из-за пыли был непонятен. Тут же поднялось смертоносное облако. Кира прикрыла рот и нос правой рукой, в которой держала нож, и отбежала в сторону. Поднятая пыль тонкой дымкой расползлась по помещению. Стал ощутим какой-то странный запах – смесь

выхлопных газов и ещё едва различимый запах гнили. Кира прикрыла нос воротом куртки и осторожно двинулась вдоль стены, выискивая какую-нибудь дверь. Дверь попалось только одна с надписью: «ВЫХОД», да и та была заперта. Только теперь Кира обратила внимание, что стены и особенно потолок покрыты черноватым налётом.

Под ногой что-то звякнуло. Девушка посветила себе под ноги. Это была винтовка и ворох гильз вокруг. В паре метров – бывший её владелец. Почерневший скелет лежал у старенькой иномарки в сгнивших лохмотьях камуфляжной формы. Кира замерла в оцепенении, хотя в этой куче гнилья, покрытого слоем пыли, было крайне трудно разглядеть человека, но противогаз на черепе не оставлял сомнений в том, что это. Кира повела фонарём вдоль парковочных мест, чего до этого не делала, и увидела ещё два тела, а в противоположной стене – проезд на второй уровень. В проезде тоже были какие-то бугры. Кира поспешила к выходу от куда пришла.

Она пролезла в решётку и выползла на улицу. Норт подбежал к ней откуда-то со стороны.

– Ты чего? – Спросил он.

– Там трупы!

– Ох блин. И чо? – Недовольно сказал норт. – Бояться не мёртвых надо, а живых.

– Ага, сам бы попробовал.

– Я этих мертвяков знаешь сколько повидал? Я бы сходил туда сам, если бы пролезть мог. Не бойся, относись к ним просто как к предметам: «стол, диван, машина», – и будет легче.

– Там ещё запах какой-то странный, – наконец спокойно заговорила девушка.

– Запах? Это уже серьёзней. Какой?

– Выхлопов и гнили. Там очень много пыли. Я сначала не обращала особого внимания, но потом пыль поднялась, и появился запах выхлопов. Дышать невозможно. Там на стенах какой-то тёмный налёт.

– А радиация?

– Норм.

– Ну хоть это радует. А остальное плохо. Не знаю, попробуй закрыться курткой и оббежать по периметру, по любому вход в венткамеру будет. Забежишь, дверь закроешь, достанешь, немного отсидишься, и бегом обратно.

Кира смотрела на него с ухмылкой.

– Если бы всё было так просто. Там спуск на следующий уровень.

– Чёрт! Там может быть и третий. Да, плохо…

– Погоди-ка…

Кира достала аптечку, в ней она нашла многослойную марлевую повязку. Характер Киры был таков, что она могла лениться браться за что-то не особо ей нужное и даже упрямиться, но если уж взялась, то добьёт его до конца.

– Попробую ещё раз, – сказала она, надев повязку, и торопливо полезла вниз.

Кира осторожно шла между рядами автомобилей, стараясь поднимать как можно меньше пыли. Маска источала какой-то неприятный аромат медикаментов, видимо, пропитанная ими для обеззараживания воздуха. Теперь девушка заметила, что окна водительских дверей в большинстве автомобилей были выбиты. Замки зажигания – раскурочены, а провода в них – соединены, но машины стояли чётко на парковочных местах. Зачем?

На полу попалась пара разорванных цилиндров от «порошковиков» – небольших ёмкостей с жатым пылеобразным веществом, которое при взрыве густым ядовитым облаком расползается на большое расстояние. Такой порошок быстро забивается в лёгких, и жертва погибает.

Кира знала, что это за порошковики, и от этого её бросило в жар, ведь порошок, в отличие от газа, не выветривается, а остаётся. Как только какой-либо объект начинает движение, порошок вновь поднимается в воздух, чтобы убить.

Она приблизилась к спуску на нижний уровень. На полу лежало около десятка тел, это были легионовцы, и у них не было ни противогазов, ни респираторов. Кира переступала тела, пытаясь бороться со страхом, но в голове всё крутились слова: «Склеп, ты в склепе, страшная смерть, мертвецы, братская могила». И казалось даже, что эти слова и вправду звучат холодным шёпотом из мёртвых уст темноты. Пытаясь поддержать себя, Кира негромко сказала: «Это просто предметы», – но, услышав в тишине собственный голос, вздрогнула и остановилась. Теперь не было слышно даже звуков её шагов, которые эхом отражались от стен и создавали ощущение хоть какой-то живости. Теперь же всё погрузилось в звенящую тишину. В луче тактического фонаря колыхалась серая пелена, от холода по телу побежали мурашки. Эта тишина – она будто осязаема, будто укутывает вместе с ядовитой пылью в саван. Осталось только фонарику потухнуть…

Кира двинулась вперёд, прокручивая слова норта в голове, но мысли начинали неудержимый пляс не от слова «предметы», а от слова «мертвецы». Воображение начало свою безумную игру, и гулко хохоча, понесло череду жутких картин перед глазами, и

уверяло, что они ждут её за углом или плывут по ядовитому воздуху за спиной, заставляя замедлять шаг и робко оборачиваться.

Вдруг раздался негромкий треск дозиметра. От неожиданности Кира вскрикнула и выронила фонарь. Тот покатился по закруглённому спуску и исчез за углом. Всё погрузилось в темноту, лишь едва видимый просвет внизу за поворотом.

Киру будто обдало кипятком. Нет, нет, неужели это не сон, неужели это наяву?!

В холодной темноте пугающее потрескивание дозиметра, к которому Кира ещё не успела привыкнуть, звучало как-то особо грозно. Белый свет фонаря, лежащего за углом, рассеивающийся в зависшей в воздухе пыли, напоминал какое-то призрачное свечение.

Девушка несколько секунд стояла как вкопанная, чувствуя, как страх, словно лавина, накрывает её. Тело покрыла испарина, стало невыносимо душно, хотя в помещении было довольно прохладно, что из-под маски медленно выплывали клубы пара.

Наконец страх дошёл до такой степени, что оставаться на месте было невозможно, и она бросилась вперёд, споткнулась о скелет и упала, но тут же вскочила. На бегу она схватила фонарь и запрыгнула на ближайшую машину.

Она поводила фонарём по сторонам, держа нож наготове. Наличие фонаря, этого источника спасительного света, вернуло девушке уверенность.

Этот уровень был меньше по площади, и тут было гораздо меньше пыли, она уже не покрывала непроглядным бархатным ковром предметы и стены. Похоже, тут не использовали порошковики, и это была просто пыль, сквозь которую даже можно было разглядеть цвета автомобилей. Как и наверху, у всех машин были разбиты стёкла на водительских дверях и сомкнуты провода зажигания. Между машин лежало множество скелетов легионовцев, но ни одного человеческого или нортовского. Все тела лежали лицом вниз, закрывая его руками. Похоже, они до последнего пытались найти глоток чистого воздуха.

Из этого помещения вёл широкий проезд. Раньше он закрывался воротами, выезжающими из стен, но теперь ржавые железные ворота лежали на полу со множеством вмятин и дыр.

Напротив спуска с верхнего уровня была наполовину открытая дверь с надписью: «ВЕНТКАМЕРА. Посторонним вход воспрещён». Из этой маленькой комнатки слабо лился уличный

свет.

Поняв, что дело наполовину сделано, Кира осмелела и спрыгнула с машины. Она двигалась к двери уверенно, почти без страха переступая тела. Она даже на ходу проверила дозиметр, трещавший до сих пор, но тот показывал относительно безопасный уровень радиации «146 микрорентген/час», хотя какова причина такого уровня на подземной парковке, Кира предпочла не думать.

В помещении венткамеры лежало тело легионовца. Большой алюминиевый короб, в который сходились несколько воздуховодов, был измят, и в нём зияла огромная рубленая дыра. На полу рядом с телом лежала секира.

Кира подставила валявшийся табурет и осторожно, чтобы не порезаться о рваные края, по пояс пролезла в короб. Защитная сетка на вытяжке, задерживающая пыль с улицы, была разорвана. Прямо перед Кирой лежал предмет её поисков.

Девушка вышла из венткамеры, держа преобразователь в одной руке, а нож и фонарь в другой. Уже не было страха, да и парковка теперь казалась просто парой заброшенных подземных комнат, а трупы – безобидные и ненужные предметы.

Она уверенно двинулась в обратный путь, но остановилась. Из другого прохода, где лежали выломанные ворота, на неё смотрели два жёлтых глаза. Это было явно что-то живое, и оно наблюдало за ней.

Девушка медленно повела лучом в сторону таинственных глаз.

В ярком свете фонаря на бетонном полу сидел исхудавший рыжий кот с белой мордой. Вся его шерсть была засалена и вымазана в саже. Кот облизнулся и, издав хриплый стон, едва ли напоминающий мяуканье, побежал обратно и на т-образной развилке свернул налево.

Кира, не видя опасности, пошла вслед за котом.

На той развилке оказалось куча осколков, все стены были в небольших дырах и трещинах от взрывов. В пяти метрах от поворота правый проезд был завален землёй и обломками плит. Левый проезд был цел. В двадцати метрах от развилки находились стальные гофрированные ворота, опускающиеся сверху. Полностью опуститься им мешала сгоревшая иномарка, раздавленная ими. Сквозь полуметровый проход под воротами и дыры в них сочился голубоватый свет.

Кира подлезла под них. Ура! Свобода!

За воротами оказался длинный подъём. Наверху поперёк него стоял сгоревший танк Т-90.

Теперь Кира полностью поняла, что произошло тут пятнадцать лет назад.

Большая группа противника была вынуждена укрыться внизу у закрытых ворот, ведущих на нижний уровень парковки. Часть оставшихся солдат танком перегородила уцелевший выход, отстреливая пытавшихся выползти из-под полуопущенных ворот. Другая часть зашла сверху в противогазах.

Они выбивали стёкла в машинах и, взламывая замок зажигания, заводили их, пока враг пытался выломать нижние ворота, ведущие на парковку. Выхлопные газы стали быстро заполнять помещения, и особенно верхний уровень. Но противник слишком рано выломал ворота, и газа было ещё недостаточно. Группа отошла наверх, отстреливаясь оставшимися патронами. Часть группы была убита хорошо вооружённым противником, а оставшиеся выпустили ядовитую пыль, заволокшую пространство непроглядным облаком и, уходя через сторожку, заблокировали дверь прутом. Видимо, патронов оставалось крайне мало, а наверху находился какой-то важный объект, вот бойцам и пришлось проявит смекалку.

Противник, наглотавшись ядовитой пыли, спустился вниз, где всё уже было заполнено угарным газом. Они ложились на пол, надеясь, что там осталось немного воздуха. А кто-то в отчаянье влез в венткамеру и разворотил короб вентиляции, надеясь выветрить газ. Но это не помогло. Как работают эти автомобили, противник не знал и заглушить не смог. В помещениях повис густой смог, осевший позже серым налётом, все находящиеся внутри задохнулись, а автомобили ещё долго работали, сжигая топливо…

Норт нервно маячил туда-сюда возле входа, куда девушка спустилась около двадцати минут назад. Он уже собирался попытаться проникнуть внутрь, как услышал чьи-то шаги за ближайшим завалом. Он пригнулся за куском стены и стал наблюдать.

На завале появилась Кира с преобразователем в левой руке и фонарём в провой. Нож небрежно торчал из кармана штанов, оказавшегося на удивление глубоким.

Норт вышел из укрытия и бодро подошёл к ней.

Он встал по-человечьи и взял преобразователь. Стоя так, он был на две головы выше Киры.

– О-о-о, моя прелесть! – Говорил норт, умилённо поглаживая

предмет, словно живое существо.

– Зачем он тебе? – Спросила Кира, снимая повязку.

Норт встал на три лапы, держа свою «прелесть» в четвёртой.

– Лично мне он не нужен, но он нужен тем, у кого есть то, что нужно мне.

– И что это? – Недоумевая, спросила девушка.

Норт взглянул на неё как-то обиженно, спрыгнул вниз и уложил аккуратно преобразователь в рюкзак Киры.

– Деньги, – сказал норт.

– Что? Что… деньги? – Ошарашено переспросила Кира.

Её удивление было вполне обоснованно. Норты отличались исключительным равнодушием к деньгам, как и к большинству материальных ценностей. Тем более в это время, когда процветал рынок обмена и вне стен крепости деньги даже людям были не слишком нужны, услышать от норта такое было крайне удивительно.

– Да, деньги, рубли, доллары, юани. Сами деньги мне тоже, разумеется, не нужны, но то, что я хочу получить, и в таком количестве, можно приобрести только за валюту или большое количество того, что можно легко сбыть, – сказав это, норт хитро улыбнулся и подмигнул Кире.

Та улыбнулась в ответ, хотя так и не поняла, о чём он говорит.

Она спустилась вниз. Норт подал ей рюкзак.

– Что, доверяешь? – Съехидничала Кира.

– Если ты не дура и хотела бы сбагрить его сама, то не приходила бы сюда, – он вновь встал, как человек и протянул руку. – Я Край.

– Кира.

Они пожали руки.

– Идём.

– Куда теперь? – Устало спросила Кира.

– В мои чертоги.

Девушка положила фонарь и марлевую повязку в рюкзак, закинула его за спину и, держа нож в правой руке, двинулась за нортом.

Глава четвёртая. Жизнь среди руин

Под вечер Край и Кира добрались до цели, зайдя в ещё пару мест по пути, где Край проверил собственные тайники и убедился, что всё в порядке.

Это был один из просторных дворов многоэтажек. Район, видимо, подвергся артобстрелу, похоже, ещё в этом году. На детской площадке ещё не заросли воронки от взрывов, из разбитого асфальта ещё не росли деревья, по всему двору валялись обломки мебели и бытовой техники, окна в зданиях были выбиты вместе с рамами, а стены посечены осколками или пробиты прямым попаданием. За двором через дорогу находилась стройка. Были построены три этажа. Похоже, это должен был быть большой магазин: судя по отсутствию передних стен на первых двух этажах, там должны были быть витрины. На третьем этаже проёмы для окон были обычные. Обветшавшие кирпичные стены местами осыпались. На третьем этаже перекрытия положены только наполовину. Земля на стройке покрыта толстым слоем щебня, битого кирпича, бетонных плит и прочего строительного мусора, обычно завозимого на стройплощадки для уменьшения грязи.

Кира и Край огибали двор, идя по-над домами.

– Хорошее место, обзор хороший, – негромко сказал норт.

– Почему тут не заросло всё?

– Месяца три назад, чуть раньше обстрела, люди прошли тут с напалмом и выжгли всё.

– Чтобы никто не мог прятаться в зарослях?

– Ага.

На последним этаже одной из многоэтажек норт остановился. Он достал из сумочки связку из трёх ключей.

Кира, запыхавшись, поднялась на последний этаж, Край уже отпирал замок решётки, закрывающей проход выше, к лифтовой и выходу на крышу.

Откинув скрипучую решётку, норт поманил Киру жестом и исчез в темноте люка. Девушка устало взобралась по крутой железной лестнице и опустила за собой решётку.

– Это не обязательно, – сказал норт и открыл незапертую дверь лифтовой.

В тесной комнатке лифтовой было светло, закатное солнце било яркими красными лучами прямо в крохотное окошко без стекла, в котором даже рама была выдрана. На стенах висели какие-то сумки, мешки, вещи. В углу стоял тёмно-зелёный ящик с

потёртой белой надписью: «ЮТК. ГРУЗ 04-71-30-010», на ящике висел тяжёлый ржавый амбарный замок.

– Можешь не спрашивать, я не знаю, что означают эти цифры. Нашу прелесть доставай, – сказал Край, отпирая замок на ящике одним из ключей на своей связке.

Девушка, не снимая рюкзак, достала преобразователь и поставила рядом с ящиком.

Её усталое лицо оживилось, когда норт откинул крышку ящика. В нём лежало множество предметов, от пустяковой мелочёвки до довольно серьёзных вещей. В ящике оказалось: три ствола системы ТТ, с десяток рожков для автомата Калашникова, полные патронов, светошумовая граната, связка из восьми самодельных шашек динамита, шнуры, дистанционный взрыватель, фильтры для противогаза, новые, ещё запакованные, фильтры для очистки воды, несколько прозрачных герметичных контейнеров с надписями на каждом: «Карбид, тротил, марганец» – и ещё какие-то, о каких раньше Кира и не слышала.

– Ничего особенного, – непринуждённо сказал норт, видя изумлённое лицо Киры. – Стволы нерабочие, так на запчасти, с них много не выручишь. Патроны сейчас не редкость, стоят дорого, но найти везде можно. Тротил, карбид, марганец, – их слишком мало. Динамит и граната ещё что-то стоят. Фильтры я в крепости покупал, чтобы тут продать чуть дороже.

Он аккуратно всё сложил, чтобы освободить место для преобразователя.

Кира подошла к окошку и ловко выбралась через него на крышу.

– Там вообще-то дверь была, если чо, – послышался голос Края.

Кира стояла посреди крыши, не рискуя подходить к краю. Ярко-красное солнце, плавно спускающееся за горизонт в оранжевой дымке, уже не ослепляло, оно светило мягким тёплым светом. Синее вечернее небо было чистым, лишь маленькие полупрозрачные облачка удивительно быстро плыли по нему, озарённые закатным светом. Они плыли на запад, к солнцу, сливаясь там в густой оранжевый туман, уплотняясь и всё сильнее закрывая светило. Полная луна уже висела в небе, прикрывшись тонкой облачной шалью, но та быстро сползла и уплыла по невидимому течению небесного океана вслед за остальными, оставив холодный лик луны в одиночестве. Брошенный город лежал в красном зареве, поглощаемый ночной тенью, вестницей грядущей ночи. Тени от зданий становились всё длиннее и чернее, сплетаясь в одну большую. Уже было заметно, как тьма

лениво, но неуклонно поднимается от земли по домам, пожирая этаж за этажом, делая их мрачными и холодными. Зябкий ветер дул единым порывом, почти не прекращаясь и не ослабевая. Он изящно развевал волосы Киры. Она стояла, обхватив себя руками и зябко ёжась. Её завораживал этот вид, не давал уйти, но в то же время страх никуда не делся. Снова эта пустота над головою, этот ветер, а ведь даже не за что ухватиться, только ржавые спутниковые тарелки, что сами себя еле держат. В отличие от большинства остальных людей, которым кажется, что солнце движется по небу, а земля неподвижна, хотя они знали, что это не так, Кира, смотря на закат, представляла, будто солнце неподвижно, а земля переворачивается. От этого ей становилось ещё страшнее, казалось, земля перевернётся.

Хлипкая деревянная дверца распахнулась, на крышу вышел Край. Он с силой ударил по дверце, и она слетела с петель.

– Совсем дряхлая, никакой пользы тут от неё.

Он отодрал кусок рубероида с крыши: судя по тому, что полтора листа этого материала отсутствовали, обнажив бетонные плиты, было ясно, что он это делает не в первый раз.

Норт взял дверцу и сбросил её с крыши вниз. Раздался треск.

– Идём, сейчас стемнеет, – сказал норт и спустился обратно, прихватив отодранный рубероид с собой.

Кира постояла несколько секунд, смотря, как край солнца заходит за горизонт.

Внизу Край попросил её забрать обломки дверцы, которую он сбросил с крыши.

Кира и Край вошли на территорию стройки, от ограждения которой уже ничего не осталось.

Щебень и обломки кирпичей шумно хрустели под ногами, даже Край, передвигавшийся всё время бесшумно, не смог бы пройти тут незаметно.

Они вошли внутрь. Тут не было ничего особенного, обычное небольшое здание, заброшенное ещё при строительстве, с просторным залом и парой маленьких комнаток без окон. То же самое и на втором этаже. На третьем были кабинеты.

Они вошли в один из кабинетов, небольшой, около 12 квадратов. Окно выходило в сторону дворов, на восток. Вся стройплощадка была как на ладони. Перекрытия сверху тут были только до половины комнаты, остальные положить не успели, бросили. Бетонный пол ближе к окну, над которым не было потолка, порос тонким ковром мха, посреди которого в выложенном кирпичами круге были следы от костра.

Край сел у импровизированного очага и положил туда куски рубероида.

– Брось тут, – сказал он, доставая из сумочки зажигалку.

Кира положила обломки возле очага.

– В конце коридора, в комнате справа – доски, принеси пару троек, Кира молча приступила к выполнению поручения, хотя внутренне была чем-то недовольна.

Это место нагоняло какое-то странное чувство загадочности и мистики, особенно третий этаж. Здание стояло особняком, кругом открытое пространство, к тому же темнело, и от этого внутри становилось не по себе.

Она дошла до нужного места. В комнате была навалена куча поломанных досок разной длины и толщины, разного происхождения, от полусгнивших ящиков до приличных заготовок, видимо, для каркаса крыши.

Киру привлёк вид из окна. С той стороны в паре десятков метров от здания был пустырь, поросший сухим камышом. Местами виднелась мутная жижа с плавающими в ней покрышками и парой автомобилей, затопленных по окна и поросших мхом. Болото. Край незря выбрал это место, сзади болото, не подойти, а спереди открытое пространство, по которому бесшумно не пройти.

Девушка вышла в коридор, волоча за собой несколько досок. Из комнаты, где был Край, виднелось тёплое мерцание. Она вошла. Посреди комнаты горел костерок, но Края не было.

– Край, – встревожено произнесла девушка, оглядываясь по сторонам. – Край, это не смешно.

– Я тут, – послышался голос Края с улицы.

Кира подошла к окну. Норт волок за собой заднее сидение от разбитого автомобиля, стоявшего в арке, ведущей во дворы.

Край втащил сиденье в комнату и положил в метре от очага.

– Оно, наверное, коптить будит, – предположила Кира, глядя на торчащий из разорванного угла сидушки поролон.

– Это твоё место, ты же на полу спать не захочешь.

Норт достал из кучи кирпичей запаянный железный чайник с туго надетой на носик железной трубкой, изогнутой через метр под углом примерно 45 градусов, и большую железную кружку, завёрнутую в целлофан.

Он поставил чёрный от сажи чайник прямо в костёр, а кружку, достав из целлофана, поставил под конец трубки, который находился на достаточном расстоянии от огня, чтобы не нагреваться.

– Что это? – Скептически спросила Кира.

– Чайник, – ответил норт, сев у окна. – Крышка запаяна намертво, заливаешь воду через носик, сверху трубку, и в огонь. Пар поднимается по трубке, остывает и стекает чистой водой в кружку, а вся грязь остаётся на дне. Так что вскоре придётся выбросить.

Кира удивилась такой сообразительности. Не то чтобы она считала людей умнее и смекалистее нортов, вовсе нет, просто удивительно, как она сама не догадалась до такого способа.

– Ещё недели не прошло, а я уже, как бомжиха, – проворчала она после недолгого молчания, теребя волосы, ставшие больше похожими на проволоку. Так через месяц мхом обрасту.

– Кстати! Хорошо что напомнил, – оживился Край. – Глаза закрой.

– Зачем? – Недоумённо спросила Кира.

– Просто закрой и не открывай, пока не скажу.

Норт закрыл глаза, Кира тоже, хоть и совсем не понимая, зачем. Вдруг она почувствовала необъяснимую лёгкость, будто невесомость, словно какая-то оболочка, покрывавшая всё её тело, отстала и растворилась в воздухе.

На самом же деле происходило следующее: со всего находящегося в радиусе трёх метров от норта, включая Киру и его самого, в воздух воспарили пыль и мелкие частицы. От очага поднялось облако, пепла, искр и мелких угольков. Облако пыли, грязи, пепла и искр переместилось в дальний угол комнаты и с тихим шелестом опустилось на пол. Всё длилось не больше десяти секунд.

– Открывай.

– Я чуть не уснула, – устало проговорила Кира, открывая глаза. Вдруг она взвизгнула от восторга, словно ребёнок, получивший что-то, о чём давно мечтал.

Край, не ожидав такой реакции, машинально прижался к полу и огляделся.

– Ты дура?!

Одежда Киры вновь была чистой и свежей, кожа посветлела, а волос стал мягким. Норт тоже выглядел лучше, шерсть стала даже немного поблёскивать.

Кира, устроившись поближе к огню, глядела сквозь него задумчиво, абстрагировавшись от внешнего мира.

– Что в рюкзаке? – Прервал её размышления Край, сев напротив неё. – Я думал, приговорённым ничего не выдают.

– Ты ведь знаешь, что в нём, – не сразу ответила Кира.

– Чего? Ты думаешь, я рылся в нём, пока ты преобразователь доставала?! Ты не за того меня принимаешь, я выше этого.

Говорил норт возмущённо, было видно, что эти слова глубоко оскорбили его.

– И ты меня не за ту принимаешь! Ты думаешь…

– Я ничего не думаю, я ни за кого тебя не принимаю, я мало что о тебе знаю, чтобы делать выводы!

– Ты вообще меня не знаешь.

– А вот и нет. Ты не такая уж загадка, как думаешь. Жизнь здесь выворачивает каждого наизнанку. А я, хоть и знаю тебя всего лишь день, но уже в курсе твоего характера и страхов.

– Да ты чо, психолог, что ли?

Оба говорили раздражённо, Кира и вовсе едва сдерживалась, чтобы не перейти на крик. Сказывалась усталость за день и тот стресс в, котором девушка пребывала до сих пор.

– Да, разбираюсь немного, – продолжал Край. – Ты мягкохарактерная и слишком впечатлительная. Эти качества тут просто смертельны. Ты романтичная, в какой-то мере это плюс, видеть красоту во всём этом важно, иначе…

– Вот только не надо мне сейчас всего этого загонять! Так и хочешь сказать, что вы тут все благородные рыцари, а люди из крепости – крысы помойные.

– Я этого не говорил. Да, я уважаю живущих вне стен, так как нужны кое-какие качества, чтобы здесь жить, а эти качества достойны уважения.

– И снова твоё «здесь»! Чо, гордишься, что живёшь на руинах, средь загнивающего хлама, где жизнь ничего не стоит?

– Замолчи! Ты ничего не знаешь. Живущие на этих руинах каждый проклятый день отдают жизни для того, чтобы ваши стены стояли, чтобы вы там, под куполом, проснулись не от артобстрела, не от крика соседской семьи, вырезаемой врагом, а от звонка будильника. Тысячи людей всех рас и наций, нортов, лаийонов, – тысячи погибают для чего? Ты подумай.

– А мы значит, так, бесполезный сброд? Кто производит оружие? Боеприпасы? Технику? Продовольствие откуда?!

– Да чтоб ты знала, 70 % боеприпасов изготавливается на внешних заводах; 80 % холодного и 30 % огнестрельного изготавливается за крепостными стенами; крепости собирают примерно 40 % всей техники, остальное же – это то, что находится на руинах и что удаётся починить. Большинство крепостей производят в основном для внешнего мира пищевые капсулы и тяжёлое вооружение. А вообще большинство боёв – на мечах и врукопашную.

– Хочешь сказать…

– Ты зря завела этот разговор, ты ничего не знаешь и пытаешься спорить об очевидном! Мы нужны крепостям, крепости

– нам, вместе мы Альянс. Я-то знаю.

– Что ты знаешь? Эти слова заучены, сколько ты живёшь? Года три от силы, Что ты мог видеть?

– Семь. Но за это время я очень многое познал и понял, а вот ты, хоть и живёшь дольше, но ни черта не понимаешь. Кстати, не приравнивай больше себя к ним, в крепость ты уже не вернёшься, по крайней мере жить там не будешь.

– Чо ты несёшь?!

Их разгоревшийся, словно пожар, разговор, прервал звонкий стук капли, упавшей с края трубки в железную кружку. Затем ещё и ещё…

Оба умолкли. Девушка опустила голову, взъерошив волосы, так что они скрыли её насупленное лицо.

Спустя какое-то время, когда кружка уже на треть наполнилась, Край продолжил, но уже спокойно: «Кира, давай забудем этот разговор. Ты устала, вот и завелась, а я, дурак, повёлся. Мы не должны ругаться. Мы должны жить в согласии и понимать друг друга. Вдвоём нам будет тяжело. Обычно держатся группами хотя бы по семеро, некоторые стаи нортов и вовсе до полусотни собираются. Ты не можешь ни к какой группе примкнуть, и я тоже не могу. Не спрашивай, почему. Так что, мир?»

Кира лишь молча кивнула, не поднимая головы.

Спустя минут десять девушка окончательно успокоилась. Она взяла рюкзак, из-за которого и произошёл этот разговор, и стала выкладывать его содержимое на пол.

– Я и сама не помню, что в нём, помню, что ничего особого.

Когда на полу оказалась тушёнка, глаза норта заблестели.

– У тебя тушёнка есть! Я уже три недели крошки во рту не держал.

– Как это? А… энергия?

– Да, я вампир, – как можно непринуждённее сказал Край и передал наполнившуюся кружку Кире.

Она взяла кружку, понюхала воду, отдающую кисловатым запахом железа, и принялась жадно пить. Дойдя до половины, она прекратила, вспомнив о норте.

– Если ты вампир, то зачем тебе простая еда?

Край осушил кружку и поставил её на место. Частые капли снова стали наполнять её.

– Все энергетические вампиры вынуждены время от времени принимать и физическую пищу, иначе можно скопытиться.

В окно вылетели три пустые банки из под тушёнки. Чайник с

костра был убран, и теперь весёлый огонь отплясывал безумные танцы на только что подложенных досках, щедра метая искры и запевая свои трескучие песни. Комната недостроенного здания с осыпающимися стенами наполнилась каким-то своеобразным походным уютом. Тепло от огня и тени от Киры и Края, подрагивающие на кирпичных стенах, помогали забыть обо всём негативе, оставить его за этими стенами. И хотя не все могут воспринимать эту крайне своеобразную романтику, но Кира наконец почувствовала за эти дни какую-то оттепель внутри.

– Край, а чем ты занимаешься целыми днями? – Спросила она, лёжа на сидении.

– В основном ищу более или менее полезные предметы, чтобы потом продать или обменять. Занимаюсь вампиризмом, собираю энергию для себя и… если так можно выразиться, на продажу. Высматриваю лагеря противника и сообщаю их координаты военным.

– В городе Легион? – С искренним удивлением переспросила Кира, сев напротив Края.

– Да. Они тут всегда. Небольшие диверсионные группы постоянно в городе. Они прячутся и всегда меняют место дислокации. В крепости, наверное, об этом не объявляли по радио, но и это не секрет.

– Зачем они здесь? На крепость нападать бессмысленно маленьким отрядом.

Край ехидно усмехнулся: да им и не нужна крепость. Они нападают на караваны и угоняют в плен. Просто пакостят, минируя здания, дороги или просто убивая поодиночке. Из-за таких вот диверсий за эти 15 лет погибло уже около сотни тысяч бойцов разных рас. Год назад мой знакомый напоролся на мину прямо в квартале от шестого товарного пути, ему оторвало ноги по колено. Пока я бегал за помощью, его закололи штыками. Вообще город условно делится на оживлённую и безопасную зону. Специально его никто не делил, просто в одних местах звон мечей и грохот выстрелов слышны каждый день, а в других можно за месяц не встретить никого».

– А мы в какой зоне? – Спросила девушка, мысленно уже решив, что в безопасной.

– Относительно в оживлённой, обитаемой, так сказать.

– Зачем? Ведь можно укрыться в безопасной.

– Там нечего делать. Бои там не идут, полезных предметов нет. Да и вообще чётких границ нет.

Девушке стало не по себе от мысли, что кругом может находиться враг, а многие здания заминированы. Значит, часть баек о жестокости мира вне стен крепости всё же правда, что если

и остальная часть тоже правдива?

– А мутанты? Психи?

Норт подумал пару секунд и начал вполголоса: «Есть и мутанты, крайне кровожадные твари. По какой-то причине они стали обрастать железной чешуёй».

– Да ладно…

По глазам Киры было видно, что она готова поверить. Но норт не стал томить и расхохотался.

– Господи, чего только не наплетут. Страшилки на ночь это. Хотя, ты же слышала про тот случай, когда Север с группой проникли в запретную зону, где ещё нашли последнее пристанище и СОГ? Не помню как же она называлась…

СОГ – сверхогненный камень.

– Не важно, этих зон столько, что я в них путаюсь. Это же когда они там бед натворили с этим камнем?

– Да. Ты знаешь, что там был вирус?

– Что-то такое слышала. Эту тему стараются не поднимать, потому что много споров из-за неё.

– Так вот, там были заражённые, и люди и норты. После катастрофы многие заражённые вырвались за пределы той территории, и вирус распространился. Я подробностей не знаю, знаю, что он вызывает агрессию и потерю рассудка, вызывает какие-то изменения в теле, отчего наступает смерть.

– Ужас. Но это было много лет назад, сомневаюсь, что вирус бродит и сейчас.

– Я тоже, – заключающе сказал норт. – Завтра придётся пройтись. Ты дежуришь первой.

– Почему я первая?

– Я сомневаюсь, что ты встанешь среди ночи и до утра будешь дежурить.

– Ну да, логично.

Кира стояла у окна, сложив руки на груди, позади на куче красного угля вяло догорали дрова. Край растянулся у очага и, казалось, спал.

За окном царила тьма. То тут, то там тусклыми точками виднелись костры, но все они были далеко, в нескольких кварталах, и, судя по всему, были разведены либо в зданиях, либо на крышах.

Небо было затянуто густой пеленой, и лунный свет едва ли мог пробиться сквозь неё. Зато местоположение крепости стало легко определить. Вдали на тёмном небесном полотне достаточно ярко красовалось бледное пятно. Это тучи отражали свет прожекторов, закреплённых по всему периметру крепости.

Очертания зданий едва различимы, всё слилось в одну мрачную чёрную картину с редкими жёлтыми мерцающими точками костров и большим бледно-синим пятном посредине – отражением крепостных фонарей. И, казалось бы, ничего интересного, но, если включить фантазию, то можно представить людей, сидящих у костров, угрюмых и уставших, пропахших кисловатым запахом железа; можно представить нортов, стремительно проносящихся по тёмным улицам, этих ночных волков, ведь в ночи им нет равных по скрытности и ориентированию; можно представить жизнь в крепости, как ночная смена сменяет дневную во всех сферах деятельности – от кочегара до внешней охраны и системного администратора крепости.

Фантазии фантазии… только не для постового эта роскошь.

Девушка села на своё место, затем легла и так незаметно уснула.

Её разбудил треск огня и звонкое падение капель из трубки в железную кружку. На полу лежали какие-то вещи. Кира приподнялась, Край что-то усердно заталкивал поглубже в Кирин рюкзак.

Девушка встала молча, понимая, что уснула на посту. Она прошлась по комнате, разминаясь, ведь спать было довольно неудобно. Норт ничего не говорил, но и не было похоже что он зол, скорее наоборот, его физиономия была исполнена какой-то радостью.

Девушка подошла к окну. Погода на улице стояла унылая, тучи заволокли небо, а улицы окутал утренний туман, погрузив всё в таинственность и напряжённую тишину.

– Извини, – негромко произнесла Кира, не поворачивая головы.

– Я знал, что так будет, просто было интересно, сколько ты продержишься. И получаса не прошло как ты вовсю дрыхла.

– Гад.

– Ничо, привыкнешь.

– А ты не спал вообще? – Виновато спросила она, поёжившись от холода и подойдя к костру.

– Дремал. Ну, мне не привыкать. Сегодня придётся походить, так что выдвигаемся… – он замолчал на несколько секунд, затем вполголоса добавил, глядя в сторону окна, – как только туман рассеется. Кстати, вот вещи, переоденься, а эти сожги.

– Откуда они? – Спросила Кира, брезгливо приподняв джинсы.

– С трупов поснимал.

Девушку перекосило от услышанного, она отбросила вещь в сторону.

– Да шучу я. В тайнике у меня лежали. Недавно обменял на них кое-что на барахолке.

– Дурак.

– Переодевайся, в таком виде нельзя ходить, так какой-нибудь псих тебя и пристрелит. Да и в то место, куда мы идём, ты в таком виде не пройдёшь.

Сказав это, норт стал проверять второй рюкзак, стоящий в углу, на который Кира вчера не обратила внимание.

– Ну ты хоть выйди, – попросила Кира, подобрав джинсы.

– Не парься, мне всё равно, – отмахнулся Край.

Девушка выжидающе смотрела на него.

Норт фыркнул и вышел вон.

Новый облик Киры сразу погружал её в самобытность жизни вне крепости. Серые высокие кроссовки; классические синие джинсы, оказавшиеся немного длиннее, чем надо бы; тёмно-зелёная ветровка с чёрными полосами по рукавам, поверх жёлтой толстовки с большим чёрным капюшоном; перчатки без пальцев, чтобы скрыть наколку. Теперь она была больше похожа на типичного подростка с окраины любого российского города.

Кира и Край шли по широкой дороге безо всякой опаски. По сторонам находились лишь небольшие груды кирпичей и обломков стен, здания были снесены, в ста метрах впереди находился жилой район – «город Верный». Теперь города занимали гораздо меньшие площади, но были густо застроены (к примеру, площадь, занимаемая ранее деревней, теперь плотно застраивалась высотными зданиями и, считалось это место мегаполисом). От здания к зданию были выстроены стены из старых кирпичей, блоков, листов железа, решёток и прочего того, что можно было найти в городе. Один из проездов был и вовсе перегорожен кучей автомобилей, наваленных друг на друга. Такие стены составляли периметр района. Разумеется, это не крепостные стены, и возведены они были для отражения мелких атак, скрытых проникновений, бандитских набегов, или просто для того, чтобы хоть немного задержать противника в случае серьёзной атаки. Над стенами растянулась колючая проволока с привязанными к ней консервными банками. Под стеной по внешней стороне были вырыты окопы, залитые водой, на поверхности её лежала плотная маслянистая плёнка, которая в случае серьёзной атаки поджигалась.

На центральном въезде располагался КПП, представлявший собой железные ворота, две вышки и четыре бетонных короба с

узкими окошками с видневшимися в них пулемётными стволами.

В город они прошли без проблем, лишь двое бывалых вояк мельком глянули на них из прогнившей бытовки.

В этом городе внутри города всё выглядело крайне просто, если не сказать убого. Во время битвы, положившей начало новой эры, этот район города пострадал менее всего. Долгое время он находился в запустении, но последние три года здесь снова возобновилась жизнь. Тут же занял своё немало значимое место и чёрный рынок. В этом месте каждый мог найти что купить или продать. Разумеется, на постоянное жительство здесь нито не останавливался, лиш небольшая группа лиц, призванных быть смотрящими этого города. Вместо полиции – пара тройка громил, разнимающих драки, да пара лаийонов в качестве главных. Водопровод был восстановлен пока ещё не во всех домах и воду черпал из скважин. Электроэнергию вырабатывали солнечные батареи, преобразователи и тому подобное. Каждый пришедший мог занять свободную квартиру в одном из домов, коих было более чем достаточно, и жить там сколько угодно, ведь заселён район был всего на 30 %. Всё держалось на энтузиазме, на жажде возрождать жизнь вне стен крепости, пока города и колонии Легиона не заняли всю пригодную для жизни территорию.

Кира и Край шли по центральной улице, девушка была удивлена, увидев после всех этих дней столько живых людей и вообще какую-то оживлённость. Люди шли куда-то по своим делам, общались, встречались с кем-то из знакомых. Одеты они были кто как, не все носили камуфляж, как думала Кира, хотя и таких было немало. В независимости от того, ребёнок или пожилой человек, мужчина или женщина, человек или представитель другой расы, у всех имелось оружие, как минимум длинный нож, висящий на поясе или торчащий из сапога, а в основном это был меч за спиной или на поясе, кобура с пистолетом и два ножа.

– Давай рюкзак, – сказал норт, остановившись и встав, как человек.

– Ты куда?

– Много куда надо зайти. Ты погуляй пока, я найду тебя через три-четыре часа. Перчатки не снимай…

Норт взял рюкзак Киры и исчез в тёмном проходе в какое-то заведение.

Девушка постояла на месте пару секунд и двинулась дальше по улице, разглядывая всё вокруг. Тут работали и бары, и какие-

то лавки с разным товаром, от фруктов до автоматов и патронов, закрытых решёткой и толстым стеклом. Около пекарни стоял грузовик, двое здоровых парней таскали из него в пекарню мешки с мукой. С балконов некоторых квартир свисали простыни да прочие тряпки, из большинства окон торчали чёрные трубы печек-буржуек. По дороге проехала пара машин, но они не были похожи на постапокалиптических монстров, скорее на творение какого-нибудь самоделкина, наварившего на свою убитую иномарку дуги и решётки и поставившего её на гусеницы. Город жил, и хоть некоторые здания были повреждены взрывами и пожарами, а асфальт местами был пробит снарядами да раздавлен гусеницами тяжёлой техники, всё же это место выглядело гораздо позитивнее, чем брошенный город.

Особое внимание девушки привлекла толпа, собравшаяся на площадке между многоэтажками, одни что-то восторженно восклицали, другие разочарованно взмахивали руками. Там были и парни, и девушки, и люди вполне взрослые, были даже норты. Двое мужчин ходили вокруг толпы с большим подносом, ещё один сидел на пожарной лестнице одного из зданий, метрах в десяти над землёй с тактическим фонарём в руках.

Любопытство перевело Киру на противоположную сторону улицы. У фонарного столба метрах в десяти от толпы стоял парень лет 27-ми, с весёлыми шальными глазами, но лицо его было необычным, черты лица выдавали в нём дагестанца, но волосы и борода были абсолютно белыми, он был альбинос. На нём был большой тёмно-серый плащ, из-под которого виднелись лишь кирзовые сапоги, запачканные кирпичной пылью.

Она прошла мимо, не обращая внимания на парня, который явно чего-то ждал от неё. Тот, в свою очередь, едва заметно пожал плечами и крикнул хрипловато: «Валера!»

Сидящий на пожарной лестнице сразу глянул на него. Парень в плаще показал пальцем в спину Кире, тот кивнул.

Кира протиснулась в первые ряды. На истоптанном клочке земли боролись двое парней. Бойцы то вскакивали на ноги, то переходили в партер, время от времени исполняя весьма эффектные броски, такие, что публика взрывалась восторженными возгласами, а когда борьба в партере затягивалась, публика начинала возмущённо гудеть и выказывать нетерпение.

Через десять минут бой был закончен болевым приёмом на ногу, из которого второму бойцу было уже не выкарабкаться. Из толпы на площадку вышел темнокожий лысый мужчина с белозубой улыбкой, он скрестил руки над головой, и оба бойца

тут же поднялись. Темнокожий рефери поднял правую руку победителя, крича с сильным африканским акцентом: «Это победитель! Поздравляю, ты победил! Это был красивый бой!»

Толпа ликовала, а бойцы обнялись по-братски.

– Итак, мои друзья! – Продолжал чёрный, всё так же улыбаясь. – Я напоминаю, что цель нашей встречи – не покалечить друг друга, не выяснять отношения, как в прошлый раз, а выявить талантливых бойцов и хороших воинов. А мы продолжаем наш вечер, ведь вы хотите продолжения?

Толпа дружно завопила: «Да!»

– Итак, продолжаем жеребьевку, на кого же падёт луч сейчас?

Говорящий взглянул на сидящего на лестнице, всё погрузилось в тишину. Кира, уже вовлечённая в процесс, с интересом ждала, кого и как выберут. Вдруг сидящий на лестнице, оглядев людей внизу, совершенно осознанно направил луч фонаря на кого-то в толпе. На импровизированный ринг вышла темноволосая девушка лет двадцати, крепкого телосложения, в сером камуфляже. Она кратко поприветствовала всех, помахав рукой, и сбросила куртку, под которой оказалась лишь белая майка. Она огляделась, перемялась с ноги на ногу, было видно – она напряжена.

– Ооо, поприветствуем новичка! Второй бой на нашем ринге!

Её приветствовали тепло, кто-то даже подбадривал.

– Кто же её соперник?!

– Странно, – думала Кира. – Это не жребий, это конкретный человек выбирает конкретных участников, как ему вздумается. Но зато исключён неравный бой вроде «Доходяга карлик против высоченного папуаса». Хотя кто его знает, может, сейчас какого-нибудь мужика выберет.

Пока Кира размышляла, выбор был сделан…

Ей в лицо ударил яркий свет фонаря. Кира растерянно огляделась. Кто-то сзади легонько подтолкнул её в спину.

Она вышла, снимая куртку. Окружающие оценивающе смотрели на неё, перешёптываясь. Десятки взглядов ни капли не смутили её, ведь раньше она частенько участвовала во всякой самодеятельности в школе и в колледже, так что появляться на публике приходилось, но драться на ней…

Кира выглядела спокойней своей соперницы, и это, похоже, играло ей на руку.

– Какой у нас сегодня замечательный поединок. Наш клуб пополнился ещё одним бойцом, среди нас вновь новые лица!

Публика поддержала аплодисментами.

– Итак, бойцы… прекрасные сегодня бойцы…

Вокруг прокатился смешок.

– Выбираете какой-то конкретный стиль или свободный?

Соперница Киры стояла молча, но только она хотела что-то сказать, как Кира выбрала: «Свободный».

– Свободный? – Переспросил судья так, будто хотел ещё что-то уточнить.

Кира задумалась, что он имеет в виду?

– Возражений или поправок нет? – Спросил он у второй девушки.

– Нет, – ответила та, подумав секунду.

Толпа оживилась в предвкушении интересного зрелища.

– Делаем ставки! – Воскликнул темнокожий, расправив руки. – Проверьте интуицию, двое новичков, каковы их способности, кто победит? Ставки, господа!

Говорил чёрный задорно, всё время улыбаясь и нелепо махая руками. В толпе ходили двое, один с подносом, собирая деньги и какую-то мелочь, другой записывал что-то в тетрадь.

– И… БОЙ! – Взмахнул рукой чёрный и отошёл с ринга.

Обе встали в боксёрскую стойку, закрыв лицо локтями.

Разумеется, в новой эре каждый обладал хотя бы фундаментальными навыками боевых искусств. Хоть людям в крепости эти навыки и не были жизненно необходимы, всё же большинство ими владело.

Соперница Киры попыталась провести захват, но та вывернулась и сразу нанесла довольно жёсткий удар под правое колено. В целом бой оказался довольно динамичным, девушки всё время пытались уложить друг друга с помощью какого-нибудь приёма и практически не наносили ударов. Кира выигрывала за счёт своей гибкости и вёрткости, не редко исполняя акробатические элементы вроде сальто назад, что вызывало у публики особый интерес. Хотя без разминки подобные трюки быстро сбили дыхание и Кира поплатилась за зрелищность тройкой пропущенных ударов. Но её соперница выигрывала по силе, если Кире и удавалось свалить её с ног или взять в захват, то удержать не получалось.

Вдруг кто-то из толпы бросил на ринг тонкую пластиковую трубу длиной около метра. Кира не успела среагировать, как труба уже была в руках её противника.

Не успев увернуться, Кира получила несколько хлёстких и жгучих ударов. Она всё же смогла отразить очередной удар, схватила трубу за противоположный конец, уперлась ногой в живот соперницы и, словно колесо, перекатилась на спину, перебросив ту будто катапультой.

Борьба продолжалась. Но вдруг правая перчатка Киры

слетела с руки. Она не сразу заметила это и продолжила бой, но спустя несколько секунд увидела лежащую на земле перчатку. Свалить противника никак не получалось, та крепко стояла на ногах, но, к счастью, в таком положении её правая кисть была плохо видна окружающим. Кира поняла, что надо закончить, и быстро. Она отпустила соперницу. Но тут же упала на землю и изо всех сил подбила ноги соперницы. Словно трава, скошенная серпом, девушка упала навзничь соперница Киры, раскинув руки. Кира быстро подобрала перчатку и надела её.

Девушка не вставала. Толпа стихла. Кира стояла в тревожном напряжении, но сама не могла чётко определить – это тревога за соперницу или страх того, что все успели увидеть её наколку?

Темнокожий подбежал к девушке, которая с трудом приподнялась на лопатки. Он поинтересовался её состоянием, показал два пальца, затем четыре…

– Ты как? – Обеспокоенно спросила Кира, подойдя ближе.

– Нормально, – буркнула та, вставая.

– Что ж, вот и победитель! – Заявил рефери, подняв руку Киры над головой.

Кира накинула свою ветровку и спешно покинула это место. Но не отошла она и двадцати метров, как её окликнул тот альбинос в плаще.

– Стой, куда бежишь? Ты выигрыш не забрала, – остановил тот и придержал её за плечо.

– Нет, не надо, я так, для интереса, – протароторила Кира.

Решительность и резкость движений этого человека почему-то напугала её.

– Чо? Там хорошие деньги. Что, пусть достанутся тому, кто не заслужил их? Не неси чушь! – Тут он наклонился ближе и заговорил тихо: «Жди в арке, я сейчас подойду, если уйдёшь, я скажу о твоей наколке, тебя сразу найдут и, скорее всего, убьют».

Он кивнул в сторону арки между двумя панельными девятиэтажками на противоположной стороне улицы, а сам отошёл куда-то.

Кира без раздумий пошла к арке, слова этого парня звучали твёрдо, да и шальной взгляд сменился ястребиным взором.

Приговорённая остановилась в той узкой длинной арке, противоположный конец которой был заложен кирпичной стеной. Тревожное чувство не покидало её.

– Чего ему надо? – Думала она, маяча с одного конца арки в другой. – Вот попала! Теперь начнёт шантажировать. Да ну его к чёрту, надо валить. Отсижусь где-нибудь, дождусь Края, и валить. Нет, не выйдет, вон он уже идёт. Край, давай быстрее…

Парень подошёл к ней.

– Твой выигрыш, – сказал он, протягивая три тысячные купюры.

Это были рубли, но вид банкноты немного изменился. Теперь на нём был изображён портрет мужчины с бородой и строгим пронзительным взглядом. Это был лаийон, немало повлиявший на историю новой эры.

– Меня зовут Шамиль.

– Кира.

– Очень приятно. Я видел, что у тебя на руке, ты – то, что мне нужно.

– Я не…

– Помолчи, – отрезал тот. – Ты знаешь Тихого, вот и передашь ему кое-что. Только лично, из рук в руки.

– Всего-то? Что, никто другой этого сделать не может?

– Антон должен получить это не позже, чем через три дня. Получив, он придёт сюда, я тут не задержусь, а мне очень надо его видеть. А сделаешь это именно ты, потому что никто не пойдёт в город разыскивать патруль просто так, сам я занят. Конечно, ты можешь согласиться, а потом сбежать, но я бы не советовал. К тому же я могу быть тебе очень полезен.

– Это чем же?

Парень огляделся и, убедившись, что никто не смотрит, отвернул край плаща. Под плащом оказалось множество кармашков и петель, в которых находились какие-то пакетики, пузырёчки, ампулы, свёртки, обоймы с патронами и даже ювелирные изделия.

– Это мелочёвка, – со скромной улыбкой произнёс Шамиль. – Вещи посерьёзней да покрупнее я храню в надёжном месте. Если сделаешь что прошу, буду продавать тебе их, на некоторые даже небольшую скидку сделаю.

– Зачем? Я могу и так купить, – она кивнула в сторону торговых лавок на противоположной стороне улицы.

– Эээ… сразу видно новый человек, не сечёшь пока чо к чему. Всё, что ты видишь на витринах, это всё моё, ладно, не всё, но большая часть. Это я им продаю, а они накручивают цену и перепродают. К тому же, слух о том, что на руинах – приговорённая за убийство, уже расползся. Сейчас любой может подойти и попросить тебя снять перчатку, и только попробуй не сними. Так что задерживаться тебе не стоит. А оружия, я вижу, у тебя нет… так что поторопись.

Сказав это, Шамиль передал девушке запечатанный конверт для Тихого, подмигнул и ушёл прочь.

Кира неспеша прохаживалась по улице, параллельной центральной, тут уже было менее оживлённо. Редкий прохожий показывался на мгновение, затем исчезал в подъезде арке или за углом.

Небо походило на палитру художника. Лучи закатного солнца мазками раскинулись по многослойному небесному холсту. На грозовых громадах туч, зависших в сумеречной дымке, лежали алые оранжевые и розовые штрихи, беспорядочные пятна света. Местами небесный холст был разорван, и тёмные пятна небесной чистоты дополняли холодом эту красочную палитру. Усиливающийся ветер колыхал давно не стриженную траву, трепал свежую листву на старых разросшихся деревьях. Люди стали спешно снимать бельё с балконов и закрывать окна. Киру объяло необычное чувство, ведь она раньше не видела гроз по-настоящему; не ощущала запах озона; не видела этих туч – огромных небесных танкеров, везущих тонны воды; её не стегали ливни; то необъяснимое и ни с чем не сравнимое чувство, когда что-то в твоей жизни происходит в первый раз.

Она заметила свою соперницу с ринга, сидящую на покосившейся автобусной остановке, потерявшей всякий смысл своего существования в отсутствии общественного транспорта.

Вид девушки не был таким позитивным, как у Киры. Она неподвижно сидела, мрачно уставившись куда-то в одну точку.

Кира села в полуметре от неё.

– Извини, – неуверенно произнесла Кира, хотя сама не совсем понимала за что извиняется.

– Ты за ринг? Забей, всё было честно, кто-то должен проигрывать. Да и вообще… я и драться-то не умею, – призналась та, не поворачивая головы.

– Зачем же ты туда ходишь?

– Я знаю теоретически много приёмов, но нужно нарабатывать навык, а это только на практике.

– Кира, – она протянула руку.

– Женя.

Они пожали руки.

– Иногда думаю вернуться в Соколовск, у меня там вся родня.

– Так а что ж не возвращаешься? Я бы вернулась, если могла.

– Пожив тут пару месяцев, я вернулась, но после реального мира обратно в бетонную коробку… не представляю, как жила там. Вот и думаю, что делать. В крепости со скуки сдохнуть или тут пропасть? Почему ты не можешь вернуться?

Кире показалось, что этот вопрос был задан с каким-то подозрением.

– Я… совсем недавно ушла из крепости. Просто с некоторыми

людьми там появились проблемы и… в общем не важно, не могу вернуться.

– Видимо, большие проблемы, не многие решатся вот так уйти. Ясно. Мне на смену надо идти, пока дождь не ливанул.

– На смену?

– Я снайпер. Моя смена подходит, как на зло, в ночь.

– И часто нападают?

– Бывает. Но в мою смену нападений и попыток проникновения не было. Не знаю, увидев кого-то в прицел, смогу ли выстрелить? Пойду я. А ты под дождём не мокни, мало ли откуда тучи пригнало, облысеешь ещё.

Женя спешно пошла дальше по улице, а затем и вовсе перешла на бег. Кира накинула капюшон и поторопилась к центральной улице, быть может, там будет такое укрытие, где и сухо, и можно увидеть грозу во всей её красе.

Тучи над головой сгущались стремительно, погружая город в серый сумрак. Серые обшарпанные здания, выглядящие и без того неприветливо, теперь совсем приобрели какой-то по-киношному зловещий вид. Ветер поднимал пыль с пустынных улиц, срывал листья и мелкие ветки с деревьев.

Кира вновь вернулась в ту арку, придерживая капюшон, где сразу вспомнила про Шамиля.

В арке в противоположном конце, почти скрывшись в тени, стояли двое мужчин и рыжий норт. Один из мужчин был рослый и крепкий, второй низкий и полный, весил он, наверное, не меньше ста десяти килограммов. Оба были в кожаных плащах. За спиной у рослого – катана в ножнах, из-под плаща виднелся деревянный приклад винтовки. У толстого не было ничего кроме карабина «Сайга» в руках, остальное, наверное, было скрыто под плащом. На норте же не было никакого снаряжения, он стоял на двух ногах, облокотившись о стену. В его внешности была одна странность, что-то вроде гривы. Подобные отличия для нортов были крайне редки.

Кира не стала к ним приближаться, а встала на углу, зайдя под арку всего на шаг.

Почти сразу под арку вбежал смуглый парнишка лет пятнадцати, в сандалиях, шортах и майке, зато с рацией и патронташем на поясе и двуствольным ружьём за спиной, лохматый и весь в пыли.

– Алим, это что за вид, и вообще, ты почему не дома? – По-отцовски строго спросил рослый.

Парень подбежал к ним.

– Дядь Борь, да я только домой за ружьем и патронами

заскочил, когда мне переодеваться?

– Вот и сидел бы дома, – продолжал полный.

– Ещё чё! Пора бы уже становиться мужиком. Замочу хоть одного гада, значит, не зря прожил, – горячо произнёс Алим, сняв ружьё с плеча. – Там мгла с юго-востока надвигается.

– Мгла? – Раздался негромкий и равнодушный голос норта. – Значит, точно полезут. Постовые их не увидят, собаки, если и залают, то их и слышно не будет. Так что Алим зря ты храбришься. Многие не встретят следующее утро.

На улицах зажглись фонари, хотя, судя по светомаскировке на окнах всех зданий, иллюминацию тут обычно использовали по минимому, дабы в ночное время не «отсвечивать». Раздался первый раскат грома, почти одновременно с фиолетовой вспышкой молнии. Затем ещё молния и ещё, наконец оглушительный громовой раскат, прокатившийся незримой волной в пространстве. На асфальт упала капля, и сразу ещё одна. Капли забарабанили по железным карнизам и крышам. Потянуло запахом сырого бетона. Дождь быстро перешёл в настоящий штормовой ливень со шквалистым ветром, подняв оглушительный гул.

Киру кто-то оттянул за рукав, это был Алим.

– Отойди подальше, лучше вообще в конец уйди! – Пытался тот перекричать шум ливня.

Кира отошла и встала у стены рядом с нортом.

– Я вижу, смелая ты, – сказал норт, приблизившись к её уху, всё с тем же спокойствием.

Он вообще был спокоен, даже пофигистичен, в отличие от остальных, маячащих туда-сюда.

Этот монотонный шум и полумрак в арке нагнали на девушку сонливость, в голове поплыли какие-то смазанные картины, отрывки воспоминаний, не связанные друг с другом мысли. У неё вовсе не возникало ощущение тревоги и чего-то жуткого. Желтоватый свет уличных фонарей, рассеиваемый дождём, выглядел тепло и приятно.

– Кажется, кто-то идёт.

Эти слова норта прогнали всю дремоту. И через пару секунд в проходе возникли четыре высокие фигуры около двух с половиной метров высотой каждая. Они вбежали под крышу арки и остановились. Люди тут же открыли огонь, на первый взгляд даже не разбираясь, свой или чужой. Хотя вряд ли можно было найти хоть одного человека с таким ростом, тем более четверых.

В нос шибанул запах пороха, лёгкая дымка повисла в арке, от грохота выстрелов зазвенело в ушах. Силуэты рухнули на землю.

Все, кроме Киры, подскочили к телам, полный мужчина произвёл контрольный выстрел в одно из них.

– Приём. Гнездо, приём, – передал по рации Алим.

– Гнездо на связи. Приём, – хрипло отозвалась рация.

– Проникновение. Повторяю: проникновение противника. Поражено четыре единицы на центральной улице в районе ринга. Атаки не наблюдается. Приём.

– Вас понял. Конец связи.

Дождь немного стих и теперь хотя бы было видно противоположную сторону улицы.

Вдруг раздался вой сирены, но не тот протяжный воздушной тревоги, а короткие звонкие гудки, отражающиеся эхом от стен.

– Мы на зачистку, – сказал норт и шмыгнул за угол.

– Алим, на тебе этот сектор.

Кира осталась с Алимом.

Алим держал ружьё наготове, прицелившись в проход. Лишь теперь шум дождя не казался девушке успокаивающим, наконец она ощутила всю напряжённость. Казалось, в любой момент в проходе возникнут десятки высоких силуэтов и они с Алимом погибнут под ураганным шквалом пуль.

– Часто такое бывает? – Тихо спросила Кира, сев за спиной юноши.

– Регулярно. Всегда в сильный дождь или туман. В хорошую погоду трудно незаметно подойти… сегодня, как на зло, ещё и ночью всё это.

– Но ведь это было… справлялись ведь?

– Когда как. Бывает, двое зайдут, а бывает, сотня. Сейчас все сидят по домам, только патрули и добровольцы город прочёсывают.

Вдруг в проходе мелькнул высокий силуэт. Парень вскочил, высунулся из-за угла на улицу, и выстрелив, вернулся обратно, заряжая патрон.

– Попал?

– В упор. Да… с двустволкой при серьёзном штурме и десяти минут не протяну, ещё и у тебя оружия нет.

Он перезарядил патрон молниеносным отточеным движением, видно, что тренировался.

Он снова выстрелил из двух стволов одновременно, на неосвещённом ринге, вскинув руки, рухнул вражеский силуэт. Недалеко послышались выстрелы. Кира видела только силуэты, ни одежду ни лиц она не могла разглядеть.

– Чёрт… всё плохо, похоже, это не маленькая группка, а

большой отряд, – нервно бормотал Алим, перезаряжая ружьё. – Точно в рукопашную перейдёт.

Вдали раздался трескучий хлопок. Кира и Алим притаились.

Послышался свист снаряда, вдруг грохот над головой и бетонные стены пошатнулись, осыпав обоих пылью.

– Это артиллерия! – Вскрикнула девушка, зажав уши руками.

– Надо уходить, центральную улицу больше остальных будут бомбить!

Алим схватил Киру за руку и выбежал на улицу, но по ним тут же открыли пулемётный огонь сверху, лишь чудом ни одна пуля никого не задела. Кира успела увидеть в небе силуэт огромной птицы. Они вбежали обратно под арку, но огромный ворон со всадником на спине и пулемётчиком, закреплённым ремнями на груди птицы, пролетел мимо арки, а затем, сделав петлю, низко летел над зданиями прямо в арку. Пули осыпали проход, разбрасывая осколки бетона и асфальта. Кира и Алим прижались к стене, перегораживающей дальнейший проход. Но позади стены что-то бухнуло, оглушив обоих, и стена прогнулась внутрь арки, и частично осыпалась. Похоже снаряд ударил по ту её сторону. Ударной волной обоих отбросило к проходу… и снова обстрел.

Всё заволокло пылью, звенело в ушах, болела спина от брошенных взрывом обломков стены. Девушка отползла обратно, кашляя от кирпичной пыли и дыма.

Порывом ветра из-под арки выдуло серо рыжую завесу, обдав Киру потоком дождя. Сквозь зияющую дыру в стене, пробитую ударной волной, девушка увидела зенитку на крыше ближайшего здания, палящую куда-то в небо. Она видела, но не слышала, в ушах всё ещё звенело. Она увидела Алима, лежащего в проходе и держащегося за голову. Кира подбежала к нему, стала спрашивать о его состоянии, но не слышала даже себя. Алим попытался встать. Едва он убрал руки, глазам Ктры предстала страшная картина: вся правая половина, запачканной рыжей пылью головы, была разбита, кровь быстро заливала белую майку, движения парня были нечёткие, хаотичные, он похоже потерялся в пространстве и ничего не видел. Девушка растерянно смотрела на него, не зная, что делать.

В арку вбежали те двое мужчин, что ушли ранее, а с ними Край. Не успела Кира узнать кого-либо из них, как в здание в дальнем конце двора напротив, ударил зажигательный снаряд. Огненная вспышка залила квартал, Кира почувствовала волну сильного жара, свалившую её на спину и мерзкий химический

запах вперемешку с запахом гари. Когда огненное облако рассеялось, остатки четырёхэтажного здания, в которое угодил снаряд, пожирало ослепительное пламя. Пылали и нижние этажи трёх соседних многоэтажек. Сквозь шум дождя слышались вопли тех, кого заживо пожирало адское пламя. Вновь совсем близко грянули два взрыва, отбросившие уже бездыханное тело Алима вглубь арки, а остальных осыпав осколками кирпича камней и стёкол. Кира только почувствовала удар в левое ухо. Вспышка в глазах, гул в ушах, а затем – пустота…

Ветер доносил мелкие холодные капли дождя. В темноте слышались отдалённые голоса и частые хлопки лопастей вертолёта. Вдруг несколько ударов по щекам и знакомый голос: «Эй! Кира! Ты слышишь меня?»

Кира открыла глаза. Она лежала на пороге подъезда какой-то многоэтажки, всё ещё было темно. Рядом сидел Край. На нём был надет толстый кожаный жилет с мелкими стальными пластинами, напоминающими чешую. На жилете закреплён короткий меч сбоку, на передних лапах – стальные когти, лезвия которых сейчас были подняты вверх, чтобы не цепляться за землю.

Девушка приподнялась на локтях. Не было слышно стрельбы и взрывов, только капли дождя, стучащие по асфальту, да шум вертолёта, кружившего где-то неподалёку.

– Не бойся, всё закончилось, – негромко произнёс Край. – Уже рассвет через пару часов.

– Как это? Ведь только стемнело, – недоумённо спросила она, встав на ноги. Тут же закружилась голова, потемнело в глазах, и она опять едва не упала.

– Сядь, сядь.

Кира присела на ступеньки, обхватив голову руками, и почувствовала, что голова её забинтована.

– Ты приходила в себя, не помнишь? Как убегали от обстрела по крыше, танки Легиона, как их коктейлями забросали? Как самолёт Альянса рухнул рядом с нами? Кстати, тогда ты и потеряла сознание второй раз.

После этих слов Кира вспомнила, как они в полумраке бегали по крышам, а всадники на орлах обстреливали их. Вспомнила улицу, залитую огнём, в котором ползла вражеская бронетехника, глохла и загоралась, поднимая столбы дыма. Как барахтались в предсмертных муках горящие солдаты Легиона. Вспомнила падающий бомбардировщик Альянса с пылающим хвостом, рухнувший прямо на тротуар, затем вспышку и сильный удар.

Всё тело девушки ломило. При каждом движении ощущалась боль.

– В этот раз они перегнули палку, думаю, Альянс объявит зачистку, – говорил монотонно Край. – Я только пару раз видел такую бойню, включая сегодняшний.

Кира сидела молча, перебирая воспоминания о сегодняшнем дне, вспоминала лицо Алима, но никак не могла вспомнить. Ещё раз вспомнила весь ночной кошмар, в котором с каждой минутой возникали всё более конкретные детали. Странный контраст в этом мире – то безжизненные руины, где за несколько дней можно никого не встретить, то вот такая мясорубка.

До рассвета Кира и Край никуда не уходили с этого места, девушка переваривала пережитое, а норт, похоже, вспоминал тех, кого сегодня потерял, опустив голову и неподвижно уперев взгляд себе под ноги…

Рассвело незаметно. Небо, очистившееся от туч, едва заметно синело. Стали видны силуэты дальних зданий и деревьев, различимы мелкие детали, синева отразилась в лужах, в мутных стёклах Птицы, щебеча, закружили над деревьями, будто бы ничего и не было, будто костлявая не увела за собой сотни жизней этой дождливой ночью, будто в десятках семей не будет траура, и сырая земля не примет сегодня тела погибших за Альянс, а погребальный огонь не взметнёт над землёй дым и прах воинов Легиона. Сейчас бы больше подошло холодное туманное утро, но природа словно напоминала, что ещё есть жизнь на этой богом покинутой земле, на этом многострадальном голубом шарике, где теперь ценность жизни была, как никогда, высока. Мы начинаем ценить жизнь тогда, когда приближается угроза её исчезновения.

На улицах воцарилась унылая картина, сжимающая душу. Изувеченные тела бойцов Альянса – людей нортов и представителей других рас, очень похожих на людей, складывали рядами около грузовиков, над многими телами рыдали жёны матери, угрюмо опускали головы товарищи. Из проулков и дворов на носилках выносили убитых и раненых, среди которых оказалось много солдат армии Соколовска. Тела легионовских воинов складывали в грузовики, сваливая друг на друга. Хоть это и неуважение памяти павших (пусть и врагов), но какое уважение к тому врагу, который поставил все остальные расы ниже грязного скота?

В этот день Кира впервые увидела легионовцев в живую, не на фото, а вот так. Их высокие сильные тела с серо-синим цветом кожи, вытянутые головы и кисти. Они были мертвы. Как и бойцы Альянса, они пали в жестоком бою этой дождливой ночью, они не

встретили это ясное утро, они не вернутся назад. Да, смерть уравнивает всех.

Практически все здания были посечены осколками и покрыты гарью. Центральная улица расчищалась от обломков, мелких осколков, оружия, отмывалась от крови. Из окон некоторых зданий всё ещё поднимался дым.

Кира опустила голову, дабы не видеть сгоревших тел, отсечённых мечами конечностей и кровавых луж, догорающей бронетехники. Краем глаза она увидела тело Алима, изорванное осколками, лежащее с остальными на парковке, сразу вспомнилось его ещё мальчишеское лицо. Худой и невысокий, одетый по-летнему, он лежал среди крепких мужиков в броне, некоторые из них так и не выпустили оружие из рук. Девушка закрыла глаза рукой, и шла так, пока не был пройден этот участок.

Над всем этим вставало ясное солнце, то ли насмехаясь над тленностью бытия и манией самоуничтожения обоих сторон, то ли утешая и твердя о продолжении жизни. Кому как удобно, тот так и расценит эту выходку природы.

Глава пятая. Разоблачение

Сменится горе радостью, отчаяние – гневом, бездействие – действием…

– Прекрати, твои слёзы ничего не изменят, да и павшим они на кой чёрт нужны?

– Край, но ведь… но ведь нельзя вот так просто забыть.

– Нет, нельзя забывать погибших, нужно чтить их память, но нельзя убиваться по ним. Это глупо, зачем? Их не вернуть. Вообще это они по нам скорбить должны, они в ином мире, где вряд ли хуже, чем тут.

– Странно от норта такие слова слышать.

– Ты не знаешь нортов. Давай на прямоту, ты никого не потеряла, ты не была знакома с этими людьми. Ты сейчас не за погибших переживаешь, ты боишься за себя, ты увидела как умирают, ты увидела, что смерть – это не самое страшное, что может подкинуть тебе жизнь здесь. Я ценю по-настоящему живых личностей, имеющих душу и чувства, но тебе так скажу: отбрось ты эти сопли, стань жёстче, стань суровей. Мы в нескольких километрах от того места, успокойся.

– К чёрту всё!

Девушка спрыгнула с ржавого капота машины такси и быстрым шагом направилась к зарослям молодняка.

– Стой! Мина! – Выкрикнул Край, вскочив.

Его возглас пронёсся эхом по двору таксопарка, наполовину заросшего молодыми деревьями, прораставшими из бывших газонов и разбитого асфальта.

Девушка замерла на полушаге, звенящая тишина повисла в воздухе. Всё тело Киры застыло в напряжении, ожидая взрыва. Она увидела под ногой мину, едва присыпанную полусгнившей листвой. Тишину прервал напряжённый выдох норта и просьба не убирать ногу с места.

Норт достал из рюкзака Киры верёвку. Привязав один её конец к бетонному блоку, он подтащил его к Кире.

– По моей команде аккуратно сдвигай ногу, но не отрывай её от земли.

Норт положил блок вплотную к ноге девушки.

– Давай, – негромко сказал Край и стал двигать блок вслед за ногой.

Когда тяжёлый кусок бетона полностью оказался на мине, Кира отошла и облегчённо выдохнула, вытирая пот со лба.

Норт взял противоположный конец верёвки.

– Возьми рюкзак.

Кира взяла рюкзак, и они оба отошли за угол здания таксопарка. Край дёрнул за верёвку, блок сполз с мины…

Ожидаемого оглушительного взрыва не произошло, лишь хлопок и клубы дыма.

– Вот гады! На взрывчатке экономят, – возмутился норт.

– Да… убить не убьёт, но ноги оторвёт.

– Ага. Вот на такой мине и погиб тот товарищ. Ладно, пойдём.

Спустя десять минут они поднимались на порог офисного двадцатиэтажного здания в форме цилиндра с зеркальной поверхностью и двумя высокими мачтами на крыше. Здание мало пострадало от войны, лишь выбитые окна и осыпавшиеся по краям перекрытия на последних трёх этажах. В остальном же поработало время, затянув окна остальных этажей плотной пылевой корой и поселив ржавчину на металлических рамах. Оно будто сливалось с серой прохладной погодой, начавшей день.

Край расстегнул рюкзак Киры и достал нечто, напоминающее маленький термос. Этот стальной предмет был окрашен жёлтой глянцевой краской с двумя вертикальными чёрными полосами. Вдоль корпуса от дна и до крышки имелась узкая стеклянная полоса, сквозь которую виднелась прозрачная жидкость.

– Это накопитель. На него мне деньги нужны были, – пояснил Край, закрепив предмет ремешками к жилету.

– Больше термос напоминает, – скептически ответила Кира.

– Немного похож, но нет. Это специальный сосуд, способный хранить огромное количество энергии. Если его наполнить до предела, то нам с тобой этой энергии хватит месяца на три-четыре. К тому же очень прочный. Может взять энергии 1800 ед, к примеру в тебе сейчас около двух.

Девушка лишь пожала плечами.

– Оставайся в этом здании, приходи в себя. Тут безопасная зона. Я вернусь завтра часам к пяти вечера.

– Ты куда?

– На охоту. Надо же накопитель наполнять.

Норт торопливо ушёл вдаль по улице, а Кира вошла внутрь, протиснувшись сквозь разогнутую решётку, которой был заварен вход.

В холе ничего не изменилось с того дня, как здание законсервировали. Похоже, его закрыли ещё задолго до битвы, судя по календарю на стене за 2015-тый год. Над стойкой

администратора висели часы, замершие на половине первого. Потрёпанные кресла располагались хаотично, то в одном углу, то в другом, то перевёрнутые вверх ногами. По полу разбросаны сотни листов различной документации и каких-то чертежей, отвалившихся от потолка пластиковых панелей. Всё вокруг покрывал слой пыли, осевший за долгие годы.

Рядом с лифтами поднималась лестница, ведущая на следующие этажи. На всех последующих этажах царило офисное однообразие: панорамные окна; отдельный кабинет главы отдела; рабочие места, отгороженные фанерной, иногда пластиковой, перегородкой. Кое-где даже осталась техника: компьютеры; принтеры; куллеры; проекторы; камеры видеонаблюдения, обросшие паутиной, и прочая офисная дребедень. Видимо, сюда планировали вернуться, потому оставили всё на местах, а лишь последние годы искатели стали понемногу растаскивать технику.

Нетрудно представить, как раньше тут в своеобразной форме кипела жизнь; сотрудники возились на своих местах, или делали вид, что возятся; постоянно пахло кофеем; время от времени проходил шеф, и на десятках мониторах тут же сворачивались пасьянс или ВКонтакте. Теперь же в этих залах не слышно стука по клавиатуре, лишь муха жужжит на мутном стекле.

Кира вернулась в холл и разлеглась на одном из диванов. Шум начинающегося дождя, нарушающий тишину, словно колыбельная музыка, погрузил девушку в пучину грёз, пространство вокруг растаяло, незаметно опустился сон.

Проспала она почти до вечера. После развела костёр из фанерных перегородок и обломков мебели, собранных на последних этажах. Костёр горел на лестничной площадке между 17-тым и 18-тым этажами, так как тут и ветра не было, и дым свободно уходил на верхние этажи, где в отсутствии окон ветер насвистывал заунывные мелодии. Девушка наложила кучу квадратных подушек от диванов и кресел в углу и принесла на ночь дров, бывших раньше мебелью.

Сидя у огня, Кира была погружена в свои мысли и раз за разом переживала ту ночь. Теперь, когда она узнала, как может быть страшен конец, ей не хотелось смертью закончить свои страдания. Она думала, как бы пересидеть свой срок где-нибудь в укромном уголке, словно мышь, а затем укрыться обратно в крепости. Край – как раз тот, кто мог бы помочь в этом, ведь он, похоже, не меньше её жаждет покоя и не собирается ввязываться в какие-либо авантюры. Похоже, ему не чужда даже трусость, тем лучше, он поддержит идею наполнить накопитель и укрыться в каком-нибудь бомбоубежище в безопасной зоне. С ним достаточно шансов выжить, и Кира уже была готова таскаться за

ним хвостиком, выполняя все поручения и просьбы, лишь бы пережить с ним эти годы, плевать на гордость.

Следующий день.

Девушка сидела у мачты для антенн посреди крыши. День клонился к вечеру, хотя солнца и не было видно за плотным занавесом тумана, но всё же заметно, что сумерки уже на подходе. Ветер играл волосами Киры, густой туман, словно вата, заполнил пространство и казался осязаемым. От того Кира не чувствовала страха перед открытым пространством. Мысли пошли уже по сотому кругу, всё одно и то же.

Незаметно подошёл Край, отчего девушка вздрогнула, едва увидев его.

– Край, наконец-то.

– Да уж. Ты как? – Поинтересовался он, сев рядом.

– Всё норм. Скучно просто. Я кое-что вспомнила, похоже, мне всё же придётся встретиться с Тихим.

Сказав это, она достала из-за пазухи конверт, переданный Шамилем. – Завтра крайний срок. Нужно к крепости попасть до половины десятого утра.

– Без проблем, тут пятнадцать минут неспеша, вразвалочку. Я так понимаю, они из центральных ворот выйдут, так что перехватим. Завтра видно будет.

– Эх… я бы вернулась в крепость, если могла, – как-то резко переменила тему Кира.

– Ты сейчас о чём?

– В Верном познакомилась с одной девушкой… снайпером. Она может вернуться в крепость в любой день и жить там, у неё вся родня там.

– И?

– Что, и? вместо этого она там, в этом аду! Говорит, что в крепости делать нечего.

Край ничего не ответил, он понимал ту девушку, о которой говорит Кира, но в то же время он и сам иногда спрашивал себя и других – зачем?

На следующий день, ясным прохладным утром недалеко от крепости.

Край стоял у прогнившего бортика крыши одной из многоэтажек, чуть поодаль маячила взад-вперёд Кира, накинув капюшон. Отсюда открывался прекрасный вид на центральные ворота крепости и всю сортировочную базу, расположившуюся у подножья стадвадцатиметровых стен крепости. На базе

сортировали привезённый металл и технику. Металл сортировали по разным группам, резали, грузили в вагоны небольшого железнодорожного состава, и те исчезали в туннелях, ведущих в крепость. С техникой поступали так же, рабочую или подлежащую ремонту грузили на ЖД-платформы, а остальную распиливали на металл. В отсутствии должного энергообеспечения крепость почти не занималась переработкой металла, поэтому его добыча протекала вяло, и в городе запросто можно было найти сотню машин, стоящих на стоянках, или трамвайные рельсы, не выдранные со своего места.

Позиция Края и Киры великолепно просматривалась с крыши и обзорного этажа крепости, но поскольку близлежащая к крепости территория являлась безопасной зоной и тут не только проводились экскурсии, но и жили несколько сотен отшельников-одиночек, находиться здесь можно было совершенно открыто.

Наконец ровно в 9:40, врата крепости наполовину открылись, и из них вышел строем отряд из десяти человек в камуфляже и лёгкой броне, с автоматами за спиной и шашками на поясе. Помимо бронещитков на руках и ногах воинов были надеты латы и наплечники.

– Ну, что там? – Взволнованно спросила Кира, подойдя к норту и прищурившись.

– Согласно твоим описаниям, такой тип есть.

Кира разглядела Тихого, он, как обычно, был спокоен и собран, в отличии от остальных, которые едва вышли за ворота сортировочной базы, как нарушили строй и стали вести себя, словно на прогулке. Среди них был и Савелий, тот, с кем она столкнулась на лестнице в ту ночь, он был в отряде самый развязный. Весь отряд состоял из 18-20-ти летних парней, недавно окончивших школу. Они патрулировали самый оживлённый путь, где постоянно наблюдалось движение – то торговый караван шёл из крепости или в крепость, то сталкеры шли мимоходом, то ещё что-то. На данном маршруте имелись круглосуточные посты охраны, поэтому для вражеских диверсантов это место было крайне труднодоступным, особенно трёхкилометровый отрезок от крепости до депо метро.

– По какому же маршруту они пойдут… – думал вслух Край. – Ага, ясно. Им как новичкам несложный внешний маршрут дали.

– Внешний?

– Да. Внутренний – это вокруг крепости в радиусе двух кварталов, экскурсионный, короче говоря… Ладно, я знаю, где мы их перехватим, между вторым и третьим постом, это дворы.

– Ну так чо сидим? Бегом!

Кира стояла в подъезде многоэтажки на третьем этаже. Край отправился в рейд по квартирам, надеясь что-нибудь интересного отыскать. Кира обратила внимание, что по центральному маршруту, множество повреждённых зданий, но все повреждения старые.

На противоположном конце этого компактного двора с вырубленными деревьями, выжженной травой и множеством следов от грузовиков. показался отряд. Все шли, ничуть не опасаясь чего-либо, болтая и смеясь, почти не смотря по сторонам. Лишь Антон, хоть и принимал участие в разговоре, но всё же внимательно осматривался по сторонам. Благодаря этому он и заметил новую надпись, нацарапанную кирпичом на двери одного из подъездов, гласящую: «РУФ ЖИВ;)». Эта надпись была оставлена Кирой за пять минут до появления отряда.

Отряд остановился у трансформаторной будки в десятке метров от подъезда, так что Кира могла слышать, о чём они говорят.

Одни тут же направились к ржавому турнику, другие расселись у будки.

– Я пойду схрон проверю, – сказал Тихий и направился к подъезду, где ждала Кира.

Они встретились на третьем этаже на лестничной площадке.

– Привет. Руф жив, я думал, придётся на крышу тащиться, – приветливо улыбнувшись, сказал Антон.

– Мне лень стало. Я смотрю, никто не заморачивается, мало ли, враги.

– Какие враги? Тут всё под наблюдением. Не думай, что тебя не видели, просто ты человек, ещё безоружный и даже без рюкзака… потому и не остановили.

– Рюкзак я спрятала. Тут тебе передали.

Она достала конверт. Антон недоумённо поглядел на него, затем взял и неспеша распечатал. Его полу прикрытые глаза округлились, на губах проступила хитрая улыбка, в глазах сверкнул какой-то азартный блеск.

– Шамиль… брат… молодец, спасибо. А вот ты дура.

– Чего?! – Возмутилась Кира такому беспочвенному на её взгляд оскорблению.

– Ты чо туда ходила? Тебя же порвут если узнают.

– Это моё дело.

– Кир, будь осторожнее. Пересиди ты эти три года тихо, не лезь никуда. Тебе что-то нужно? Я принесу.

– Я не собираюсь никуда лезть, а помощник у меня есть. Благодаря этому, – она ткнула пальцем в лист бумаги у Антона в

руках. – Я получу что нужно.

– А… да, Шамиль порядочный, он не подведёт, но не выдай себя. Ладно, мне надо спешить, ещё увидимся.

Он выскочил из подъезда.

– Прикройте меня, я к вечеру вернусь, – сказал он остальным и бегом помчался куда-то.

Кира всё ещё находилась в подъезде, стоя в углу не высовываясь. Отряд всё не уходил, бойцы о чём-то живо беседовали. Край неслышно спустился с верхних этажей.

– Ну что? – Поинтересовался он в полголоса.

– Всё нормально. Вот только эти никак не уйдут, уже минут десять торчат здесь.

– Ничего, подождём, нам спешить некуда.

Край прислушивался к разговорам бойцов отряда с хитрой лисьей ухмылкой. Кире же было всё ровно, она слушала разговор краем уха, не вникая в суть и думая о чём-то своём.

Вдруг слух Киры зацепился за фразу одного из парней: – «Да ладно тебе Сав, прям гуманист, а кто старику билет выписал? Ты».

– И чо? – Развёл руками Савелий. – Можно подумать, что кому-то хуже без него стало, теперь хоть народ на пары ходить стал, никто не цепляется. И вообще, тут не только моя заслуга…

– А чья ещё? – Спросил рыжий парень, которого Кира раньше никогда в крепости не видела.

– А всех, кто со мной был, – отвечал Сава. – Никто не был против, все только за. Короче, забыли. Старик в отпуске, у нас всё ок. Киру жалко, хотя… ладно, о мёртвых либо хорошо, либо ничего. Ладно, пошли дальше, а то на посту тревогу подымут.

Кира оцепенела от услышанного, невольно раскрыв рот. Со стороны в разговоре не было слышно ничего особого, скорее афёра, какая-то, но для Киры картина сложилась. Она вспомнила, как столкнулась с Савелием на лестнице, все парни и он сам были чем-то встревожены, к тому же туфли, никак не идущие к спортивным штанам, а ведь Сава умел одеваться…

– Ах ты, скотина! Мразь, убью! – Выпалила Кира, схватив кирпич и выбив им окно. От потрясения её рассудок помутился на мгновение.

Норт от неожиданности прижался к полу.

Отряд резко обернулся, вскинув автоматы. Увидев в окне силуэт, они открыли огонь.

Треск автоматных очередей и пара десятков пуль, влетевших в потолок подъезда, привели Киру в сознание, она осознала, что натворила.

– Это она! Не дайте ей уйти! – Послышался голос Савы.

Тут же в окно влетела граната. Норт среагировал мгновенно, схватив её и выбросив обратно в окно. Сразу грянул взрыв и чей-то истошный вопль: «Глаза, мать твою! Мои глаза!!!»

Отряд, кроме одного пострадавшего, ворвался в подъезд.

– В секторе ГМ-3, нападение, повторяю нападение! Прошу немедленной поддержки, – объявил по рации Сава.

Кира и Край изо всех сил неслись по лестнице вверх, преследователи нагоняли их, постоянно стреляя меж перил. Этажи уходили вниз, девятый, десятый, одиннадцатый… наконец, миновав четырнадцатый этаж, беглецы выбрались на крышу, выбив хлипкую железную дверь.

Край сразу устремился к соседней крыше, Кира за ним. Адреналин у обоих зашкаливал, будто отключив усталость и сомнения. Оба перепрыгнули на крышу соседнего здания, находящегося в трёх метрах и бывшую немного ниже.

В это время патрульные во главе с Савелием вырвались на крышу. У самых лап норта бронебойная пуля врезалась в бетон, взметнув фонтан пыли.

– Это снайпера с крепости! – Догадался Край.

Оба укрылись за т-образной кирпичной вытяжкой, закрывавшей их и от отряда, и со стороны крепости. Тем временем двое бойцов присели у бортика крыши, с которой беглецы только что перепрыгнули, взяв укрытие своего противника на прицел, а остальные, разбегаясь, стали перепрыгивать. Кира дрожала от избытка адреналина, вытирая со лба пот, заливавший глаза. Край прижался к крыше, поглядывая то на Киру, то вперёд. Он испытывал страх не меньше девушки, сбивчивое дыхание и дрожь не давали собраться. Снова выстрел, пуля, выпущенная из снайперской бронебойной винтовки, отколола от вытяжки кусок бетона.

Когда шестеро бойцов и Савелий перепрыгнули, обнажив шашки, оставшиеся двое не сдвинулись с позиций, продолжая удерживать укрытие под прицелом. Шестеро бойцов вместе с Савелием медленно стали обходить укрытие с противоположной от крепости стороны, дабы не закрывать обзор снайперу, их наполированные шашки блестели на солнце, отбрасывая блики.

Кира поняла, что их обложили. Если она сейчас встанет и побежит, то её либо достанет снайпер, либо автоматчики, либо клинки растерзают её тело на корм воронам. Но и это укрытие через несколько секунд станет бесполезным. Бойцы обойдут его с незащищённой стороны и зарубят их обоих, её – как не нужного свидетеля, а Края – как её сообщника. Слёзы отчаяния покатились из её глаз. Вот и настала казнь.

– Ложись сверху и держись, – вдруг прошептал Край.

– Что? – Не поняла Кира.

– На спину мне.

Кира заползла на спину норта, обхватив его ногами и руками.

– Не отпускай, – прошептал Край, и словно молния, рванул вперёд двухметровыми скачками. При рывке девушка едва не упала.

От неожиданности бойцы не сразу среагировали и лишь через пару мгновений открыли беспорядочный огонь. Но снайпер, хоть и находящийся на крыше крепости в десятке кварталов, почти попал, пуля ударила в полуметре позади Края.

Норт добежал до края крыши, развив немалую скорость и, не раздумывая, прыгнул.

– Край, нет! – Выкрикнула Кира, не увидевшая сперва зданий впереди.

Соседнее здание оказалось на четыре этажа ниже и находилось с противоположной стороны просторного въезда во двор.

Норт, словно дикий кот, мягко приземлился на самый угол крыши. Окажись прыжок немного слабее – и они не долетели бы.

Едва не споткнувшись, Край устремился к бетонному коробу, в котором располагались лифтовая и выход. Он шмыгнул в раскрытую дверь и остановился. Кира спрыгнула, восторженно взвизгнув: «Круто!» Её переполняли эмоции и адреналин, не давшие более ей ничего внятно сказать.

Раздался гул, перешедший в свист, и во двор у самых подъездов упал снаряд. Здание пошатнулось, послышался треск бетона.

– Садись! – Приказал Край. – Крепче за жилет держись.

Девушка вскочила верхом, сжав его ногами и вцепившись обеими руками в жилет.

Снова раздался свист, и снаряд ударил в дальний конец крыши. Удар оказался такой силы, что обветшавшая многоэтажка накренилась, а дальний конец осыпался с десятого этажа по четвёртый. Край с Кирой верхом выбежал из укрытия, и увидев третий снаряд, оставляющий белый хвост дыма на синем небе, рванул к внешней стороне здания, в сторону дороги.

Он вновь прыгнул. Но на этот раз они приземлились в старый разросшийся тополь.

Кира видела лишь блики света, почувствовала несколько сильных ударов и хлестанья сотен молодых веток, хруст звук рвущейся ткани, затем край пропал, и вот она одна. Девушка лишь успела разобрать, что она на дереве, не известно на какой высоте, как ударная волна прошла сквозь неё… грохот… клубы

пыли и град камней… треск веток, падение… хлёсткий удар в живот, похоже, провод…

Кира встряхнула головой. Кругом, плотная пылевая завеса. Пыль лезла в глаза, скрипела на зубах, забивала нос, вынуждая чихать. Она сориентировалась в пространстве. Стало ясно, что она висит вниз головой на троллейбусных проводах на противоположной стороне улицы, кругом – ветки верхушки упавшего тополя.

– Кира, быстрей, пока пыль не осела, – услышала девушка голос Края сквозь звон в ушах.

Беглецы торопливо шли по одной из заросших улиц старого района. Деревья, посаженные ещё в тридцатые годы двадцатого века по обе стороны дороги, разрослись огромными шапками и сплелись в единый зелёный свод над дорогой. Некоторые из деревьев уже высохли от старости и под силой собственного веса рухнули на тротуары. Брусчатка и ржавые рельсы лишь местами проглядывали из-под слоя перегнившей листвы, ставшей почвой для трав и мелких кустарников, разросшихся там, где полтора десятилетия назад ездили трамваи и множество машин. Старые здания постройки девятнадцатого века обветшали, их ажурные кирпичные стены осыпались, покрылись замшей мха и плесени. Кованные фонари обросли плющом. На первых этажах, где раньше были кафе и рестораны, всё так и осталось на местах; иссохшая древесина, которой было отделано большинство интерьеров, посерела покрылась ковром пыли.

Складывалось впечатление, что это место оставили в далёком девятнадцатом веке, и по сей день лишь природа хозяин здесь. Районы старого города считались безопасной и необитаемой зоной, бои здесь не шли, мин не было, и потому эти места были забыты сталкерами и военными, не нужны ни тем, ни другим. Только одинокий обходчик появлялся раз в сезон – убедиться в отсутствии врага.

Кира шла вслед за Краем, благодаря пылевой завесе они смогли уйти незаметно и теперь уже были далеко. Одежда девушки была изорвана, а лицо покрыто кровоточащими царапинами от веток. Норт тоже выглядел грязным и потрёпанным.

– Извини, – выдавила из себя Кира.

Теперь, когда всё встало на свои места, она поняла, что виноват сынок влиятельных родителей, её вновь стало окутывать отчаяние, состояние обреченности.

– За что? – Спросил Край, хотя знал ответ, но хотел заставить

девушку говорить, помешать уйти в себя.

– Что рисковал… что спас.

Эти слова не произвели на норта должного ощущения, ведь он поначалу думал уйти самому, ведь его бы не тронули, скорее всего. Он едва не поддался страху.

– Я не знаю, что на меня нашло, я на секунду перестала соображать, – продолжала Кира. – Зато теперь точно знаю, кто виноват… хотя толку от этого?

– Ну… я теперь точно знаю, что это не ты.

– Да ты, вроде бы, и не сомневался.

Норт многозначительно отвёл взгляд в сторону.

– Ты уверена, что хочешь вернуться в то место? – Сменил тему Край.

– В Верный? Там Шамиль, возьмём у него что нужно, у нас ведь есть чем платить?

– Есть. Да, тебе нужно оружие.

– Вообще ничего не хочу.

– Но-но-но! Ты давай не расклеивайся. Ты же понимаешь, что тут некогда сопли жевать. На том свете расстраиваться будешь, хотя и там не надо. Всё, выброси из башки, пока дурные мысли не полезли.

Верный. Пять часов дня.

Последствия недавних событий были ликвидированы, даже фасады некоторых зданий уже были обстроены строительными лесами и затянуты зелёной сеткой. Но девушке всё равно было не по себе, воспоминания о той ночи сами лезли в голову.

Было решено искать Шамилья в районе ринга, где же ему ещё сейчас быть. Беловолосый дагестанец нашёлся сразу. Он и Антон Тихий стояли в проулке у склада, за ними – грузовик с открытым кузовом, гружённый какими-то ящиками, и бежевый пикап, обшитый бронёй и решётками, с люком и пулемётом над пассажирским местом.

Шамиль и Антон о чём-то говорили, улыбаясь и жестикулируя руками. В этот раз Шамиль выглядел менее загадочно, сменив таинственный плащ на затасканные джинсы, тёмный «бабушкин» свитер и всё в тех же кирзачах в кирпичной пыли.

Заметив Киру и Края, Шамиль сделал приветливый пригласительный жест рукой.

– Ооо… кто пришёл! Слушай, я думал, не вернёшься, – приветливо воскликнул Шамиль.

Норт кивнул головой, но на него, кажется, Шамиль не обратил внимания.

– Вернулась, – негромко сказала Кира.

– Что ж, в таком случае с меня пара ништяков, а то не дело совсем без оружия ходить.

– Слушай, Кир, – подхватил Тихий, но с меньшей экспрессией. – Я в понедельник уеду, да вообще весь отряд, так что, если что-то нужно, то говори сейчас.

– Всем отрядом? – Поинтересовался норт.

– Да там не только наш, ещё десять человек. В Красноручейск на побережье, в Александровский военный порт.

– На Флот, что ли? – С усмешкой спросила Кира. – Вы же ростом не подходите, высокие.

– Это 15 лет назад имело значение, теперь людей совсем мало, и берут всех. Доедем… с грузом ведь не разгонишься, а ВПС… не такие мы уж важные персоны, – закончил Антон с ироническим смешком.

– Ну, передай отцу, что жива, здорова.

– Всё?

– Всё.

– Ладно. Я поеду, а то забыл рацию зарядить, села. А я-то думал, чего она молчит весь день.

Антон запрыгнул в грузовик и устроился среди ящиков.

– Поехали! – Крикнул он.

Грузовик затарахтел, выбросив из выхлопной трубы чёрный дым, тронулся.

– Давайте прыгайте, поедем в одно место, – сказал Шамиль и сел в «пикап». На пассажирском сидении уже кто-то сидел, в шапке, опущенной на глаза, чёрная, как смола, борода этого человека свисала чуть ли не до груди.

Кира с Краем запрыгнули в кузов. Завёлся электродвигатель, и машина довольно резко рванула с места, едва не зацепив прохожего.

Благодаря достижениям науки последних лет старой эры, электродвигатели ничем не уступали обычным, на жидком топливе, разве что стоили немного дороже.

Машина въехала в раскрытые ворота на большую территорию, огороженную бетонным забором. Это была ремонтная база метрополитена. Все пути были заняты вагонами, некоторые из них были наполовину разобраны. На территории находились несколько десятков человек, и все хорошо вооружены.

Пикап подъехал к одному из трёх туннелей. Выход из одного был перегорожен противотанковыми «ежами», бетонными плитами и парой пулемётных гнёзд. Второй, средний, служил в качестве гаража, рельсы в нём были спилены, а через тридцать

метров туннель был замурован бетонной стеной, укреплённой стальными балками.

Машина же остановилась у третьего. Все трое направились внутрь. Первые десять метров представляли что-то вроде прихожей. Здесь за укреплением из мешков с песком находилась вахта, горел костерок, на котором кипятился чайник, сам вахтёр – тучный мужик в шортах и жёлтой от пота и грязи майке, усадил свою тушу на ящики за большим столом, повесив автомат на пузо. Дальше находился гермошлюз, между ним и стеной оставался проход шириной в метр. Судя по проросшей траве у края гермы и несмазанному приводу с обратной стороны, он не сдвинулся с места с момента Великой битвы. За ним всё выглядело немного более цивилизованно, горел голубоватый свет от диодных ламп на штативах, плюс было освещение самого туннеля, запущенное от преобразователей. В импровизированном холле находились столы, кресла, пол (разумеется, избавленный от рельс) застлан потёртыми коврами, тюбинги были скрыты за брезентом. Дальше в строительном вагончике располагалось что-то вроде кухни, труба из него тянулась на улицу. Дальше за брезентовой шторой располагалась спальня с армейскими двухъярусными кроватями. В конце спальни был проход из соседнего туннеля, а затем отгороженный мешками с песком и листами железа склад. Склад представлял собой развилку, где оба дальнейших проезда были наглухо замурованы. Освещение здесь осталось прежним, что и было до новой эры. Несколько «ламп Ильича» и семафор над обеими развилками, горящий красным.

На складе находились десятки ящиков и коробов различных размеров, некоторые довольно крупные предметы были накрыты чёрной плёнкой, скрывавшей их очертания.

– Короче, у меня есть пара вещей для тебя, – гулко прозвучали слова Шамиля под бетонными сводами.

Он открыл один из ящиков и достал странный, на взгляд Киры, предмет. Шамиль молча подошёл к ней и закрепил его на правой руке девушки, туго затянув ремни.

Это металлическое устройство оказалось не тяжёлым, оно покрывало всю тыльную поверхность предплечья и немного выходило на кисть. По центру его тянулся узкий жёлоб с поршнем внутри. С левой боковой стороны имелась ручка, способная двигаться вдоль устройства. Под кисть выдвигалась ручка с рычажком, напоминающая тормоз на руле велосипеда, от которой в устройство уходил тросик. С боковых сторон наверх выходили несколько зазубрин из толстого металла, чтобы отражать удар меча. Само же устройство имело плавные сглаженные линии и не выглядело громоздким, а вполне стильным, и в то же время не

теряло серьёзного вида.

– Это пускатель, или можно назвать, арбалет, – пояснил Шамиль.

Шамиль вернулся к ящику и достал из него серебристый диск, размерами напоминавший канализационный люк. С одной его стороны были закреплены ремни, а с другой – лишь переключатель в выемке по центру и небольшим отверстием сбоку.

– Это привод, не забывай заряжать аккумулятор. Маленький, но грозный, 100 кг тянет, – говорил Шамиль, надев это на спину Киры и застёгивая ремни.

Он вытянул из бокового отверстия привода трос с припаянной резьбой на конце, продел его в специальную трубку, прикрепив её ремешками к правой руке девушки, а концы закрепил на приводе и пускателе. Затем через отверстие в стенке пускателя провёл трос по жёлобу, в отверстие поршня. Затем он достал из кармана нечто, похожее на болт с вытянутой шляпкой и вырезкой в ней. Вставив конец троса с резьбой в вырезку болта, он провернул его.

– Пойдём, – сказал Шамиль, забрав из ящика альпинистскую страховку и какой-то свёрток.

После Шамиль провёл краткий инструктаж, показав способности привода – тянуть вверх и плавно опускать. Сначала пришлось надеть альпинистскую страховку, а уж сверху закрепить привод. Так же с помощью него можно было подтягивать предметы, выпуская в них универсальную стрелу с тросом, а затем запустив привод. В том свёртке оказался колчан с десятью длинными стрелами и одной универсальной. Особенность универсальной заключалась в возможности закрепления на ней троса и смене наконечников, сама стрела была короче боевых. Плюс ко всему, имелись насадки для универсальной стрелы: крюк-кошка двух видов и четыре гарпуна разных размеров, от большого 25 см до малого 1,5 см.

Шамиль не скрывал, что всё это самоделка и до настоящего альпинистского снаряжения не дотягивает. Этим он будто намекал, что систему можно и обновить…

Глава шестая. Одержимая

Стрела глубоко вонзилась в обугленный ствол дерева, издав глухой стук. Кира сидела на ступенях центрального входа Дома правосудия, смотря ястребиным взором на только что пущенную ею стрелу.

Предрассветные сумерки только начинали бродить по мёртвым улицам, сменив молодой месяц на его посту. Зябкий ветер, усилившийся к утру, завывал меж зданий и метал сухую листву.

Кира сосредоточилась на своих мыслях.

«Хватит. Я должна быть сильной и смелой. Можно долго сопли жевать и говорить, что он сволочь, только от этого ничего не изменится. Я должна что-то делать. А что делать? Я убью его, эта тварь сдохнет. Одна я не справлюсь, но Край не поддержит эту мысль. Мне нужно его уговорить. А если наотрез откажется? Буду настойчивей. Убью этого ублюдка из засады, или когда он будет один. Боже, мне эта идея нравится всё больше! Хватит, пора забыть про смазливую девочку! Если уж нарекли убийцей, значит, ей мне и быть!» – С этой мыслью в её глазах вспыхнул кровожадный огонь. Она решительно встала и зарядила крюк-кошку, не забыв прикрепить к нему трос. Она выпустила крюк в решётку балкона пятого этажа соседнего здания. На секунду на её лице проскользнула тень сомнения, она притронулась к синяку, полученному вчера, когда тренировалась с системой, затем вновь огонь в глазах, разбег, решительное нажатие на третий режим привода и рывок. Не отрегулированная система вновь дёрнула девушку до хруста костей, освежающий ветер в лицо, и спустя секунду она уже на внешней стороне балкона. Вытащив крюк меж прутьев, она вновь выстрелила. На этот раз крюк надёжно зацепился в решётке верхней площадки вышки сотовой связи, расположенной на крыше дома правосудия. Вновь рывок, полёт и снова жёсткий удар о стальную конструкцию.

– Надо тренироваться, а то убьюсь так, – заключила она вслух, взбираясь на площадку. – Да и скорость сбавить, сядет быстро.

Восходящее солнце коснулось лучами её лица, отразилось в глазах, бодрящий ветер трепал светлые волосы. Преодолевая страх открытого пространства, который всё ещё не оставил её, она чувствовала прилив сил и смелости, что-то большое поднималось из глубин души, большое и страшное. Она осторожно убрала руку от антенны, за которую держалась, затем

медленно расправила руки, словно огромный легионовский ворон, готовый броситься в бой. Этот окончательный удар по страху сорвал последние оковы с того большого и страшного, зовущегося жаждой мести. На её губах показалась злая ухмылка. И даже солнце по зловещему совпадению на секунду погрузилось в дым из труб крепости и озарило приговорённую кроваво-красными лучами. Она не хотела задавать себе лишних вопросов, дабы не мешать этому ощущению силы и решимости, крепнущему с каждой секундой. Наконец она почувствовала себя способной хоть как-то влиять на окружающий мир, а не просто фигуркой, перемещающейся по линиям улиц, соблюдая свой алгоритм.

Приговорённая и норт обыскивали огромный особняк богатого района, надеясь найти что-то. По словам Края, этот район был поражён химическим оружием, и только в этом году уровень загрязнения спал до предельно допустимого.

Во время эвакуации люди могли забрать лишь самые ценные вещи, то, что могло уместиться в одном рюкзаке. Поэтому вся мебель, быттехника, посуда, картины, статуэтки и прочие дорогие предметы, – всё осталось в этих стенах. Конечно, дом пострадал от бомбёжек и обстрелов, и всё добро валялось теперь в жутком беспорядке на полу, многое уцелело.

– Чёрт! Кира, ты нашла время… обломала весь кайф, – возмущался Край, роясь в обломках развалившегося шкафа одной из спален. – Ты понимаешь кто они? Он знает, что ты жива, и сам будет искать тебя, так что тебе прятаться надо, а не думать убить его.

– Да хватит прятаться! Что, пусть живёт теперь? Убил одного, сломал жизнь мне и моему отцу, а теперь пусть живёт?

Край достал неплохо сохранившийся женский пиджак одного некогда очень известного и дорогого бренда, поглядел на него и, как тряпку, выбросил в окно.

– Любители тряпья, – проворчал он, перейдя к комоду и начав рыться в нём, словно матёрый мародёр. – И что ты изменишь? Ну предположим, ты убьёшь его, и что изменится? С тебя обвинения снимут? Тот старикан воскреснет? Что? Зачем? Эта твоя авантюра унесёт ещё одну жизнь, и, скорее всего, твою, а прицепом, и мою.

– Так вот что? Ты за себя боишься!

– Конечно! Инстинкт самосохранения, я потому и жив пока. Напасть на патруль, убить одного из них… ты понимаешь вообще, что это такое.

Он достал жменю драгоценностей, затем отложил их в угол ящика.

– Пойдём на второй этаж, глянем, что там, – сказал норт.

Они поднялись на второй этаж. Центральный зал хорошо сохранился. На красных бархатных стенах висели редкие картины, закрытые стеклом и почти не затронутые временем. Сквозь толстый слой пыли на полу был виден паркет из красного дерева. В свете фонаря поблёскивали золотые дверные ручки.

– Инстинкт? Ну да, инстинкты у тебя есть, а чувства? А, Край?

– И кто это мне про чувства говорит?

– Ты опять?! Думаешь, у людей нет чувств?

– Я не к тому, почему тебе кажется, что я плохо отношусь к людям? Всё забыли эту тему, и не будем опять к ней возвращаться. А что касается чувств, они у меня есть, но и мозги у меня тоже на месте.

– Короче, я тогда одна пойду.

– Иди. Я хотел помочь тебе выжить, но, если тебе самой жизнь не дорога, иди, – неожиданно легко ответил Край.

– Я пойду, а ты так и будешь ползать по руинам и гильзы собирать?

Край ничего не ответил. Девушка быстрыми шагами направилась к выходу.

Край остался посреди зала в полумраке. «В чём-то она права, этот район последний, где что-то можно взять, но и сюда сейчас хлынут сталкеры и растащат всё за неделю. Что тогда? И вправду придётся тратить недели, чтобы найти хоть какую-то мелочь. Хотя зачем мне это? Я приобрёл, что хотел, мне больше не нужны деньги. Но просто охотиться… я со скуки сдохну. К тому же я обрёл что-то кроме накопителя, и снова теряю, снова по той же причине».

Он выбежал в одну из комнат и подбежал к окну.

– Кира, стой! – Окликнул он девушку, выходящую из ворот, но как-то уж слишком медленно.

Та, остановившись обернулась.

– Ладно. Ты водить умеешь? – Спросил Край.

Она благодарно улыбнулась.

Спустя два часа.

Кира и Край остановились у развалин какого-то здания. Средь серых обломков стен девушка не сразу заметила какой-то объект, накрытый масксетью. Норт сдёрнул маскировку.

Под ней оказался автомобиль «Toyota Tundra Crew Max 2009». Машина была обшита бронёй; спереди и сзади мощные стальные бамперы; задние двери были наглухо заварены и зашиты бронированной сталью; все окна защищены решёткой и сеткой-рабицей, пусть и немало препятствующей обзору, но являющейся

хорошей защитой от осколков и проникновения кого либо внутрь. От передних углов капота до краёв крыши намертво закрепились две толстые стальные дуги. На переднем бампере и крыше дополнительно были установлены мощные галогеновые фары. Все фары, и основные и дополнительные, были защищены решётками. В крыше над пассажирским сидением располагался круглый люк. Открытый багажник пуст, над ним были закреплены квадратные дуги. Автомобиль висел высоко над землёй благодаря рессорам. Широкие колёса с глубоким протектором не имели пустоты внутри, и потому не боялись проколов и не нуждались в накачивании. Весь автомобиль имел серо-коричневый цвет, местами – грязь и ржавчина, потёртости и множество царапин. Видно, что этот боец немало пережил.

Край открыл капот. Внутри располагался мощный электродвигатель.

– Вроде бы ничего не спёрли, – позитивно сказал норт, закрыв капот и открывая водительскую дверь.

Кира открыла пассажирскую дверь, она оказалась удивительно тяжёлой и толстой.

Салон не блистал комфортом: ободранное водительское сиденье, а пассажирское и вовсе лишено обшивки и состоит лишь из дуг и сетки; отсутствие обшивки в салоне; отсутствие заднего сиденья. На месте заднего сиденья всю площадь занял стальной короб, в котором расположились аккумулятор и панель для двух преобразователей Панина, из двух на месте имелся лишь один. Остальное место было отведено для хранения чего-либо.

– Отлично, на этом коробе и спать можно, – про себя подумала Кира.

– Преобразователь один, так что сильно не погорцуем, но ехать можно, да и заряжать придётся.

Оба вышли из машины.

– Заряжать?

– Да.

Край залез в пустой багажник, нашёл на полу едва заметный край проволоки и потянул за него. Половина пола багажника приподнялась – крышка тайного отсека. Под ней оказалась синяя пластина солнечной батареи.

– А откуда у тебя эта машина? – Поинтересовалась Кира.

– Это не моя, – без колебаний признался норт.

– Как это? Это же чья-то. Мы что, угоним её?

– Нет, конечно. Она тут с января стоит замаскированная. Я давно на неё глаз положил, ходил, проверял каждую неделю. Кроме меня, так никто и не приходил. Такой ценный объект никто не бросит надолго. Тут недалеко труп, мужик, убит в бою.

Я подозреваю, что он и есть её хозяин. Я сначала думал показать её кому-нибудь, но потом решил, что и самому пригодится.

Норт сел на водительское сидение и нажал кнопку, находящуюся на месте бывшего замка зажигания. Двигатель тихо загудел, позади из открытого короба полился голубоватый свет работающего преобразователя. На приборной доске тут же сдвинулась стрелка заряда аккумулятора. Заряд оказался ниже 30 %.

– Кир, поведёшь? – Спросил Край, заглушив двигатель и выйдя из машины.

– А ты не умеешь?

– Умею немного, просто неудобно долго вести.

– Я боюсь.

– Чего, пешехода сбить или на красный проехать? – Рассмеялся Норт.

– Ладно, ладно.

В этот же день они вернулись к особняку, загрузили в автомобиль столько, сколько только можно. Брали в основном быттехнику, предметы искусства. Также собрали драгоценности и поскручивали все золотые и серебряные дверные ручки. В былые времена всё это имело бы гораздо большую ценность, но сейчас требовались практичные вещи, и, к примеру, домашний кинотеатр оценивался во столько же, во сколько коллекционная картина. В картине практической пользы мало, а в быттехнике много полезных запчастей.

Всё это добро было решено продать Шамилю.

Шамиль несказанно удивился столь богатому улову и радушно распахнул ворота своего убежища. Он сразу заявил, что у него нет таких денег, чтобы выкупить всё это, но он согласен на частичный обмен. Кира, вошедшая в азарт мародерской жизни, торопилась вернуться обратно и разграбить ещё пару домов. Они с Краем уже оговорили по дороге сюда набор того, что необходимо, и теперь следовали списку.

– Нам нужны сиденья в машину; тент на багажник; АК и 6 рожков патронов к нему; катана; гранаты, – перечислила Кира.

– Ещё консервов; коробка сухарей; мешок сухофруктов; фильтры для воды; двадцать брикетов огненного камня, – добавил Край.

– Всё будет, без базара сделаем, лучший товар подгоню. А автоматик, может, получше желаете? АК, как известно, точностью не отличается, и вообще…

– Нет, не так много добра у нас, да и всё же сдачу хочется наличкой получить, – добавила Кира. – Но из списка ничего

убирать не будем.

– В общем, всё будет.

– Нам сейчас нужно, – уточнил Край.

– Конечно, брат, а когда, если не сейчас? – Развёл руками торговец. – Эй! Давайте, быстро чтобы да! Сиденья поменяете, тент натянете, всё остальное к машине поднесёте. Вернусь, чтобы всё сделали!

Тут же четверо парней, стоящих рядом и до этого разгрузивших машину, принялись исполнять приказ, двое – откручивать старые сиденья, щё двое – побежали к ангару.

Шамиль повёл Киру на склад, где в прошлый раз достал привод и пускатель.

Край остался неподалёку от машины, приглядывая за рабочими, а именно, чтобы никто не лез в бардачок, он припас немного драгоценностей на всякий случай.

Край проверял содержимое коробок, пересчитывал банки с консервами и брикеты огненного камня, обвёрнутые в фольгу, чтобы не срастались и для замедления их роста. Каждый брикет размерами напоминал кирпич.

Он даже не сразу заметил, как к машине подошла Кира. Теперь она выглядела иначе, сменив форму: берцовые сапоги; зелёные камуфляжные штаны с широким ремнём; поверх белой футболки почти без рукавов – альпинистская страховка с закреплённым к ней сзади приводом; поверх привода – катана в тёмно-красных ножнах и автомат; на плече – зелёная камуфляжная куртка.

Шамиль, идущий чуть впереди, любезно нёс новый походный рюкзак, в который было наспех перегружено всё содержимое старого.

Всё было погружено в машину. Кира прыгнула за руль и заведя двигатель ударила по газам, Край предпочёл ехать в кузове на коробках с фильтрами и огненным камнем.

Такую роскошь могли позволить себе немногие, к примеру, автомат Калашникова с двумя рожками патронов можно было выменять максимум на хороший фильтр для воды и респиратор. Стрельбы можно избежать, а без питья и воздуха не обойтись.

Луна уже скрылась за горизонтом, но солнце ещё не собиралось пробуждаться. Прохладные предрассветные часы, погружающие всё в звенящую тишину и ослепительный мрак.

Кира сосредоточенно смотрела на полузаросшую дорогу, освещаемую всеми фарами машины. Она заехала на пригорок и, оцепенев от увиденного, едва не врезалась в дерево. Она ударила

по тормозам, остановившись на заросшем газоне в полуметре от старого сухого дерева.

Средь роскошных особняков кипела жизнь. Несколько десятков машин уже были нагружены мебелью, бытовой техникой и прочим добром. Из некоторых домов выносили даже паркет. Двое мужчин сцепились в драке, поодаль творилась настоящая бойня не на жизнь, а на смерть. Около сорока человек бились друг с другом на ножах и мечах, заливая асфальт кровью. Всё это происходило в свете фар фонарей и прожекторов на специальных штативах.

Край запрыгнул в кабину через открытый люк в крыше.

– Ты чего палишься? – Прошипел он, щёлкнув рычажок на панели, выключающий всё освещение.

– Кошмар…

– Да, эти отмороженные, банды мародёров. Прут всё, что можно. Жуть какие жадные до денег, за юань убьют.

– Так они и перебьют тут друг друга.

Раздались автоматные очереди, и большинство дерущихся замертво упали.

– Давай, поехали отсюда, нам тут уже ничего не светит. Свет только пока не зажигай. Всё, едем, едем… – поторопил Край.

Глава седьмая. На дорожку

На забетонированной баскетбольной площадке одного из дворов, принадлежащих к Центральному Северному пути, остановились Кира и Край после ночных поездок.

Край ушёл сразу же, когда ещё не встало солнце, а Кира, установив на штатив солнечную панель, от которой тянулся провод к машине, занялась разведением костра.

Это место раньше было самым обычным двором, пара-тройка пятиэтажек и панельная девятиэтажка в центре. Вся растительность была вырублена и выжжена, так что укрытий никаких не было. Сами здания относительно хорошо сохранились, как снаружи, так и внутри. Все стены были исписаны, причём все надписи были нанесены уже в новой эре. Где-то растянулись огромные картины, настоящее произведение искусства: где-то надписи в стиле граффити, преимущественно во мрачных тонах; где-то мелкие рисунки; а где-то и вовсе простые надписи печатными буквами, что-то вроде: «Я первый раз увидел небо».

Всё это на фоне бледного рассвета, разбавляющего ночь, словно молоко, наливаемое в кофе, плавно озаряющего туманное утро, выглядело блёкло и скучно.

Погревшись у костра, разведённого рядом с машиной, девушка повернула солнечную панель к лучам взошедшего светила и забралась в машину. Заперев двери, она устроилась сзади на коробе, подложив под голову свёрнутую куртку и положив автомат рядом. Отстегнув мешавший привод, она убрала его под сиденье, проворчав вслух: «Таскать ещё всё это на себе, и во сне покоя нет».

Её разбудили лучи солнца, полосами падающие на лицо сквозь плотные решётки на окнах.

Завязав волосы в хвост, закрепив привод, колчан со стрелами, ножны с мечом и повесив на плечо автомат, девушка вышла из машины. Судя по солнцу, она проспала не более полутора часов.

Повернув панель так, чтобы на неё попадало максимальное количество солнечного света, и подбросив в костёр пару деревянных стульев и обломков фанеры, она двинулась осматривать двор.

Её внимание привлекали граффити, почти у каждого она стояла по паре минут, разглядывая каждый штрих. Но одна картина привлекла её больше остальных, именно картина. На ней был изображён пастух, играющий на дудочке; большое стадо

овец, пасущихся на зелёных склонах; высокие горы со снежными шапками и потрясающий закат. Снизу была простая надпись: «Алтай – райский край». Кира словно погрузилась в атмосферу картины, она будто услышала музыку пастуха, будто вдохнула чистый горный воздух, будто прошлась босиком по прохладной мягкой траве. Всё прервала группа туристов, прошедшая через двор и фотографирующая всё подряд.

Кира проверила баллончики из-под краски, лежащие у картины, красный был наполовину полон. Размашистой прописью девушка написала на машине – «Алтай».

Она заходила в каждый подъезд, заглядывала в каждую квартиру, но ничего кардинально нового и необычного она не находила. Да, обстановка в этих квартирах неплохо сохранилась, осталось даже немало предметов быта, от плазменных телевизоров до школьных тетрадей, но ничего того, чего приговорённая к жизни на руинах не видела за все эти дни. Благодаря сохранившимся в большинстве квартир пластиковым окнам, к тому же закрытым, не было большой сырости, и всё это убранство не рассыпалось в труху. Здесь даже не было ощущения покинутости этого места, ведь здесь постоянно кто-то есть, то военные, то обходчики, то туристы или сталкеры. Но это маршрут и здесь люди стараются ничего не разорять и не портить, дабы остальные могли посмотреть и проникнуться.

Кира не раз видела из окон, как по двору проходили солдаты или экскурсии. И те, и другие поглядывали на автомобиль у которого горел костёр, а туристы даже фотографировали (наверняка подправят дома в фотошопе, добавив мрачности, и повесят на внутренней стенке своей спальной капсулы).

Через несколько часов девушка вернулась к машине, волоча за собой связку досок. Повернув панель, она перекусила у костра, представляя лицо Савелия, как она убьёт его. Она придумывала разные способы: застрелить из укрытия; подорвать гранатой; выждать, когда он будет один, и, внезапно напав, отсечь голову мечом; или сжечь напалмом, который ещё раздобыть надо. Все эти убийства она красочно представляла, как в захватывающем боевике. Она получала удовольствие, представляя, как гаснет жизнь в его глазах. Маниакальная жажда мести, объявшая молодую девушку, наращивала обороты. И вот ей уже хотелось ощутить тёплую кровь на своих руках, его кровь, почувствовать её запах и даже ощутить её вкус на губах. Безумство этих мыслей вдруг стало страшным, образ его изувеченного тела стал пугающим. Вдруг послышались шаги, кто-то быстро приближался.

Кира резко вскинула автомат и взяла на прицел идущего. Тот

остановился. Это был подросток лет четырнадцати, из-под капюшона бело-голубой ветровки было видно его совсем юное лицо.

– Руки, – приказала Кира, передёрнув затвор.

В этот момент, когда её выдернули из кровавых фантазий, выражение её лица больше напоминало оскалившуюся морду голодной волчицы.

Парень осторожно поднял руки.

– Ты чего? Я свой.

Кира пришла в себя и повесила автомат на плечо. Парнишка сел на корточки напротив неё.

– Я знал, что тут все нервные, но не настолько.

Кира поглядела в сторону, у дальнего здания шестеро школьников его возраста что-то писали на стене краской из баллончиков.

– Чего тебе? – спросила она, но уже спокойно.

– Да ничо, просто. Интересно, как тут живётся?

– Страшно.

– Чо страшного? Я тут вообще ничего опасного не заметил.

– А ты на три-четыре квартала от маршрута уйди… либо мина ноги оторвёт, либо какие-нибудь отмороженные замесят.

– Ну да… а раз так хреново, чо в крепость не идёшь?

– Там и так народу много, думаешь, мне там уже койку забили? – На ходу придумала ответ Кира.

Парень как-то неоднозначно глянул на перчатки девушки.

– Ты чо пялишься? – Рыкнула она и сложила руки на груди.

– Да ничего. Может махнёмся?

– Перчатки не меняю.

– А что поменяешь? То, чего в крепости трудно достать.

– Ты что дашь?

Парнишка достал цифровой фотоаппарат, простой без наворотов, но запечатлеть интересные моменты и такой сойдёт.

Кира задумалась, она встала и достала из машины рюкзак, из рюкзака огненный камень, выданный ей как приговорённой.

Разводить в крепости костры не нужно, и поэтому огненный камень там почти не достать. Но этот предмет мог не только гореть. При элементарных знаниях химии из него можно было сделать очень эффективную свето-шумовую гранату и устроить большой переполох где-нибудь в подъезде.

Глава восьмая. Зелёное море

«Алтай» медленно проезжал по всеми забытым окраинным улицам одного из городков Соколовской области. Так как эти районы не очень подверглись урбанизации, кое-где даже асфальта не было, то природа быстро взяла своё. Средь леса изредка торчали многоэтажки, а дальше от города и вовсе расстилался сплошной лес, поглотивший весь частный сектор.

Кира осторожно вела автомобиль, объезжая гнилые брёвна и всяческие предметы на дороге. Она уже усвоила, что под любым предметом, железным чайником к примеру, может быть спрятана мина.

Край растянулся позади и дремал.

Густая растительность препятствовала обзору, поэтому решётки лобового стекла были подняты, дабы видеть хоть что-то.

Вообще в этом месте царила умиротворённость. Солнечные блики шустро пробегали в тени деревьев, чью листву трепал устойчивый, но не сильный ветер, дополнявший живую и радостную птичью песнь. Даже полуразрушенные временем дома не нагоняли жуть и уныние в этот тёплый летний день. Казалось, что эти места сказочные и населены удивительными созданиями. Но это не было просто фантазией, у такого ощущения были весьма реальные причины. За то время, пока Кира проезжала по городу, она не раз видела блики света явно не от солнца. Блики преследовали машину, то исчезая, то возникая вновь. Сквозь пение птиц несколько раз отчётливо было слышно оперное пение существа, пол которого по голосу было не определить. Девушка несколько раз приезжала в одно и то же место, но не паниковала, ссылаясь на заросшие запутанные улицы.

Наконец она выехала из леса и остановила машину.

– Край, смотри, – разбудила она норта, тряхнув его за плечо.

– Чёрт. Почему сейчас? – Проворчал Край, в полудрёме перебравшись на переднее сидение. – Ого. Впечатляет.

Край вышел из машины, следом Кира, придерживаясь за дверь.

Позади располагалась плотная и ровная стена леса, а впереди…

Зелёное море, берегов которого не было видно. Равнина с редкими небольшими возвышениями, покрытая густой и короткой травой, походившей на ковёр. Недалеко тянулась бывшая ЛЭП, ржавые мачты которой теперь больше напоминали буйки в море. У самого края леса, словно маяк на берегу,

возвышалась высокая радиовышка. Солнце ярко светило меж плоских облаков.

– Это просто… у меня нет слов, – вдохновлено произнесла девушка, осторожно отпустив дверь и отойдя от машины.

Она полной грудью вдохнула чистейший воздух, не отдающий ни пылью, ни гарью, ни противной гнилью. Свет и простор… на земле ли это место?

– Ты куда? – окликнула Кира норта, который шёл к радиовышке.

– Осмотреть местность.

И всё, же несмотря на такую красоту, девушке всё ещё было не комфортно одной в таком просторном месте.

Оба подошли к вышке. Край без промедлений стал карабкаться наверх по лестнице, идущей до самого верха в решотчатом полукружном туннеле.

– Ты далеко? – Спросила она.

– На самый верх.

– Ты оставишь меня тут одну?!

– Давай за мной.

– С ума сошёл? Не, я боюсь.

Край хмыкнул и продолжил подниматься.

«Как же я собралась убить Саву, если элементарно высоты боюсь?»

– Стой! Я с тобой.

Девушка взбиралась следом за Краем, смотря только на лестничные прутья перед собой, ни вниз, ни в стороны, перед собой. И хотя решётка, окружавшая их, значительно сокращала шансы сорваться, Кира всё же едва преодолевала страх. И вот уже меж прутьев и стальных балок виднелось лишь синее небо. В поле зрения девушки, смотрящей чётко вперёд и ни градусом ниже, были видны только синева и смазанная линия горизонта. И всё же эта хрупкая на вид девочка заслуживала похвалы, шаг за шагом она преодолевала страх.

Наконец оба выбрались на ржавую маленькую площадку на самом верху, от которой расходились четыре толстые балки, уходящие на несколько метров в пустоту, занимаемую лишь вольным ветром. Вся вышка покачивалась и издавала тяжёлое поскрипывание.

Кира тут же вцепилась в поручни и присела, голова закружилась. Она уставилась вперёд, где синий небосклон с белыми разводами облаков стыкуется с зелёным морем, по которому безмятежно ползут тени, словно корабли. Такая картина меньше всего тревожила её. Отсутствие на зелёной глади

каких-либо предметов позволяло забыть о высоте и представить, что это всего лишь покрытая мхом поляна или вовсе поле для гольфа в белом квартале, упирающееся просто в голубую стену, а облака – специальный пар, пускаемый парогенератором для большей красоты.

Наконец она осмелилась посмотреть вниз и по сторонам, вверх…

Машина внизу больше походила на таракана с высоты человеческого роста. Вдали показалась какая-то небольшая постройка черты и цвет которой в силу расстояния были не различимы. По зелёному ковру вдоль небольшой возвышенности, тянущейся до самого горизонта, виднелись белые точки, выстроившиеся в две параллельные линии. Лишь те, что были у самого леса, дали понять – это верхушки бетонных отбойников, торчащие из земли.

Край лежал на спине на одной из четырёх балок, подложив лапы под голову. В таком положении он видел только прекрасную манящую свободу и ничего больше, – ни леса там внизу, больше походившего на пушистый ковёр с разбросанными по нему кубиками зданий, ни белых пластов облаков, не знающих постоянства и вечно меняющихся в безбрежном море, что раскинулось над головой. Смотря вверх, норт будто видел величественный и таинственный космос сквозь земную синеву, он думал о том, что где-то там средь звёзд когда-то кружила по своей орбите и его планета, хотя… какая же она его, если он родился на земле спустя годы после её гибели.

Девушка обернулась.

– Край! – Воскликнула она.

Тот, чьи мечтания прервали, лишь лениво промычал.

– Давай назад. Вдруг ветер сильный…

– И что? Я сделаю так…

Норт перекатился на бок и свалился вниз, сразу исчезнув из поля зрения.

Кира вскрикнула и ещё крепче вцепилась в поручни. Но норт почти сразу поднялся наверх, в момент падения он ловко уцепился за железный прут.

– Ты больной! – Испуг Киры сменился на гнев.

– О, как за меня испугалась, – ухмыльнулся Край.

– Чо? Нет. Просто что бы я одна делала?

– Ну да, ну да, холодный расчёт.

– Замолкни. Смотри лучше туда, – указала она на тёмный силуэт вдали.

Норт подошёл ближе, пригляделся.

– Да, какое-то здание. Давай спускаться.

Норт стоял у машины, словно человек, облокотившись на капот. Он с громким хрустом грыз сухарь, запивая водой из литровой бутылки и насвистывая какую-то весёлую мелодию между делом.

Кира прохаживалась босиком по прохладной мягкой траве. Такое странное чувство, но такое приятное. Это совсем не то, что искусственные газоны в Соколовске, жёсткие и пыльные.

Вдруг нога наткнулась на что-то твёрдое и острое. Она присела. Меж травинок что-то едва заметно поблёскивало. Стекло?

Кира немного разрыла землю. Почти чёрная земля была рыхлой, трава ещё не успела своими корнями сплести её в жёсткий пласт. Это оказалась металлическая заострённая пластина. Выдернув её из земли, девушка сразу поняла что это, это нож. В образовавшейся в земле ямке виднелось ещё что-то. За время, проведённое вне стен крепости, приговорённая стала приобретать интерес к скрытым людьми или временем предметам. Найденным ножом она стала раскапывать дальше, земля не сопротивлялась и свои секреты раскрывала охотно.

– Вот же… – вскочила она, отбросив нож.

– Чего там? – заинтересованно спросил Край, подойдя.

Из земли торчали потемневшие кости, часть грудины и правое плечо. Судя по размерам, это был легионовец или очень крупный человек.

Край оглядел пустошь.

– Я думаю, он тут не один.

– Как же я сразу не вспомнила? – Стукнула себя по лбу Кира. – Во время Великой битвы на южной границе теперешней Соколовской области был лес. Многотысячный легионовский десант высадился в этом лесу, чтобы не подлетать к городу. Короче, в лесу такая резня началась… а людей оставалось мало. В общем, ракетчики просто закидали лес зажигательными бомбами. Выгорело всё и все. Похоже, это и есть то место.

Теперь эта бескрайняя поляна уже не казалась таким райским местом, когда знаешь, что под этим ковром десятки тысяч покойников. Взбудораженное сознание Киры явило картинку, как ночью в свете луны бродят здесь души умерших, и каждая травинка покрывается инеем.

«Алтай» нёсся по бывшей трассе на всех парах. С обоих сторон мелькали торчащие из-под земли верхушки бетонных отбойников. Машина шла мягко и почти бесшумно, только слабый гул электродвигателя и едва слышимое дребезжание

прозрачного пластика, заменяющего лобовое стекло.

Край ехал на крыше, свесив ноги в люк. Кира, рулившая одной рукой, всё думала о том скелете.

«Неужели в этом богом забытом мире не осталось ни одного места, где хорошо и спокойно и где не лежат под ногами тысячи навеки уснувших».

Наконец они подъехали к тому зданию, что видели с вышки.

Это раньше была автозаправка известного производителя топлива. Жёлтая вывеска с названием ещё была, хоть и с трудом, но всё же различима сквозь пятна гари. Вообще это здание немало пострадало при том пожаре, вся облицовка здания оплавилась и даже алюминиевые рамы панорамных окон сильно деформировались, отчего стёкла выпали.

У одной из восьми колонок стоял разбитый автомобиль. Это был какой-то «американец», какие выпускали в конце тридцатых, дутый тяжёлый кузов. Похоже он оказался здесь уже во времена новой эры, так как был дополнен решётками и дугами, а на крыше над задними сиденьями был установлен пулемёт, так что стрелок оставался в машине. Ржавый и запылённый кузов был серьёзно покорёжен и местами пробит крупнокалиберными пулями. В этом месте он смотрелся очень эффектно.

Кира заглушила двигатель, остановившись у входа в минимаркет заправки.

Внутри к этому дню уже ничего не осталось, лишь оплавленная обшивка, отвалившаяся от стен и потолков обнажив ржавый каркас и вываливающуюся вату утеплителя, и больше ничего.

Край, не совладав со своим сталкерско-диггерским влечением, быстро осмотрел «американца», затем забрался в подземное топливохранилище и после перерыл весь минимаркет, но ничего толком не нашёл.

Приговорённая тем временем вспомнила о выменянном фотоаппарате и решила сделать пару снимков. Сняв панораму вокруг, она сделала ещё пару снимков «американца» и «Алтая». Не забыла и пару-тройку селфи на различном фоне, куда же без этого. Явно довольная сделанными снимками, она вошла внутрь.

– Край, давай щёлкнемся.

Норт вышел из подсобки. Они сделали ещё пару десятков фото, и вместе, и каждого отдельно, и внутри, и снаружи здания, и в машине, и возле неё. Как оказалось, Край – любитель попозировать, да и сама Кира, замотав голову футболкой, оставив только глаза, охотно позировала с автоматом.

– Стой, – Вдруг сказал Край, прислушиваясь. – Слышишь?

Вертолёт. Огромная чёрная летающая машина, хлопая

лопастями, появилась из-за горизонта и стала быстро приближаться.

– Внутрь, – среагировала Кира, и оба вбежали в помещение.

Норт быстро огляделся.

– Нет. В машину бегом! – Скомандовал он, заметив, что под вертолётом по земле ползёт чёрное пятно, состоящее из бронемашин и танков Легиона.

– Мы там, как на ладони!

– Бегом!

Край втащил её в машину и запрыгнул за руль.

«Алтай» быстро набрал скорость. Легион был уже на расстоянии квартала от них. Уже была отчётливо видна бронетехника и солдаты в городском камуфляже, сидящие на броне, хорошо видно, как гусеницы вспахивают рыхлую землю, выдирая траву. Вперёд колонны выехало около десятков мотоциклов. Огромные тяжёлые машины с двумя широкими колёсами внушали уважения. На каждом мотоцикле сидели по два бойца – водитель и стрелок, у каждого по секире за спиной на случай рукопашного боя.

Наконец Кира в живую увидела бойцов Легиона. От людей они отличались высоким ростом – более двух с половиной метров, серо-синим цветом кожи, и немного вытянутые лысые головы с узкими глазами. На таком расстоянии и в городском камуфляже они были очень похожи на людей, просто лица в боевой раскраске.

Следом показалась вторая волна с бронёй и сотнями солдат. Из бойцов Легиона никто и не заметил, как из земли с щелчком возникли трубки с разбрызгивателем, что обычно ставят для орошения газонов. Только они стали разбрызгивать не воду… легковоспламеняющийся газ… искра. Довольно большой сектор «зелёного моря» объяло яркое пламя. И броню и живую силу противника, – всё поглотил огненный шторм. Едва пламя в воздухе рассеялось, явив взору пылающую технику, как откинулись замаскированные крышки люков, обнажив дула пулемётов. Авиация тут же рухнула под натиском пуль.

Вскоре на райской с виду равнине догорали останки, дымились выгоревшие кузовы, ветер быстро разгонял дым. А безобидное, казалось бы, место.

Глава девятая. Приехали

Три недели спустя.

За это время приговорённая проделала немалый путь, следуя за своей жертвой. Она увидела страшные следы войны и даже несколько боёв вдали.

Видела небольшие поселения и один большой, хорошо укреплённый город. В сам город их не впустили, остановив на посту и вежливо попросив Киру снять перчатки, на что она молча села в машину и поехала назад. Бывшие на вид вежливыми и радушными, солдаты в лёгкой броне в ответ на такую выходку открыли огонь по машине. К счастью, всё обошлось.

Удалось ей и пару раз нагнать Саву с отрядом. Первый раз обстрел из укрытия ничего не дал, лишь двое убитых бойцов, а Савелий жив здоров. Второй раз обогнала отряд по лесу и установила растяжку на дороге, но ехавший первым бронеавтомобиль сапёров, которого Кира до этого не видела, испортил всё, имевшиеся четыре гранаты зря пропали.

Вскоре след колонны и вовсе исчез, он вошёл в брод какой-то мутной реки, но нигде не вышел. Кира и Край полдня тщательно выискивали следы, но ничего. С обеих сторон реки была вырублена полоса отчуждения, так что оба крутились по заросшему бурьяном берегу на виду у регулярно пролетавшего беспилотника, едва слышно свистящего моторами. В конце концов аппарат пролетел на бреющем, обдав обоих горячим воздухом и сбросив им под ноги лист бумаги. На листе с флагом Альянса, красующимся по центру, был напечатан текст на русском и английском, гласящий: «Немедленно покиньте береговую зону отчуждения. В случае неповиновения мы вынуждены открыть огонь на поражение».

Приобретённая ранее карта показывала, что на противоположном берегу – с десяток населённых пунктов, и все на немалом друг от друга расстоянии. Через реку есть мост в пятнадцати километрах выше по течению, за ним сразу развилка и уже к каждому городу – отдельная дорога, а из городов в свою очередь тоже ведут дороги на побережье, и по каждой из них так или иначе можно добраться в Красноручейск. Вывод – колонна скрыла следы и каким путём она двинется дальше, неизвестно. Предположить, в каком городе она появится, как делал Край до этого и всегда угадывал, уже не выйдет, да и не факт, что теперь она вообще не двинется по какой-нибудь военной тропе, которая ни на одной карте не отмечена.

– Чёрт. Ну как так. Теперь мы его потеряли, – расстроено повторяла Кира, сидя за рулём и смотря на разбитое шоссе.

– Похоже, это всё. Короткие пути к морю перекрыты блокпостами, нас не пропустят. Либо через зоны боевых действий, туда я не полезу. Мы просто не успеем, он доберётся до Красноручейска, и сразу в море, – заключил Край, развалившийся сзади, но как-то не слишком печально он это сказал.

Сразу за мостом дорога разветвлялась на семь разных направлений. Где-то путь был асфальтирован, а где-то просто пыльная земля. Кругом густой лес, так что двигаться можно только по дорогам. Большой синий железный стенд со схематичным изображением развилки подсказывал, какая дорога в какой город ведёт.

Девушка почти не думала и направила «Алтай» по крайней левой дороге, хорошо усыпанной щебнем и закрытой от солнца низко нависшими ветвями.

– Воронино? – на карте были шесть направлений и никакого Воронино, – Заметил Край.

– Мог бы и раньше напомнить, забредём теперь в глухомань какую-нибудь.

– Ну развернись.

– Не буду, свернули так свернули. Блин ничо не хочу, – ударила она по рулю.

– Вот, не получилось человека грохнуть, теперь психуешь.

– Человека? – Она ударила по тормозам, так что норт едва не вылетел на переднее сидение.

– Всё-всё-всё… молчу.

– Заткнись и спи, ты спать собирался.

Спустя полчаса щебень сменился бетонкой, выведшей из леса в поле. А вот и Воронино. Вопреки предположениям Киры, это не было вымирающее село, утопающее в болоте, это был новый город. Выглядел он необычно.

Средь полей возвышались пять двадцатиэтажных зданий, три из них ещё не достроенных. Вокруг тесно расположились ещё здания от пяти до десяти этажей, разросшиеся густой серой плесенью на два квартала. А дальше – фермы и частные дома с маленькими двориками, в каждом из которых имелась теплица, а то и две. От заборов крайних домов, отступив всего десяток метров, расстелилась взлётная полоса настоящего аэропорта, пусть и не таких масштабов, какие бывали до новой эры, но с десяток пассажирских по 50 мест в данный момент там находились. С противоположной стороны коптили чёрные трубы

промзоны, слышался гудок отходящего или приходящего тепловоза, даже виднелись клубы дыма меж убогих заводских построек, валившего из его трубы.

– Ха! А карта-то девятого года! – Воскликнул Край, смотря на обратную сторону измятого полотна карты.

– Неплохо они успели обжиться.

В город соваться не стали, посты на въезде не пропустили бы. Даже если проникнуть в город тайком, патрули всё равно задержали бы их за отсутствие жетонов или пропусков.

Пришлось объезжать по кольцевой, которая, к слову, имела шесть полос и новое асфальтное покрытие, что указывало на очень высокий статус этого города с таким неподходящим названием.

– Похоже, тут и гонки устраивают, – предположила Кира.

– Наверное. На скорость, не на выживание. Да, подходящих дорог мало, так что всё может быть.

– А зрителей на крышах, наверное, располагают, и вид хороший, и трибун строить не надо.

Объехав город, Алтай вышел на более узкую, но не менее хорошую дорогу, вскоре приведшую к мосту, с массивной арочной опорой из толстых стальных балок, ведущему через неширокое ущелье, края которого были крутые с насыпью песка и камней. По дну ущелья, метрах в двадцати внизу, протекала узенькая речушка, едва покрывавшая каменистое дно. С моста была хорошо видна плотина с тремя желобами и закрытыми шлюзами, из-под которых пробивались струи воды.

Уже с моста был виден следующий населённый пункт, стоящий в поле. Указатель у дороги гласил – «Каменский. 8 км».

Вообще такое количество полей и пустошей в этих регионах было обусловлено тем, что во время Великой битвы леса поглотило пламя, чтобы в них не прятались партизаны. Вскоре на выжженных землях возникали опорные пункты и города. Теперь Альянс намеренно не давал подняться молодым лесам, оставляя только небольшие и легко контролируемые участки и ветрозащиту. А это ущелье – наверняка след падения какого-то огромного объекта, след позже углубили и стали использовать как отводной канал. От основной реки, орошающей немногочисленные поля этой области и дающей воду – один из главных ресурсов новой эры, городам.

Вокруг Каменского возводились более десятка больших теплиц. Половина находилась лишь на первой стадии строительства, когда в два параллельных короба прямоугольной формы, сбитых из толстых досок и выстланных изнутри чёрной

плёнкой, люди высыпали чернозём из мешков, подвозимых грузовиками от ЖД-станции неподалёку.

«Алтай» въехал на центральную улицу Каменского, широкую и пыльную, тротуарами которой служили дощатые помосты. Ни асфальта, ни булыжника, просто пыльная земля. Здания, в среднем по три этажа, были в основном каменные или бетонные; серые запылённые стены да ржавые железные крыши, полная противоположность Воронино, многоэтажки которого были прекрасно видны отсюда. Удивило лишь одно двухэтажное здание, расположившееся на въезде, с массивными рельефными стенами, захламлённым двором, в котором расположилась зенитка, но самое главное – радиомачта и большая параболическая антенна на крыше.

«Алтай» остановился в узком проулке, закопчённом дымом из труб, торчащих из стен зданий. Край оставил свой ремень и всё, что имел в машине, выйдя налегке. Кира не стала брать автомат – лишь меч и колчан со стрелами и навешанными на него наконечниками висели за спиной поверх привода.

– Пойду пройдусь, и не ходи за мной, – устало попросила она.

– Да я как-то и не собирался.

Девушка медленно брела по пыльным улицам средь убогих зданий. Людей на улице было немало, все куда-то шли торопясь, но то и дело с кем-то громко здороваясь через всю улицу. Проезжали и машины, поднимая пыль. Частенько раздавался цокот копыт, и всадники, в основном лихие мальчишки лет по двенадцать, скрывавшие лица под платками, проносились по улицам, джигитуя на ходу и со смехом срывая с прохожих головные уборы, или на скаку влетали в толпу прохожих.

Приговорённая убрала руки в карманы штанов, хотя перчатки надёжно хранили её секрет.

«Как же многогранен этот мир. От мёртвых мегаполисов до небольших, но таких живых городков. Где-то рвутся снаряды и гремят выстрелы, а где-то бьются на мечах и ездят на лошадях. Где-то в лесах кланы лаийонов… хотя о них я ничего не знаю. Норты, разные норты, для меня они загадка. Возможно, я никогда и не увидела бы этот мир, если бы… впрочем ладно, всё же оно того не стоило».

Мимо проехали два военных мотоцикла «Гепард» – огромные аппараты, похожие очертаниями на «харлеи». Передние и задние колёса были спаренные, как у грузовиков. Мощный двигатель и вся начинка скрыты под бронёй, выкрашенной в цвет сухой травы. Перед передним колесом грозно выпирал стальной бампер, способный изменять свою высоту – опускаться, как нож

бульдозера, или вовсе откидываться назад и выполнять функцию заднего. По обе стороны от заднего колеса располагались багажники. Мотоцикл имел два сидения друг за другом, для водителя и стрелка. Эти грозные и мощные агрегаты, поражающие размерами, были предназначены для скорости. Из-за ширины и большого веса, они серьёзно уступали в манёвренности многим другим видам транспорта. Но на открытом пространстве им не было равных. Они развивали скорость более двухсот тридцати километров в час, с лёгкостью могли пробиться через любые завалы, взобраться ну крутые склоны.

Военные на них были в лёгком песочном камуфляже без брони, из оружия лишь пистолет в кобуре. На одном из мотоциклов – двое, а на втором – один… очень знакомые очертания. Савелий.

Девушка скрылась за углом. Военные остановились через пару зданий по её стороне улицы, остановились у бара «Майский вечер», хотя количество грязных заросших мужиков с босыми ногами, кучкующихся у исписанных его стен, напрочь разбивало романтизм красивой вывески.

– Только быстрее, – поторопил Сава лысого мужичка, пассажира второго мотоцикла, достающего из багажника две пятилитровые пластиковые канистры.

– Да чо быстрее? Брат двоюродный. Хрен когда теперь увидимся.

– «Да чо? Да чо?» – Передразнил Савелий. – Смена через час.

Тот махнул рукой и растолкав мужиков, вошёл.

Мотоциклы с урчанием проехали в сырой проезд меж баром и каким-то деревянным бараком.

Киру вновь обуяла жажда мести, судьба преподнесла гада на блюдечке, вот, возьми. Она ловко вскочила на мусорный бак, с него прыгнула на бетонный забор, ухватилась за балку под крышей, и вот она наверху. Перемахнула на следующее здание и ещё, и вот она на крыше бара. Зарядив в пускатель стрелу и накрутив на неё зазубренный наконечник, он легла и подползла к краю крыши.

Сава сидел на мотоцикле, рядом с ним на шаткой груде ящиков – его товарищ. Они о чём-то говорили.

– Эй, ты! – Заметил девушку сидящий на ящиках и поднялся.

Савелий тоже приподнялся. Кира вскочила на колено и выстрелила. Сказался испуг от раскрытия её позиции, стрела не попала в голову Савы, она пролетела чуть выше. Стрела ударила в грудь второго, и пробив его насквозь, прочно пригвоздила к деревянной стене. Груда ящиков под ним рассыпалась и тот остался висеть прибитым к стене и болтая ногами.

Сава отточенным движением выхватил пистолет и нажал на курок, девушка даже не успела пригнуться… щелчок. Расхлябанная натура подвела парня, видимо, расстреляв казённые патроны, он забыл набить магазин. Даже в армии новой эры балбесов хватало.

Кира, словно дикая кошка, спрыгнула вниз почти бесшумно и, выхватив меч, направилась к человеку, сломавшему её прежнюю жизнь.

Савелий поступил хоть и трусовато на вид, но всё же адекватно. Он запрыгнул на свой мотоцикл, всё по той же расхлябанности не заглушенный и, выкрутив ручку газа и обдав неугомонную девку чёрным едким дымом из трубы, свернул на параллельную улицу.

Девушка вернула меч в ножны, запрыгнула на второй байк и со злостью заехала ногой в заводной рычаг. Железный «Гепард» решительно заурчал.

– Понеслась, – хищно произнесла Кира, выкрутив газ. И двухколёсный танк с рокотом вылетел на улицу, едва не сбив пару человек в проезде.

Беглец не ушёл далеко, он слишком сильно выкрутил газ и не вошёл в неширокую улицу, врезавшись в стену. Кира повернула байк по направлению улицы и остановилась. Она ловкими движениями зарядила стрелу в пускатель и отвела ручку до конца, пока не раздался щелчок, сигнализирующий о сцепке стрелы с тросом привода.

Тем временем Сава уже взобрался на свой мотоцикл, и вновь по газам, Кира за ним. Они быстро набрали немалую скорость. Стрела со свистом вырвалась из пускателя ведя за собой стальной трос, словно хвост, и глубоко вонзилась в грубый дощатый забор, проведя трос через всю дорогу. Девушка выжала тормоз и трос натянулся, словно струна. Сава не успел среагировать и налетел грудью на внезапно возникшую перед ним ловушку. Тело парня глухо шмякнулось на пыльную дорогу, а байк завалился на бок и по инерции прополз ещё несколько метров, поднимая пыль.

Кира, явно довольная своей спонтанной задумкой, ещё раз нажала на спуск и трос, обрезанный в основании жёлоба пускателя, обмякший упал на землю.

Приговорённая выхватила меч и бросилась на едва вставшего на ноги парня. Тому нечем было атаковать, и даже отбить удар катаны он не мог. Боец явно не ожидал, что в тихом месте, населённом наполовину алкоголиками, ему могло что-то угрожать. Ничего не оставалось, кроме как уклоняться от не слишком умелых и предсказуемых ударов.

– Даже не пытайся убежать, ты знаешь, что я быстрее бегаю, – предупредила Кира, распоров камуфляжную куртку по диагонали и оставив на теле парня неглубокий порез, чего тот явно не ожидал.

Народ на улице не вмешивался, нечасто такое увидишь, а посмотреть интересно. Да никто и не придавал большого значения этой драке – парень накуролесил, вот она и взбесилась, не убьёт же в самом деле. Все стояли и смотрели.

Кира едва не пронзила Саву насквозь, когда тот пытался отбежать к мотоциклу. Приговорённая уже чувствовала победу, наконец месть свершится.

Он выхватил из сапога нож, похоже, решил перейти в контратаку. Обойдя пару предсказуемых ударов, боец достаточно приблизился и ударил ножом в бок неугомонного противника. Удар прошёл по касательной, но алое пятно быстро проступило на белой футболке, покрытой жёлтой пылью.

Девушка не ощутила боли, видимо, адреналин заглушал её, и она вновь бросилась в бой, чем вызвала одобрительные возгласы, хотя кто-то из толпы уже требовал остановить всё это.

Очередной удар катаны Савелий едва остановил, сжав лезвие в ладони. Кровь брызнула и на землю пали три отрубленных пальца. Как известно, в таких ситуациях боль не проявляется сразу. Сава смотрел на изувеченную кисть левой руки, вид быстро бегущей крови и гладко срезанных костей вызвал отвратительное чувство, страх и холодный пот.

– Страшно? – Кровожадно спросила приговорённая с волчьим оскалом. – Теперь очередь головы!

Она бросилась, подняв меч и норовя отсечь голову, но Сава увернулся, а она получила удар ножом в бедро. Она вскрикнула и присела на колено. Не успела она что-либо предпринять, как получила удар тяжёлым и жёстким кирзовым сапогом по лицу, обрушившийся внезапно для неё и выбивший искры из глаз.

Неосознанно, она поднялась, борясь с ломящей болью звоном в ушах и темнотой в глазах. Меч всё ещё был крепко сжат в её руке, ведь выронила она его, и всё…

Возможно, этот подъём и спас её от добивания. Она услышала рокот байка и почувствовала дрожание земли. Пытаясь разогнать туман в глазах, она опустила меч в ножны и, зарядив стрелу, запрыгнула на «гепарда» и устремилась вслед за гадом. Уже на байке, на скорости около восьмидесяти в час, зрение к ней полностью вернулось. Она ощутила как, по подбородку стекала кровь из разбитых губ и носа, она чувствовала её вкус.

Разогнаться по улице, где немало народу, припаркованных машин, где из-за каждого угла может выехать всадник на лошади или броневик, было сложно. Оба мотоцикла шли друг за другом, Сава не давал обогнать себя и постоянно петлял. Кира не стреляла, немал шанс промаха, да и перезаряжаться на ходу не хотелось. Нужно подобраться вплотную, чтобы наверняка.

Они выехали из Каменского на дорогу, что вела через мост в Воронино. Тут-то можно разогнаться.

Сава позволил Кире поравняться с ним справа и тут же столкнул её. Левая раненая нога девушки оказалась на мгновение зажата меж двумя тяжёлыми мотоциклами, на что тут же отозвалась резкой болью, отчего Кира зажмурилась, стиснув зубы.

Открыв глаза, она увидела, что несётся по полю параллельно трассе. Вернуться на неё ей теперь не даст стальной отбойник, остаётся только попасть стрелой, и желательно в голову, но сделать это на скорости по мишени слева, когда пускатель на правой руке, к тому же отбойник и уровень дороги немного выше, чем поле.

Кира выцеливала свою жертву. И вот уровень дороги и поля поравнялся, можно стрелять.

Савелий скривился в ухмылке и резко затормозил, заскрипев шинами. Стрела со звоном вонзилась в противоположный отбойник.

Мотоцикл Киры взлетел на небольшой пригорок… странное чувство свободы.

Девушка взглянула вниз и заметила, что летит над ущельем. Всё, будто во сне – несмотря на катастрофичность картины, она не испытывала страх. Красивый вид на плотину и заходящее над ней солнце, подсвечивающее туманное небо жёлтоватым светом. Чистая вода внизу, бегущая неторопливо меж камней. Свежий, немного влажный июньский ветер, пахнущий дымом и треплющий светлые волосы юной воительницы, летящей на грозном железном звере через ущелье. Казалось, она сейчас приземлится на самый край противоположного берега, как в крутых боевиках, остановит на мосту Савелия и закончит всё это, и он испустит дух в последних лучах уходящего дня.

Реальность оказалась куда более прозаична, и поняла Кира это лишь за долю секунды до… даже закричать не успела, лишь рот открыла. Мотоцикл с треском врезался в почти отвесную стену ущелья, буквально швырнув девушку о грунт. Она услышала хруст собственных костей. Её обмякшее тело полетело вниз, кувыркаясь и налетая на камни, торчащие из берега, становившегося ко дну всё более пологим. Наконец она с хрустом налетела на байк, застрявший меж двух больших валунов и, вновь

отброшенная, упала на каменистое дно ущелья.

Савелий подошёл к высоким перилам моста, взглянул вниз, зажимая изорванной курткой кисть, лишённую пальцев. Та, что пыталась только что его убить, теперь лежала в воде на скользких камнях, раскинув руки, уставив в небо взгляд, не выражающий ничего, лишь едва заметный оттенок сожаления. Почти пересохшая река лениво уносила от неё красноватые ленты крови. Из-под мотоцикла, застрявшего меж больших валунов, вытекала маслянистая жидкость, над мотором поднимались струйки дыма.

Сава испытывал смешанные чувства: она пыталась его убить, но они с первого и до одиннадцатого класса ходили в один класс, она ему нравилась, хоть общий язык они и не могли найти. Да и ведь частично из-за него её приговорили, а теперь вот так всё кончилось. Может, изначально стоило поступить как-то иначе?

– Дура. Надо пальцы найти, их ещё пришить могут, – выдохнув, проговорил он.

Всё тело окутала тупая боль, терпимая, но при малейшей попытке двинуться сразу будто пробивал электрический разряд, охватывающий с ног до головы. Холодная вода не давала потерять сознание. Время будто потеряло измерение, ей то казалось, что минута тянется слишком долго, то вот уже сумерки опустились. Поначалу с моста смотрели на неё какие-то люди, теперь же лишь изредка слышится шум мотора сверху.

«Неужели это всё? Всё так и закончится? И это моя судьба, разбиться на мотоцикле и ещё долго подыхать под мостом? Наверняка есть шанс восстановиться, но не здесь. Тут, если и могут, всё равно не помогут, после того, что я сделала… в лучшем случае, тут бросят. Как там папа? Переживает, наверное. А он ведь не узнает про Саву, что я пыталась отомстить ему, что я погибла. Не хочу, я не хочу! Дайте мне второй шанс. Пусть я очнусь сейчас на тех руинах в первую ночь приговора, хотя бы так. Дернул же меня чёрт. Помогала бы Краю охотиться да мелочь всякую собирать, протянула бы срок… чего теперь думать, всё, game is over».

Слёзы покатились из её глаз, капая в воду, хотя лицо её по-прежнему оставалось почти без эмоций.

В темноте ниже по течению послышались чьи-то быстрые шаги. Над девушкой, едва держащейся в сознании, склонился силуэт, это был Край.

– Жива. Слава богам.

Позади норта виднелся ещё один силуэт, человеческий.

– Всё, спокойно, я нашёл помощь, всё хорошо, – утешающе говорил Край, хотя по его нервозным хождениям вокруг пострадавшей и постоянным поглядыванием наверх нельзя было сказать, что он спокоен.

Камни и стены ущелья покрылись полосами света, недалеко слышался шум мотора, похоже, какая-то большая машина.

Кира уже смутно видела силуэты людей в свете ярких фар, какую-то суету вокруг неё, слышала обрывки фраз.

Глава десятая. Чистый лист

Как часто жизнь даёт нам шанс начать всё сначала. Быть может, этот шанс выпадает не каждый день, но точно чаще чем мы думаем.

Мальчик лет шести, выделявшийся среди остальных кучерявым рыжим гнездом на голове, играл в футбол с ещё десятком ребят на тесной пыльной площадке.

– Егор! Давай домой, мама зовёт, – окликнул его высокий худощавый парень, такой же рыжий и кучерявый.

Мальчишка глянул на него, но затем продолжил, будто ничего и не слышал.

– Ну я тебя оповестил, дальше сам смотри, бегать за тобой не буду.

Парень сел рядом с Кирой на асфальт у стены многоэтажки. Она аккуратно выводила карандашом в тетради черты лица известного в новой эре актёра, лохматого, в солнечных очках и с широкой белозубой улыбкой.

– Ну и денёк. Не выходной, а каторга, – тяжело сказал парень, смотря в тёмный потолок первого этажа крепости, покрытый паутиной кабелей, труб и прочих коммуникаций. – Ты на пары завтра идёшь?

– Не знаю. Надоело всё.

– Что, надоело? Ты только на первом курсе.

– Да вот это всё, – она закрыла тетрадь и убрала за пазуху красной спортивной куртки. – Каждый день одно и то же. Ничего не меняется. Я примерно знаю, как пойдёт завтрашний день, а за ним неделя, за неделей год.

– Кир, честно говоря… вот тебе скоро двадцать, а размышляешь иногда, как подросток. Стабильность – вот что здесь.

– Ты, как и все, говоришь слово в слово.

– Так может, это повод задуматься?

Кира сидела на скамейке у обрыва, умиротворённо смотря на горы, покрытые лесами, на быстро плывущие по склонам облака, на проезжавший внизу тепловоз, извергающий из трубы столб дыма.

Вдруг меж склонов рухнул баскетбольный мяч, разом раздавивший пару вагонов и несколько деревьев. Раздался полицейский свисток, а за мячом аккуратно полез работник белого квартала в зелёном комбинезоне, ступая меж склонов и переступая через канатную дорогу.

Девушка, прерванная в своих мечтаниях, нервно встала и направилась к выходу.

– Козёл! – Буркнула она, проходя мимо мальчишки с покрасневшим лицом и опущенными глазами, удерживаемого за капюшон невысоким, но крепким полицейским. За порчу макета ему теперь наверняка предстоит несколько часов отработки.

Великолепный вид открывался из окон обзорного этажа на разрушенный город. Щемящее и болезненное чувство потери, потери целого мира, граничило с постапокалиптической романтикой, жаждой заново открывать мир и отвоёвывать земли у врага, рубя врага одного за другим, пробиваясь сквозь их ряды на верном коне.

Меж разваливающихся от обстрелов и времени зданий по центральной улице шёл караван, состоящий из полусотни тяжёлых броневиков, сопровождаемых двумя сотнями солдат. Как ей хотелось бы с ними, у них-то всегда новый день не похож на вчерашний!

Последние лучи солнца скрылись в дымке и тяжёлые бронированные ставни плотно закрыли окна. В пустом огромном гулком зале с низкими потолками и стальным полом зажглось тусклое ночное освещение.

Кира вернулась в общую квартиру, где сейчас никого не было, приняла горячий душ, отомкнула свой спальный бокс под номером 11, больше похожий на ячейку в камере хранения, забралась в выдвинувшийся ящик и плавно заехала с ним обратно. Внутри зажёгся мягкий тёплый свет. Атмосфера уютного коробка и милые картинки котят на боковых стенках быстро снимали все тревоги и погружали в сон.

Наконец Кира очнулась.

Она лежала в стеклянной капсуле, находящейся посреди небольшой светлой комнаты с белыми стенами. Дверей и окон в помещении не было, лишь длинное зеркало на стене и потолок, источающий мягкий свет. На кафельном полу комнаты имелись пластиковые решётки водостока.

Ничего из одежды на девушке не было, лишь лёгкая белая простыня накрывала её тело.

Она пошевелила пальцами на ноге, затем на руке. Вытащила из-под простыни руку, тронула стеклянный купол капсулы, легонько толкнула. Купол плавно откинулся. Она неуверенно поднялась, придерживая простыню, затем встала босыми ногами на тёплый кафельный пол. Она укуталась в простыню, прошлась

по комнате, непонимающе оглядываясь. Тело послушно выполняло все движения, не отзываясь болью.

Вдруг одна из стен плавно и бесшумно отъехала в сторону, отчего Кира ещё более непонимающе попятилась назад. За отъехавшей стеной оказалось продолжение этого же помещения, но уже с пластиковой дверью и обставленное какими-то аппаратами, накрытыми белой тканью.

Дверь открылась и в неё вошла полная женщина, приятная на вид, в медицинском халате и колпаке. Она вкатила железный столик, на котором были аккуратно сложенны вещи, новый зелёный камуфляжный костюм и её сапоги.

– Я за дверью подожду.

Женщина вышла и закрыла дверь.

Застегнув широкий ремень на поясе, Кира вышла.

Она и полная тётка вошли в просторную гостиную с большим столом посреди неё. Все окна гостиной плотно закрывали жалюзи, пропуская лишь тонкие полоски солнечного света. Но освещена комната была хорошо.

Тёплый свет от светильников на стенах и маленькой люстры над столом проникал в каждый угол помещения и отражался от удивительно блестящей лысины одного из трёх мужчин, сидящих за пустым столом, узкоглазого, с серьёзным лицом и в круглых старомодных очках в золотой оправе.

Двое других, одетых неряшливо и безвкусно, по принципу «больше ничего чистого не было», заросшие густой щетиной, увидев девушку, переглянулись довольно. Один из них радушно указал на стул напротив них.

Кира, уже забывшая за время прибывания вне крепости про стеснительность и робость, тут же заняла указанный стул.

Тётка повесила колпак и халат на вешалку и удалилась в другую комнату.

– Всё же он работает, – произнёс один из заросших нерях. – Извини, не представились. Меня зовут Виктор… да просто Витя. Это Марат. А это наш мастер, гуру медицины новой эры… – говорил Витя, показывая на узкоглазого.

– Перестань, – коротко оборвал тот. – Не стоит.

– Почему же? О вашем имени кричать можно, – не понял Марат такой скромности, но ответа не получил.

– Как ты себя чувствуешь? – Осведомился гуру. – Обрыв помнишь?

– Чувствую хорошо. А обрыв, – она поёжилась, будто от ледяного сквозняка. – Ещё бы, конечно.

– Замечательно, как я и думал.

Полная женщина и девушка лет двадцати пяти, похожая на неё, но со стройной вытянутой фигурой, вошли и внесли два больших подноса. На каждом – по три тарелки первого и небольшой миске салата, по три бокала. В центре одного – нарезанный хлеб в чаше, в центре другого – тёмное красное вино в графине.

В новую эру наличие даже простого овощного салата на столе символизировало хороший достаток. Свежих овощей достать было куда сложнее, чем мясо или рыбу. В случае нападения скот сгоняли в подземные убежища, а с теплицами так не выйдет, и враг уничтожал в первую очередь именно теплицы. Вино же на столе имелось почти у всех и пили его за завтраком, обедом и ужином, по немного, разумеется.

Все обедали неспеша. Кире рассказали, что с момента падения прошло всего две недели. Столь быстрому восстановлению поспособствовал так называемый «живой луч», открытый мастером и повышающий регенеративную функцию организма в десятки раз на время пребывания в нём. Поэтому организм восстановился быстро. Сам же мастер открывший луч, ел молча и вообще делал вид, что отношения к этому не имеет. Эйфория от открытия луча уже спала, так как уже на третий день стало ясно, что луч работает.

Девушка двадцати пяти лет Наташа, рассказывала, что Сава приходил и требовал пришить пальцы, а отказать военному нельзя. Савелий ничего не пояснил об этой стычке, но по Каменскому да и в самом Воронино народ до сих пор обсуждал эту историю, обрастающую подробностями. Ещё люди видели, как они забирали неподвижное тело со дна ущелья. Доктору на следующий день пришлось сказать, что он забрал мёртвое тело для изъятия уцелевших органов.

Кира же пояснила, в чём причина её погони за этим парнем, сама при этом перебирала варианты, что им нужно взамен и почему нет Края, о нём даже не упомянули.

После обеда все спустились в подземный гараж к фургону. Дальше от гуру последовала странная и подозрительная, на взгляд девушки, просьба. В фургоне стояли шесть пустых стадвадцатилитровых пластиковых бочек для воды. Мастер попросил Киру залезть в одну из них, мотивируя это тем, что её не должны видеть, а фургон доктора обязательно остановит кто-нибудь из местных жителей из любопытства или с просьбой подвезти или договориться о приёме.

Такие основания её убедили. Она попрощалась со всеми,

кроме Марата и доктора, помогавших ей забраться в бочку. Остальные разошлись по своим делам.

В бочке быстро стало душно, открытый клапан в крышке не слишком-то снабжал воздухом. Всё же по поводу остановок её не обманули, пару раз и вправду машину останавливали, о чём-то спрашивая. В третий раз вовнутрь кто-то сел, и проехав, немного вышел. Со всеми говорил Марат, великий доктор лишь отвечал краткими чёткими фразами, когда обращались непосредственно к нему. Останавливали их и на посту, даже в салон заглянули, но, судя по дружеским разговорам, остановка имела формальный характер, и досмотр – тоже для видимости.

Спустя чуть больше часа, когда всё тело уже затекло, фургон остановился, открылись задние его двери. Пару минут ничего не происходило. Слышался крик ворон и гул ветра, раскачивавшего машину сильными порывами. Наконец какой-то автомобиль, чей двигатель мягко и сдержанно гудел, остановился совсем рядом.

Бочку с Кирой спустили на землю. Изнутри ничего видно не было, лишь яркий солнечный свет проникал сквозь синие стенки бочки.

– Привет, – раздался сиплый голос снаружи.

Доктор и Марат поздоровались с неизвестным.

– Всё, как договаривались? – уточнил сиплый.

От этих слов тревога забушевала внутри девушки. В бочке стало будто ещё жарче.

– Товар хороший? – Вновь поинтересовался голос.

– Редкий. Очень хороший, стоит всех твоих овец, – говорил Марат деловито.

– Хорош! – Рявкнул доктор., – Отдавай да поехали, нам ещё на источник.

– Тебе вместе с бочкой?

– Я хочу видеть, за что плачу, доставай, – велел сиплый передёргивая затвор автомата.

Кира уже ярко представила, как её сейчас вытащат из бочки бородатые мужики с автоматами, свяжут и кинут в кузов какого-нибудь грузовика.

Крышка несколько раз провернулась и в образовавшуюся щель хлынул режущий глаз белый свет.

– Вылезай, – раздался приказ снаружи.

Сейчас она не ощущала никакого рвения геройствовать и биться одной против всех, только страх, страх и растерянность. Ведь как бы Альянс ни боролся с рабством, рабы всё равно были, и похоже, Кира уже в их рядах.

Девушка осторожно скинула крышку и стала медленно

подниматься.

– Развернись! – Приказал Марат.

Она послушно развернулась, встала в полный рост.

Позади послышались перешёптывания, сиплый был доволен ею и восхищался тому, как ей идёт камуфляж. Тем временем, испуганная и растерянная, она, привыкнув к дневному свету, разглядела место. Перед ней раскинулся выжженный пустырь с чёрными обгоревшими стволами лесополосы впереди и кучами мусора. Свалка, как она и думала.

– Вылезай, но не оборачивайся, – приказал вновь Марат.

Кира вылезла из бочки.

– Повернись лицом, посмотреть на тебя хочу, – попросил сиплый и судя по интонации, он явно чувствовал себя полноправным её владельцем.

Она медленно повернулась.

Облокотившись на фургон, стоял доктор, сложив руки на груди, и, беззвучно смеющийся. У «Алтая» уже катался со смеху Марат, а Край с автоматом едва сдерживал смех, видя, как они заставили бедолагу понервничать.

– Ах ты… – выражаясь двинулась Кира, словно грозное цунами, с каждым шагом набирая гнев и силу.

Край даже выставил автомат перед собой на всякий случай. Она наотмашь выбила оружие из его рук, но вместо того чтобы заехать по морде, вдруг кинулась ему на шею и крепко обняла.

– Детский сад, – едва слышно смеясь, сказал док, – Довели девку до слёз.

– Это от солнца, – поспешила оправдаться она.

– Ага. Так всё, Марат быстро за руль, поехали. И так впотьмах возвращаться придётся. Нам же на источник ехать, – поторопил доктор, – Всё, ребят, пока, удачи вам. Берегите себя.

Оба прыгнули в фургон, едва не забыв бочку, и уехали.

– Ну что, и мы поедем? – Сказал Край уже своим голосом, открывая водительскую дверь Кире.

– Ты веди, издевался надо мной, вези теперь, – ответила она, подобрав автомат и садясь в пассажирское кресло.

Всё снаряжение её, от ножа и альпинистской страховки до пускателя, лежали сзади.

– Так, а что они просили взамен? – Поинтересовалась Кира.

– Ничего.

– Не гони, такого быть не может.

– Может. Им нужно было испытать свой аппарат на людях, а добровольца не находилось, кто же захочет, чтобы его сначала переломали и порубили, а потом засунули в какую-то штуку. Тем более что вариантов выбраться из неё предполагалось только два

– восстановленным и здоровым или холодным и вперёд ногами.

– И какие были шансы?

– Какая разница, всё получилась, а док теперь переберётся в какую-нибудь крепость и там будет творить чудеса медицины, и…

– Какой был шанс? – Настойчиво повторила она вопрос.

– 15 %.

– Ааа, я думала, меньше, начал тут от темы уходить.

«Алтай» выбрался на разбитое гусеницами и изрытое воронками шоссе.

– Ну, куда? – Спросил норт, будто надеясь, что маршрут изменился.

– Туда же, – ответила девушка и без особой надежды и энтузиазма добавила. – Может быть, успеем.

Край разочарованно отвёл взгляд. «Алтай» выбрался на дорогу, хрустя раскрошенным асфальтом под колёсами.

– Только давай на эту тему не будем говорить, – попросила Кира, на что норт ничего не ответил.

«Алтай» продолжал путь, останавливаясь в каждом городе и задерживаясь в нём на два три дня. Нередко в пути приходилось делать большие крюки по разным причинам. Кира уже не рвалась вперёд скорее догнать Савелия. Она вообще не заговаривала о нём. Приговорённая всё больше смотрела по сторонам, что-то записывала и зарисовывала в блокноте, везде, где останавливалась, как и Край, находила с кем поболтать, благо общительности ей не занимать. Общаясь, она узнавала многое об этом мире, узнала и то, что уже давно находится в зоне регулярных боевых действий.

Чем больше они продвигались на юг, тем больше наблюдали следы войны и нередко становились свидетелями боевых действий. Машина не раз попадала под обстрел, вследствие одного из них Край получил несерьёзное ранение, немало напугавшее девушку.

В одном из крупных городов их накрыл артобстрел, заставивший изрядно поползать средь развалин и надышаться пылью и дымом. Легион взял город в кольцо и после обстрела пошёл на штурм города. Два дня Кира и Край постоянно перемещались перебежками средь грохочущих танков и броневиков, рвущихся снарядов, порой едва не теряя сознание от нестерпимого жара пожарищ и едкого чёрного дыма. В этом аду приговорённая вдоволь насмотрелась на изрубленные, изорванные взрывами и обгоревшие тела бойцов всех рас. Им удалось вырваться, когда враг лишь небольшими группами

удерживал единичные уцелевшие дома, когда стало ясно, что подмога не пришла, подкрепление не прислали, лишь Альянс выслал колонну техники, чёрные силуэты которой были видны из горпарка на холме.

Ещё дальше на юг Кира вспомнила о невидимых врагах обеих сторон…

Всё чаще у дорог стали появляться знаки химической, биологической и радиоактивной опасности. Путникам даже пришлось купить на оставшиеся драгоценности, что хранил норт в бардачке, защитные костюмы со шлемами. Кира долго подшучивала над Краем, который выглядел необычно в сером защитном костюме был вынужденным носить респиратор, похожий на намордник, стыкующийся со шлемом.

В заражённых местах виды зелёных густых лесов часто сменялись болотами с чёрной маслянистой жижей, до сих пор не заросшими краторами от взрывов, и развалинами заводов. В каждом городе, находящемся меж заражённых территорий, обязательно имелся пункт дезактивации.

Глава одиннадцатая. Чёртово око

Не всегда очевидное истинно, не всегда истинное очевидно.

Начало августа.

Наконец дорога пошла вверх, всё чаще на горизонте показывались горы. Сначала небольшие холмы, затем холмы побольше. И вот «Алтай» медленно пробирался по лесной дороге, меся густую грязь.

В новой эре, как и в старой, горы и побережье стали самым опасным и горячим местом. Здесь проживало множество независимых племён каждой из рас, кроме легионовцев. Племена воевали меж собой за территории, но все они яро гнали чужаков, боясь, что те принесут в их земли настоящую войну, которая уже не ограничится палками и кулаками да по десятку раненных с каждой стороны. Также боялись заразы. По всему земному шару любые горы – другой мир.

Пока же путники не встретили никакой агрессии, точнее, не встретили никого, хотя это направление лежало далеко от основных путей Альянса.

На всех окнах в машине были опущены решётки, которые в лесной тени перекрывали обзор почти полностью. Это сводило к минимуму риск попадания копья или ещё чего-нибудь.

Кира вела, вглядываясь в просвет меж стальными пластинами решётки. Норт прильнул к переднему окну и тоже вглядывался в узкую полосу грязи меж густых зарослей, иногда подсказывая направление или предупреждая о больших ямах.

– Хорошо, хоть местность чистая, без заразы, – сказала Кира, глянув назад, где в углу были сложены защитные костюмы.

– Угу. Как вы, люди, так ходите в шмотье постоянно?

– Ну, ты не сравнивай. И всё же тут как-то всё иначе, дух другой, всё как-то… не знаю, как сказать.

– Эти места и вправду населены духами.

– Расскажи, – попросила девушка, последнее время проявлявшая немалый интерес ко всяким легендам и историям.

– Духи присматривают за этими местами. У каждой группы духов есть свой участок: одни смотрят за реками, другие – за ручьями, за деревьями и отдельными склонами.

– Откуда эти духи взялись?

– Это души умерших. У некоторых лаийонов есть такая

способность, они могут забирать душу любого существа и владеть ей. Они могут её вселять в предметы или даже подселять кому-то живому, могут привязать к местности. Душа не отправится на покой, пока хозяин её не отпустит.

– Это жестоко! Это рабство, только после смерти.

– Лаийоны мудры, они не обрекут на эти мучения кого попало. Это души провинившихся, и они отбывают наказание. А есть и так называемые светлячки.

– Это те, что во время Второго пришествия появились?

– Второго пришествия?

– Ну, когда норты с остальными пришли второй раз, окончив Великую битву.

– А… Да, только эти опаснее, они питаются эмоциями.

– Слышала.

Дорога вывела на просторную поляну, раскинувшуюся на небольшой возвышенности. На противоположной стороне в низине протекал ручей, несущий узкой полоской свои кристальные воды меж серых камней.

Кира не стала останавливать машину и продолжила движение. Наверху дорогу им преградили трое нортов. У каждого на правой передней лапе имелась чёрная повязка с золотистой полосой. Оружия у них не было, но выглядели они внушительно. Их можно было и объехать, места много, но они явно требовали остановиться.

Кира остановилась вблизи них. Край сунул мачете в ножны на своём ремне и высунулся в люк.

– Чего из люка выглядываешь, боишься? – Насмешливо спросил один из нортов, стоящий по центру, поблёскивающий гладкой белой шерстью на солнце. – Давайте оба выходите.

Край опустился внутрь.

– Оставь, не будем их злить, – попросил он Киру, потянувшуюся за автоматом.

Она проверила наличие своего меча за спиной и зарядив стрелу в пускатель, вышла из машины.

Кира и Край подошли ближе к остановившим их. Те оглядели, один из них, рыжий с чёлкой, что бывает редко среди нортов, встал, словно человек и обошёл Киру вокруг, разглядывая снаряжение.

– Ты смотри какая, куча всего, – негромко произнёс он мягким голоском, отчего страх перед ним у девушки тут же рассеялся.

– Это минимум, так все ходят, – пояснила она.

– Не у нас.

– Ребят, мы не местные, мы проездом, – встрял Край, который на фоне этих нортов выглядел мелковато.

– Не местные? Так какого хрена вы тут разъездились? – Негромко спросил белый.

Казалось, что они специально говорят тихо, чтобы их не услышали другие, а судя по дыму и звонкому стуку топора в лесу неподалёку, другие были.

– Давайте разворачивайтесь, дальше вы не едете, – по-хозяйски заявил белый.

– Или, в крайнем случае, оплачивайте проезд, – поддержал челкастый.

Третий всё это время молчал и поглядывал в сторону, откуда шёл дым.

– Тут не было видимой границы, так что, может, это и не ваша территория? – С подозрением спросил Край. – Это уже разбой, ребятки. Короче, мы едем дальше, и не лезьте под колёса, кто их потом мыть будет?

Он и Кира направились к машине. Те трое, не ожидавшие такого резкого заявления, переглянулись и снова окликнули пришельцев, на этот раз воинственно. – Мы вас не отпускали!

Девушка взглянула на Края, кивнув решительно, отчего тот немного растерялся, не поняв значения этого жеста.

– Что ж, на свою беду, – сказала она развернувшись и вытащив меч из ножен.

Троица решительно шагнула вперёд.

Молчаливый бросился на Края, но стрела Киры пронзила поперёк обе передние лапы напавшего. Тот упал, вскрикнув, кровь из обеих ран хлынула на зелёную траву, окрасив её в красно-бурый цвет.

Край, выхватив мачете бросился на белого, а Кира ринулась к челкастому.

Несмотря на то, что вооружённые бились против безоружных, силы были примерно равны. Сила и мастерство местных достойно держались против меча и ножа.

Стороны обменялись несерьёзными ранениями, хотя катана, со свистом мелькнувшая над головой рыжего норта, срезала ему половину уха. В ответ Кира была награждена мощным ударом в спину, таким, что, оторванная от земли, она с силой влетела в салон машины через открытую дверь. Спас от травм лишь привод и колчан со стрелами на спине.

Край и белый норт вели бой стремительно, они будто предугадывали действия друг друга, отчего их схватка напоминала боевой танец, чёткий красивый но отрепетированный

заранее.

Кира прижала норта к машине, уперев меч ему в шею, а Край уже был верхом на лежащем на пузе противнике, собираясь перерезать ему горло.

– Прекратить! – Раздался властный голос вблизи.

Все обернулись. К ним подошёл рыжий норт с яркими зелёными глазами, худой и невысокий. Следом – двое мужчин с плотницкими топорами, блестящие от пота, и женщина лет сорока. Одеты люди были в короткие широкие штаны и просторные рубахи, все босые, длинные их волосы подвязаны.

Тут же подбежали двое парней, обоим – не больше шестнадцати, в плащах цвета хаки, под которыми – лишь шорты и латы на голое тело. На ремне на поясе у каждого висел десяток метательных ножей и короткий клинок. Вот тебе и дубинки да камни.

Парни подбежали к сражённому стрелой, один из них снял плащ, они уложили на него раненого, что едва держался в сознании, и, как на носилках, унесли в лес.

– Что тут произошло? – Спросил норт у бойцов, так и застывших в своих позах, словно в стоп-кадре.

Властный и немного басовитый голос никак не клеился с его худоватой фигурой.

Он встал по-человечьи и повторил вопрос.

– Они напали, – пожаловался челкастый. – Пап, чего ты стоишь? Она убьёт меня.

– И правильно сделает. Я ведь вижу, что ты меня обманываешь. Из-за вашей выходки, скорее всего, погибнет ваш друг, – он указал на большое кровавое пятно на траве, – и яму копать вы ему будете. С сегодняшнего дня я найду вам занятие, будете брёвна для изб таскать.

Норт развернулся и ушёл. Край и Кира переглянулись, всё так же держа противников.

– Езжайте с миром, наши земли открыты для путников, – доброжелательно сказала женщина.

Клинки опустились в ножны, «алтай», быстро набрав ход, перемахнул через ручей, а двое побитых норта стыдливо скрылись в лесу.

– Тут и правда другой мир, даже разговоры другие, – удивлялась Кира.

– Ага. Метко ты того… стрелой.

– Да это я промазала, в голову целилась. Я и не знала, что норты могут быть и такими.

– Ну ты… разные бывают, ещё и не такие. А мы не ангелы,

парень, нет мы не ангелы, тёмные твари, и сорваны планки…

Дремоту Края прервал лёгкий всплеск воды.

Их машина стояла на большой поляне, просторной, как футбольный стадион с трибунами на десятки тысяч мест. Чуть ниже разлилось ровное зеркало озера, походившего на глаз: словно густая бровь, у противоположного его края растянулась дуга соснового леса. Одним краем озеро упиралось в земляную дамбу, не дающую ему стечь в узкий и глубокий овраг. В ясной поверхности воды отражалась крутая вершина горного хребта со скалистыми высокими стенами, отражалось невероятно звёздное небо с большим диском ночного светила, что заливало этот райский уголок бледным ярким светом.

Силуэт девушки, плавные линии обнажённого тела которой окаймлял лунный свет, словно льющийся по контуру, медленно входил в воду. Привыкая к воде, она едва заметно двигалась вперёд, гоня лёгкие волны, искажающие её прекрасное отражение в воде.

Край привстал, не сон ли это? Если и сон, он не хотел, чтобы его будили, всё было идеально, и место, и время, и она, кого до этого он знал другой. Вода со светлой серебристой линией, тонкой, словно нить, у самого тела, плавно скрывала гладкие его черты. Так, шаг за шагом, она плавно погрузилась под воду и исчезла в кусочке звёздного неба, пролитом на землю.

Норт вглядывался в водную гладь, снова обретшую неподвижность и словно застывшую.

Вдруг с шумом и всплеском она вновь явилась вблизи берега. Закидывая длинные волосы спереди назад, взметнула радугу брызг. Луна на мгновение превратила их в алмазы, одарив своим сиянием.

– Ну, чего ты смотришь? Пойдём, вода – просто фантастика! – Позвала она, вновь уходя на глубину. Похоже она, совсем не смущалась.

Она нырнула, словно русалка, ударив «хвостом» по воде, вновь взметнув фонтан лунных искр.

Край подошёл к воде. Невысокий пологий берег, плотно поросший низкой травой и распустившимися сине-фиолетовыми ночными цветами, на которых поблёскивали ещё не высохшие капли вечерней росы, уходил в воду. При этом трава ещё немного продолжала покрывать его под водой.

– Ну, чего не идёшь? – Вынырнув, спросила она.

– Ты же знаешь, я не люблю воду.

– Да ладно. Там, внизу, такое… ты точно такого не видел.

– И что же там такого?

– Красота, всё видно до самого дна, рыбы – тьма, а самолёт на дне ещё больше романтики добавляет.

Самолёт явно заинтересовал норта, и он быстро вошёл в воду, оказавшуюся на удивление тёплой.

Они нырнули.

Сине-зелёная призма воды слегка искажала фигуру девушки, плывущей рядом, но не делала её менее прекрасной. Их с Краем окружал косяк мелких рыбёшек, бликующих серебристой чешуёй. Кира шутя погрозила Краю кулаком, заметив, что он неотрывно смотрит на неё, и указала вниз.

Внизу на каменистом дне, средь обросших мхом и водорослями камней и брёвен, лежал разбиты небольшой грузовой самолёт. Через порталы разбитых окон кабины плавали туда-сюда рыбы. Под водой всё, – шум ветра, крики ночных птиц и треск сверчков наверху, – всё слилось в один гулкий шум. Всё это великолепие заставляло совершенно забыть о дыхании.

Кира толкнула норта, жестом показывая всплыть. Они оба вынырнули, громко вдохнув ночной июльский воздух. Только сейчас Край понял, что эти подводная красота и невесомость едва не утопили их.

Девушка сидела на вещах у самой воды, обхватив гладкие, словно шёлк, колени руками, капли воды, поблёскивая, стекали по светлой коже.

Край растянулся на траве чуть позади. Оба молчали, слушая музыку летней ночи.

– Какой же всё-таки разный этот мир, – наконец прервала молчание она. – Ещё недавно ползали по завалам под обстрелами, а теперь – тишь и благодать.

– Если бы тебя не встретил, так и бродил бы там, наверное.

– Хорошо, что мы встретились, наверное, это судьба.

– Любое явление в жизни можно назвать судьбой, – скептически хмыкнул норт, но тут же добавил: «Но ты – не любое».

– Ну, Край… будем считать, что комплимент засчитан. Слушай, а кто мы друг другу после всего?

– Кира…

– Что? Ну правда, кто?

– Чш! – Шикнул Край. – Слышишь?

– Все вы, парни, одинаковые. От разговора уходишь?

– Серьёзно, голоса…

– Нет никаких голосов, всё ты… хотя…

Со стороны дороги, выходящей из леса, слышались голоса и

даже смех, а вскоре показались силуэты, похожие на волков, – норты.

– Вот это да! Это мои. Что они тут делают?

Край встал, всматриваясь в группу нортов, тоже заметивших его и направлявшихся к ним.

– Ты уверен, что они могут быть здесь? – Тревожно спросила Кира, быстро одеваясь.

– Ну, не знаю, они же вот, здесь.

Группа из десятка нортов окружила Края и Киру, Край вне себя от радости здоровался со всеми, представлял каждому свою спутницу и за что-то извинялся.

Вдруг кто-то положил руку на плечо девушки, она в испуге обернулась. К её изумлению, это был отец. Он стоял, широко улыбаясь и расправив руки для объятий. Кира бросилась ему на шею, крепко обнимая, настолько крепко, насколько смогла. От него пахло, как и обычно, – сигаретами.

– Как ты, доченька?

– Лучше, чем могло бы быть. Ты что тут делаешь? Ты же сказал, что больше из крепости не выйдешь.

– Я не мог там больше оставаться, решил найти тебя, так сказать, шёл по следу, и вот догнал.

Отец достал из под куртки фляжку и отхлебнул из неё пару больших глотков, в воздухе поплыл лёгкий запах спиртного. Он кашлянул в кулак и убрал фляжку. Это словно встряхнуло Киру. Отец никогда так не делал, это она рисовала его в своём сознании не расстающимся с алкоголем, хотя он алкоголиком не был и пил только в кабаке в компании и никогда один. Хотя кабак он посещал постоянно пусть, и не каждый раз, пил в нём, но этого хватило, чтобы явить в сознании дочери такой образ.

– Край, они не настоящие. Это глюки, пойдём отсюда.

– Ну, ты имей совесть, глюки, я около тебя стою, – возмутился один из нортов.

– Поехали! – Воскликнул кто-то с противоположного берега.

На дамбе грянул взрыв, подняв облако земли и дыма. Вода с шумом устремилась в овраг, и пруд за несколько секунд опустел.

– Зачем это? – Спросил Край.

– Самолёт перевозил один артефакт, который наделяет поистине богатырским здоровьем и позволяет навсегда забыть об усталости, – пояснил отец Киры.

Группа людей с противоположного берега с радостными воплями устремилась к лежащему на дне самолёту. Отец и норты тоже поспешили туда.

– Стой, – схватила девушка Края за хвост. – Это светлячки.

Моего отца тут не могло быть. В озере на самом деле наверняка вода, они заманивают нас на дно.

– Да нет, сомневаюсь. Очень уж всё реально.

– А ты думал, всё будет очевидно?

– Были бы это глюки, они бы звали нас за собой, а им, похоже, всё равно, идём мы или нет.

Вокруг самолёта творилась суета, люди что-то достали из салона. После пары вспышек света всё восторженно заголосили. Но самого предмета видно не было, и выносить его наверх не торопились.

– Пойдём, – просила Кира. – Они ждут, когда мы спустимся.

После недолгих раздумий Край согласно кивнул, и оба направились к машине.

– Может, в машину не стоит садиться? Мало ли, – Предположил норт.

– Наверное. Нам нужно просто ни на что не реагировать и не поддаваться на провокации.

Они обернулись, озеро вновь было полно воды.

– Вот, видишь. Это всё неправда, – легко сказала Кира, но тут же смолкла, прислушиваясь.

Неподалёку в лесу слышался шум двигателей и треск ломающихся веток. Меж стволами пробивались лучи фар, слышалась рычащая речь легионовцев. То же самое происходило в лесу на противоположной стороне поляны.

– Настоящие или нет, проверять будем? – С лёгкой насмешкой спросил Край.

– Не надо, может, и вправду Легион. Только эти теперь и убить могут. Давай-ка в машину.

– Они не настоящие, – раздался хрипловатый голос за спиной.

Оба в испуге обернулись. Это была старуха лет ста на вид, сгорбившаяся, опирающаяся на деревянную клюку, держащая корзину с какими-то ягодами. Её бесформенное тёмное одеяние делало её похожей на какую-то ведьму из фильмов ужасов.

«Тут точно сомнений нет, что это галлюцинация или что-то ещё опаснее,» – подумали оба.

– Принесло же вас ночью на чёртово око, – продолжала старуха. – Сколько же народу тут сгинуло, сойдя с ума. Друг друга убивали, когда их собственные клоны появлялись, а они явятся, это страх каждого.

На поляну выехала колонна легионовских танков с бойцами на броне.

– Ешьте, быстрее, и всё исчезнет, – торопливо проговорила старуха, протягивая им жменю ягод в сухой сморщенной ладони.

– Сгинь! Не будем мы это брать, – испуганно воскликнула Кира, попятившись назад.

– Эй, там! – Окликнули их с брони.

Старуха сунула ягоды в карман штанов Киры.

– Всё в ваших руках, моё дело помочь, – негромко произнесла она и поковыляла прочь, ничуть не тревожась по поводу Легиона.

– Бегом в машину! – Дёрнул девушку Край, озираясь на танк, наводящий пушку в их сторону.

«Алтай» не заводился, хотя раньше за ним такого не замечалось. Танк тем временем подъехал на расстояние пары десятков метров. Солдаты сошли с брони и выстроились полукругом со стороны своей боевой машины. Они смеялись и подшучивали над противником, попавшем в безвыходное положение.

– Надо ягоды есть, – вдруг решилась Кира, бросившая попытки завести двигатель.

– Нет, это провокация, это специально, чтобы мы их съели. Они, наверное, ядовитые. Просто ждём, глюки сами исчезнут. Просто не бойся.

Сквозь рычание мотора танка послышались какие-то лязг и щелчок. Бойцы отступили немного назад, зажав уши. Фары бронированной черепахи смотрели сквозь решётки окон «Алтая», словно глаза кобры перед броском.

– Край…

– Не бойся, это не правда. И бежать не вздумай, иначе это не закончится.

Три секунды ожидания казались обоим вечностью. Несмотря на понимание нереальности происходящего, мозг бунтовал и требовал немедленных действий для спасения, сердце трепетало воробьём.

Раздался трескучий грохот, всполох огня, – и в заднюю дверь машины ударил снаряд. Вихрь осколков, решёток и внутренней скудной обшивки пронзил пространство салона. Раздался истошный крик обоих, израненных осколками.

Сквозь красноватую мутную плёнку Кира видела искажённый корпус машины, разгромленный салон. В свете огня, возникшего в задней части салона, она видела, как бьёт фонтаном кровь из разорванных артерий, как из тела Края, трепыхавшегося, словно рыба на берегу и вопящего от боли, торчат крупные осколки. Она увидела, как к машине приблизился легионовский солдат в противогазе и с огнемётом в руках, как поблёскивают в свете фар танка два синих баллона за его спиной. На конце длинного дула огнемёта метался на ветру огненный язык.

– Ешь! – Крикнула девушка, вытащив из кармана ягоды и затолкав их в рот Краю, держащемуся за окровавленную шею, а второй рукой пытавшемуся открыть дверь, заклинившую из-за сильной деформации.

Оставшиеся ягоды она спешно заглотила сама, едва не выронив их из трясущихся слабеющих рук. Со специфичным вкусом ягод она ощутила и вкус собственной крови, залившей руки.

Струя адского пламени ударила в корпус, языки его ворвались внутрь. Солдат сделал всего один короткий залп и теперь наслаждался жуткой картиной, как двое сгорали заживо в машине, не в состоянии выбраться.

Вспышка рассеялась. В машине всё было как, и прежде, всё на месте, всё в порядке. За окнами – всё тот же луг, всё та же благодатная ночь, и только яркие сгустки света, около сотни, плавали над травой, медленно направляясь в сторону леса.

Кира открыла дверь и выглянула на улицу. Коротко, но ёмко и эмоционально выразила она своё впечатление и мнение об этих существах, те никак не отреагировали, не впервой, видимо, подобное слышат.

Девушка села обратно и, глубоко вдохнув и громко выдохнув, быстро привела себя в нормальное состояние, согласившись с мыслью, что всё это было не по-настоящему, и всё прошло, что нет причин для тревоги.

Край, сидящий рядом, закрыл глаза рукой, он вздрагивал, шмыгал носом.

– Край, ты чего, всё закончилось, всё хорошо, – мягко и тихо произнесла Кира, медленно протягивая к нему руку.

Норт отмахнулся и вышел на улицу.

Край стоял рядом с машиной, смотря на пруд. Стоял на четырёх лапах, как и обычно, вздрагивая и покачиваясь. Видно, что произошедшее сильно впечатлило его, и он никак не мог оправиться.

Кира тихо подошла сзади, села рядом. Она крепко обняла его, прижавшись.

Он не сразу отреагировал. Всё же это помогло прийти в себя, но, опомнившись, он решил не оставаться здесь ни секунды, мало ли сколько ягоды будут действовать. Он озвучил своё решение и направился к водительской двери.

– Ты уверен, что поведёшь? – Спросила Кира.

– Да. Всё нормально.

Оба сели в машину, повернув ручки замка на дверях, заблокировав их.

– Я избавилась от одной фобии, но приобрела другую – боязнь красивых мест.

Край молча нажал кнопку зажигания. Электродвигатель сразу отозвался.

Глава двенадцатая. Конечная станция – Красноручейск

Пятнадцатый год новой эры. Конец октября.

Средь крутых гор и соснового леса, покров снега в котором достигал местами около метра, расположился на дне котла бывший санаторий. Некогда яркие современные корпуса, расположенные полукругом у центральной площади с фонтаном, теперь выглядели печально. Все здания раньше были стилизованы под финские дома, но спустя 15 лет запустения и ежегодных природных катаклизмов почти вся облицовка отвалилась, стены поедала плесень. Центральный корпус был каменным и пострадал больше остальных. Тяжёлые каменные стены растрескались и стали заваливаться внутрь. Остальные корпуса были собраны по технологии быстровозводимых каркасных домов. Они напоминали теперь потрёпанные раскисшие ящики, но всё же сохранили свои очертания и были способны простоять ещё несколько лет, несмотря на отсутствие обшивки, кусков стен и частично крыши.

В одном из таких корпусов, в просторном холле, чья лицевая стена была вырвана с корнем, горел большой костёр. Жаркий огонь от сосновых веток был похож на маяк средь заснеженных гор, недалёкие вершины которых скрывал густой плед облаков. Вечерело, крупные хлопья снега, лениво кружась, падали на сосны, всё больше прогибая их под своим весом.

Кира сидела на ящике у огня, периодически сухо покашливая и шмыгая носом. Её стройную фигуру скрывала толстая коричневая длинная куртка с капюшоном и дутые ватные штаны. Волосы спрятаны под солдатской меховой шапкой. Теперь и не сразу можно было понять, что это девушка, со стороны она больше похожа на юношу лет пятнадцати с миловидным лицом.

В проезде, на месте бывших дверей, стоял «алтай». Цепи на его колёсах, отполированные снегом, поблёскивали в свете костра. Из салона едва слышно доносилась музыка, спокойная, зовущая куда-то, где никто не был, в светлые и тёплые сны.

Приговорённая неподвижно смотрела на клеймо на правой руке, но саму наколку она будто не видела. Сквозь музыку и треск костра она видела перемешанные картины из прошлой жизни и из теперешней.

«Всё изменилось, я уже другая. Не повзрослела, не стала лучше или хуже, просто другая. Сейчас так хочется вернуться, там

тепло, всё так знакомо и безопасно. Хочется лечь в свою капсулу, поставить сплит на 25 градусов и проспать целые сутки. Похоже, у меня уже хронический недосып. Не знаю, смогла ли бы я туда вернуться навсегда? Здесь – жестокость и боль; смерть и страдания; резко меняющаяся погода и нередко враждебная природа. Там – ограниченный и плоский мир; царство коридоров и комнат; искусственный свет и вечная пыль; жизнь однолинейная, завязана на бытовухе; ограничения передвижения по и без того небольшому пространству. Здесь – безграничное пространство; есть солнце, небо, дождь, ветер и снег; множество историй и легенд; здесь каждый более открыт; здесь берегут и дорожат друг другом сильнее чем там; тут есть всё – от вялой жизни простого фермера, до таинственного бытия орденов лаийонов. Там – еда пять раз в день и горячий душ; там – друзья и близкие которые точно будут живы завтра, через неделю и через год; там дети не ходят с оружием и не знают, как выглядят внутренности человека; там не боишься наступить на мину, заходя в подъезд; там гарантированно доживёшь до старости. Не знаю».

Ощущение чьего-то присутствия прервало размышления Киры. Она провела взглядом по территории, видимой сквозь широкий пролом в стене. Она заметила, как из темноты ельника, засыпанного снегом, разросшегося у остатков решётчатого забора, вышел мужчина в снежном военном камуфляже, опутанный множеством светлых ремней, на каждом из которых были закреплены различные чехлы и сумочки, тоже белого цвета. За спиной виднелись рукоятки двух катан и деревянный приклад снайперской винтовки. Он шёл медленно, но уверенно. Девушка выхватила пистолет с глушителем, найденный недавно в одном из брошенных посёлков на чердаке дома, там же находился и его владелец… с дырой во лбу. Край заверил её, что треть всего оружия, продаваемого в лавках и больших оружейных магазинах, на самом деле уже не раз бывала в бою и пережила не одного хозяина. Поэтому нет ничего зазорного в том, чтобы забрать пистолет и оставшиеся патроны, две обоймы и около пятидесяти рассыпухой.

Ствол смотрел на незнакомца, чьё лицо скрывал капюшон.

– Кто ты? – Спросила она без капли страха и сомнения. Она была готова пустить пулю в лоб незнакомца, зная, что даже и не вспомнит о нём завтра. – Ещё шаг – и я стреляю.

Пришелец остановился. Он плавно поднял левую руку и медленно снял капюшон. Кира сразу узнала его, это был Тихий.

– Что ты тут забыл? – поинтересовалась Кира, пристально смотря на Антона, сидевшего напротив неё на корточках, выставив окоченевшие ладони к огню. – И где остальные?

– Я один, меня ссадили наверху.

– Что значит ссадили?

– Не поладили мы с Савой. Чуть до перестрелки не дошло, ну, и сказали, чтобы валил из отряда.

– Они не могут просто вышвыривать бойцов, что-то ты недоговариваешь.

– Меня просто спишут как без вести пропавшего, и всё.

– Так выходит, они ещё не добрались? Я думала, вы уже уплыли.

– Наверное, на подходе уже. Корабль придёт девятого ноября, отплытие одиннадцатого. Из-за боевых действий в регионе мы не успели, за что оштрафованы на год бесплатной службы в северных водах, а там даже войны нет, просто приглядывать.

– Значит, есть ещё тринадцать дней.

– На что? – Раздался голос Края на втором этаже.

В проломе перекрытия между первым и вторым этажами показался Край. Он спрыгнул вниз, поприветствовал кивком Тихого, тот ответил тем же.

– Он ещё здесь. У нас хватает времени, и уже завтра мы будем там.

– Завтра не будем, – возразил Край, достав из своей сумки на ремне маленькую фляжку. – Лавина сошла ещё неделю назад, не проехать. Придётся в объезд. Вот, пару глотков, остальное завтра допьёшь, – сказал он, протягивая ей фляжку.

– Что это? – Морщась от запаха, спросила она.

– Пей, не морщись. Твой кашель – это не дело. Тут обычная простуда смертельной может стать.

– У местной стаи выцыганил?

– А то. И ещё кое-чего, наверху положил.

Девушка отпила немного из фляжки и убрала её под куртку.

– Я спать, завтра с рассветом выдвинемся, – сказала она и ушла в машину, закрыв за собой дверь.

Край и Антон разговорились. Тихий обрисовал причину изгнания Киры. Он не поддержал её идею отомстить, но всё же выказал желание ехать с ними. Край рассказал об их приключениях.

– Всё же хорошо, что ты у неё есть, – говорил Тихий. – Кто-то должен был ей помочь. От меня она помощь принимать не хотела, не знаю почему. Ты хороший друг.

– Будь я хорошим другом, нашёл бы способ отговорить.

– Ты рискуешь жизнью, помогая ей, зачем?

Вопрос заставил Края задуматься над ответом.

– Она ушла бы без меня и погибла.

– А тебе-то что?

– Наверно, она мне больше, чем друг. Я ушёл из стаи, желая жить независимо ни от кого, ушёл на руины. Но что-то изменилось, и от мечты быть вольным ветром пришлось отказаться. Надеюсь, что она успокоится, когда добьётся своего.

– Уверен, что в этот раз добьётся? – Скептически спросил Тихий.

– В этот раз я сам грохну Савелия. Пусть потом кричит, ругается, ненавидит меня, но эта погоня закончится. А то кто её знает, поплывёт ещё за ним.

Объездная дорога заняла два дня. Тихого было решено взять, хотя Кира согласилась не сразу.

Ехать пришлось по заснеженным лесам и крутым склонам, что снизило скорость до 10–15 км/ч. Некоторые деревья приходилось валить, а при помощи одного только топора это отнимало много времени. До новой эры от санатория до Красноручейска, именуемого тогда иначе, можно было добраться всего за 20 минут, и то, если не спешить.

Наконец «Алтай» остановился в лесу у обрыва. Вертикальная скалистая стена, уходящая на полсотни метров вниз, затем крутой заснеженный склон, со множеством лыжных следов на нём, и дальше – крохотный городок на небольшом плато, за плато – резкий спуск, дальше – большой порт, по размерам едва ли не больше самого городка. В бухтах стояли огромные фигуры военных кораблей, матросы на которых в поте лица сбивали с их железных стен наледь. Красноручейск представлял из себя пару десятков прямых улиц с каменными домами не выше двух этажей. Отсюда он был, как на ладони, в прицел винтовки Антона можно было разглядеть даже цветы на окнах.

Скрываться не стали, всё равно заметят, а открытость снимет все подозрения. От машины растянули тент, разожгли костёр, расчистили площадку, обнесли свой минилагерь стеной из снега, защищающей от ледяного сырого ветра, дувшего с моря, да и с противоположной стороны продувавшего негустой сосновый лес. К строительству стены подошли творчески, возвели башни, сделали бойницы и даже арку центрального въезда. Строительство не раз перерастало в войну снежками. К вечерним сумеркам снежное королевство было достроено, главный ресурс – дрова, заготовлен.

Следующий день.

Кира медленно шла по одной из улиц. Лицо её скрывал шарф, так что были видны лишь глаза. Это ни у кого не вызывало подозрений, так как постоянный ледяной ветер быстро обмораживал любую открытую часть тела, и так, укутавшись, ходили все.

Она пристально вглядывалась в лица прохожих, быстро идущих по заснеженным улицам, зябко ёжась от холода. Казалось, это место забыто богом, тут нет солнца, вечно идёт снег, а сумасшедший ветер никогда не перестанет разносить по округе брызги бушующего моря. Лишь свечи в деревянных уличных фонарях с железными кованными плафонами – единственный источник света и слабого тепла на этих улицах.

Множество спусков и съездов под землю свидетельствовало о том, что часть населения и все склады, топливохранилища, гаражи для техники и прочее находились под землёй. В случае заварушки пострадает лишь верхушка айсберга. В порту всё было тихо, десяток человек чистили бетонные ступени от снега, идущие вдоль двадцатиметровой каменной стены с бойницами и железными мостиками от прохода к проходу, да портовый кран загружал огромный танкер огненным камнем. Огромные волны с грохотом врезались в шлюзы бухт. Маяк водил по кругу ярким синим лучом, делающим впечатление от этого сумеречного места ещё более холодным и мерзким. Ветер качал фонари у причалов, осыпал снегом красные маячки на огромных портовых кранах, обросших наледью и снегом.

Ни в ком из прохожих Кира не узнала объект своих поисков. Темнело, и становилось ещё холоднее. Она решила напоследок заглянуть в кабак, надеясь найти его там, и не прогадала.

В хорошо освещённом тёплом помещении с бревенчатыми стенами густым облаком висел сигаретный дым, смешанный с запахом рыбы и спиртного. Народу здесь оказалось много, самого разного, от хорошо выглядящих мужчин в шубах и с хорошим начищенным оружием до опухших пропитых портовых грузчиков, от которых несло соляркой.

За барной стойкой сидел Савелий, чей камуфляж был растрёпан и местами порван. Он отрицательно качал заросшей лохматой головой на невнятное бубнение тучного мужика, уткнувшегося красной рожей в сигаретный пепел и ворох окурков. Да и сам Сава едва мог держать голову, и если бы он сейчас встал, то не продержался бы на ногах и пяти секунд.

Кира решила пронаблюдать за ним. Она опустила шапку

почти на самые глаза, скрыла шарф за высоким воротником и подошла к стойке, попросила кружку пива. На это ей ответили, что пива нет и предложили местный напиток «Морячок». Девушка согласно кивнула, расплатилась и отошла с кружкой к стене, вдоль которой тянулась широкая полка, служившая общим столом. Тёмный, как кофе, и пенящийся, как пиво напиток, оказался приятен на вкус, быстро согрел и взбодрил.

Наблюдение за пьяным Савелием ничего не давало.

– А кто это? – наконец спросила она у стоящего рядом седого, но на лицо ещё молодого мужчину со шрамом на лице, попивавшего вино из бутылки. Спрашивая, она постаралась сделать голос более мужественным.

– Это приезжий, уже три дня тут обитает. Пьёт до чёртиков, потом идёт на улицу, прошвырнётся – и опять сюда, ищет собеседника – и пьёт вновь, – охотно начал тот. – Уплывает одиннадцатого, вот и гуляет.

– А живёт он где?

– Да тут и живёт, прямо в кабаке.

– А он что, один приехал?

– Нет, с отрядом. Они приходили за ним, просили в себя прийти, но он послал их, ещё и драку учинил. Чего это он тебя так интересует? Спивающийся солдатик.

– Да так, именно что солдат, а так пьёт.

– Ты, парень, не связывайся с отбросами, тебя должны окружать достойные личности, иначе загниёшь в грязи под забором, как большинство здесь присутствующих.

Допив, девушка оставила кружку и направилась к выходу, напоследок ещё раз взглянув на Саву. Савелий что-то сказал прошедшей мимо женщине пышных форм, попытался увязаться за ней, но упал; хохоча и хрюкая, он полз за ней, окончательно втоптав в грязь честь воина Альянса.

Уже на улице Кира поняла причину названия напитка. Земля под ногами раскачивалась, словно палуба корабля в неистовый шторм, то подбрасывая, то уходя из-под ног, то швыряя из стороны в сторону.

Спустя час Кира лежала у снежной стены в своём минилагере, смотря через бойницу в прицел снайперской винтовки Тихого. Яркое действие напитка прекратилось быстро, не оставив и следа.

В прицел был отчётливо виден Сава, как он брёл посреди дороги, часто переходя на четвереньки, как подходил к любому попавшемуся прохожему, но получал отказ в общении в виде толчка ногой или позорного пинка под зад. Видимо, его речи

совсем отбивали желание прохожих помочь.

«Всего одно движение пальцем – и всё закончится. Промаха быть не может, его лицо сейчас занимает половину прицела. Выстрел, быстро грузимся и едем, скорее всего, даже погони не будет. Давай же, вот он, это беспроигрышный вариант. Так странно видеть человека в прицел. Так странно понимать, что сейчас ты властелин его жизни, и никто, кроме тебя, не решит, жить ему дальше, или его время пришло. Нет, я не могу, это так подло. Убить беспомощного, да ещё и вот так,» – она видела в прицел, как тот пытается подняться, падает и смеётся, – «вообще не уверена, что хочу этого. Да, он уничтожил мою прежнюю жизнь, но, благодаря этому, я обрела новую, которая мне нравится больше, она не пуста, как прежняя. Да и с его смертью ничего не изменится, клеймо не исчезнет, ничего не вернётся назад. После этого клеймо станет заслуженным. Ну и что, ему теперь жить дальше? Ты просто боишься выстрелить и ищешь оправдания своей трусости, пусть плывёт!? Я не хочу так, не для этого я так долго гналась. Да ты просто привыкла гоняться, боишься потерять цель, стреляй! Он смотрит прямо на меня, хороший момент… всё, в твоих руках. Сава, последний шанс».

Раздался хлопок, из дула с глушителем вырвалась струйка дыма негромкий хлопок прокатился по лесу и растаял средь обындевевших стволов. Пуля сбила солдатскую шапку с головы Савелия, отшвырнув её в сугроб. Но вместо бегства он стал что-то вопить, смеяться и показывать «класс» обеими руками, схватил шапку и стал ею мотать, пока не запустил на крышу одного из домов.

Весь следующий день Кира наблюдала в прицел за кабаком. Савелий периодически выходил из него, будучи всё так же пьян. Вчерашний знак ему ни о чём не говорил. Он шёл по одному и тому же маршруту. Он делал крюк по улицам, а затем отправлялся к полуразрушенной каменной башне, там избавлялся от всего съеденного и выпитого, умывался снегом и затем возвращался в кабак бодрым и весёлым.

Башня находилась между обрывом и трехметровой бетонной стеной тепличного сектора, где располагались теплицы и продсклады. Сава был единственным, кто туда ходил. Об этом свидетельствовали даже следы на снегу.

Вечером этого же дня.

Разум быстро отходил от алкогольного дурмана. Пыльный мешок на голове затруднял дыхание. Машина подпрыгивала на кочках, на поворотах на грудь и голову всё время падал какой-то

ящик, затем кто-то его поднимал и возврщал на место. Машина остановилась, снаружи слышался скрип открывающихся ворот и лай собаки, похоже, очень большой собаки. Машина проехала пару метров и остановилась. Мешок не позволял ничего увидеть. Несколько ударов по голове, падение, колющий снег, лай огромной собаки и клацание челюстей у самой головы, тяжёлые удары по рёбрам и в живот. Волокут куда-то, как тряпку. Вот дощатый пол, усадили на стул, вяжут, до боли крепко вяжут. Что это? Дрель?!

Савелий сидел связанный на стуле с мешком на голове. Простой на вид мужичок, в старой затёртой милицейской форме ещё двухтысячных годов прошлой эры, прикручивал к полу длинными шурупами ножки добротного стула. По всей видимости, пленник был немало напуган, мотал головой и что-то мычал.

Стул был прикручен. Кира вошла с железной канистрой в руках.

– Давай, – кивнула она.

Антон, стоящий позади пленника, сорвал мешок и резким движением освободил рот от кляпа.

Савелий зажмурился от ослепившего света лампы, весящей над головой и светившей очень ярко.

В этот момент Кира открыла канистру и стала обильно поливать связанного жидкостью, запах которой ни с чем не спутать.

Сава понял – бензин.

– Вы чего? Стойте, я не буду больше пить!

– Ни пить, ни есть, ни ходит ты больше не будешь, жить ты больше не будешь, – говорила Кира, садистски улыбаясь с наигранной жестокостью маньяка.

Парень огляделся. Запах бензина и ветхие деревянные стены сарая вокруг, в котором хранились старые покрышки и какие-то пластиковые бочки, сразу нарисовали огромный адский костёр и его в центре пламени.

– Ты же… ты же мертва, – тихо произнёс он, моргая, пытаясь проснуться.

– Нет, я жива, и это не сон. Исповедь и быстрая смерть, – она достала из-под куртки пистолет, – или молчание, и ад разверзнется прямо здесь, – она кивнула в сторону Края, стоящего у двери и вертящего зажигалку меж пальцев.

– Что ты хочешь услышать? Зачем ты преследуешь меня?!

– Говори, как всё было.

– Мы не хотели, нам приказали, Тихий сказал…

Тут Антон, стоящий со спины, замахнулся, но встретился

взглядом со стволом приговорённой.

– Так-так… вот это номер, – удивилась Кира.

Сава обернулся.

– Антоша, тихоничка, вот он ты где, – сладко заговорил он. – А я думал, ты сдох, тебе пинка дал, ты так изящно вниз улетел… так нам теперь вдвоём гореть? А стульчик один, могу уступить, или садись ко мне на колени, сгорим вместе, мы же друзья.

Он рассмеялся. Пронзительный смех прервался гулким ударом пустой канистры о его голову. Удар был такой силы, что голова откинулась в сторону, выбросив изо рта кровавые брызги.

– Всё заново, – спокойно сказала Кира. – Я забью тебя ей до смерти.

– Так вроде бы, сжечь собиралась, – отплевавшись от крови, ухмыльнулся пленный.

В ответ последовал ещё один удар канистрой, на этот раз более сильный, затем удар ногой в грудь.

– Пусть тебе твой дружок расскажет, – выплёвывая на пол обломки зубов, прохрипел Савелий.

Кира требовательно взглянула на Антона, направив на него дуло пистолета.

– Ладно, опусти ствол, я и так скажу, – мужественно произнёс Тихий, присев на корточки. – Всё было так…

Глава тринадцатая. Роковая ночь

Тихий возвращался с дежурства, его ноги гудели от восьмичасового патрулирования. В длинном, плохо освещённом коридоре было тихо и безлюдно. Антон шёл, погружённый в свои мысли, впрочем, как и всегда, но вдруг его внимание привлекли люди, вышедшие вдали из-за угла. Это был Дмитрич, следом за ним шли трое парней, включая Савелия. Судя по спортивным сумкам, они возвращались с тренировок и по пути встретили Дмитрича.

– Я об этом молчать не буду, – говорил тот, явно не заботясь о конфиденциальности разговора. – Эти препараты – для солдат, а вы продаёте их всем подряд.

Парни явно нервничали и от громкой речи старика явно бесились, дёргаясь и едва не бросаясь на него чтобы заткнуть рот.

– Так это для силы и выносливости, – объяснял один из парней, одетый по-пляжному в цветные шорты и майку.

– Вы школоте их продаёте! Они потом по полдня скачут по крышам. Трое разбились насмерть, и ещё один умер от разрыва сердца.

Они вошли в тёмный проход, ведущий к одной-единственной двери, что была открыта и вела в подсобное помещение.

Почти сразу послышались возня и ругань, затем глухой стук и тишина.

Антон вбежал в проход, трое подпрыгнули от страха и неожиданности.

– Антоха, он узнал о наших делах, он хотел нас сдать! Я психанул… чо делать нам? – судорожно дрожа и заикаясь, говорил Савелий.

Остальные двое стояли растерянно, уставив отупевшие лица на тело, лежащее на полу лицом вверх, и сочащуюся кровь из небольшой раны на лбу.

– Вы дебилы? Вы зачем его грохнули? – Говорил Антон со свойственной ему тихой и спокойной интонацией.

– Он не хотел договариваться, – промычал один из парней, ставший похожим на ребёнка, нашкодившего и теперь оправдывающегося.

– Вы бараны. Куда его теперь деть? С телом разберётесь, как хотите, я звоню Шамилю и отменяю сделку, не до этого будет.

Вдруг Дмитрич закашлял и зашевелился. Все вздрогнули от неожиданного воскрешения.

– Что делать? – Нервно пропищал Савелий, обливаясь

холодным потом.

– Мочите его, – секунду подумав решил Тихий.

– Мы? – Ошарашенно раскрыл рот Сава.

– Вы, и именно вы. Вы, ублюдки, спалились, вы не смогли договориться, вы его били, вы и добьёте. Моя часть бизнеса, хоть и опасна, но легальна, я достаю препараты и формально продаю их вам как военным. Вы же продаёте их гражданским, что категорически запрещено. Поэтому мне всё равно, мне ничего не будет, а вот репутация твоего папани, Сава, попадёт под конкретный удар. Дело ваше. Как решите, так и будет, ваша проблема.

Сказав это, он вышел из закоулка и медленно, со спокойствием питона, направился вдаль по коридору.

Тихий шёл по одной из улиц первого этажа, рация на груди хрипло передавала переговоры патрульных и женщины-диспетчера. Стандартные отчёты о перемещении, заступлении или сдачи дежурства и прочее прервало заявление: «Девяносто седьмой на связи, в холл второго этажа – следственную группу. Подозреваемый задержан».

– Вызов принят, – отозвался диспетчер.

«Быстро. Эти, наверное, уже успели уйти, не такие они тупые. Кто же попал под раздачу? Отец Савы – комендант крепости, от него зависят жизнь и режим в ней. К тому же за пять лет, что он на посту, Соколовск расцвёл. Он остановит расследование и найдёт козла отпущения. Полиция и военные не позволят истине всплыть. Попал же кто-то».

Антон направился к полицейскому участку, любопытство требовало узнать лицо несчастного.

Дежурный без вопросов нажал кнопку на пульте, магнитный замок пропещал, и решётка открылась. Получив временный пропуск, Тихий поспешил по коридору. Часовые молча открывали решётчатые двери перед ним, видя пропуск на груди.

Навстречу ему быстро двигались двое патрульных. Они вели Киру, закованную в наручники. Они заставляли идти её согнувшись и полуприсядя, смотря только в пол, хотя такие меры были не обязательны. Видимо, кто-то уже попросил оказать на неё максимальное психологическое давление.

Тихий прошёл мимо. Он сделал крюк по коридорам и вышел из здания.

«Быстро до папани добрался, хватило ума. Жалко её. Почему она? Почему судьба её выбрала? Она же сломается, не выдержит. Выкинут за периметр – и хана ей, не волки съедят, так на минах подорвётся. А ведь я всё знаю и могу предотвратить это.

Рассказав, я не попаду ни под какую статью, моё дело легально. Скажу, что видел, не уточнив, что я подсказал решение, и этого хватит. Так, стоп! Что я делаю? У меня младшая сестрёнка, ей только десять у меня бабка, дед и родители. За их заслуги в Великой битве мы теперь на пожизненном обеспечении, и живём, можно сказать, богато. Отец угробил здоровье, продолжая воевать после битвы, прикован к коляске теперь. Я пойду против коменданта, не факт, что помогу Кире, но свою семью гарантированно загоню в яму. Поступим иначе».

Антон достал сотовый телефон, набрал номер.

Сотовая связь была возобновлена восемь лет назад, но былой популярности не возымела, поскольку была непостоянна и довольно дорога. Вышки сотовой связи постоянно страдали при боевых действиях, и поэтому их содержание было довольно дорогим.

– Салам алейкум! – Поприветствовал Тихий человека на том конце провода. Заговорил он с лёгким кавказским акцентом, чего обычно не делал. – Шамиль, брат, просьба к тебе есть. Придержи мою партию, тут возник один нюанс, полцены за каждый день простоя заплачу. Спасибо, брат, большое, но я всё ровно заплачу. Ещё вопросик имеется, убежище человечку одному может понадобиться на длительный срок. Да. Всё расскажу при встрече.

Дальше разговор перешёл из делового русла в дружеское. Антон частенько употреблял слова или целые фразы на чеченском, наверное, так он больше приближался к собеседнику.

Глава четырнадцатая. Наказание

За преступлением всегда следует
наказание, не закона, так совести.
Но увы, совестью обладают не все.

– Ты подтверждаешь, что всё так и было? – Уточнила Кира, держа в руках фотоаппарат, записывавший на видео рассказ Тихого, дополняемый Савелием.

– Да, – Кивнул Сава, выглядящий вымотанным.

Девушка остановила запись, достала флешку и убрала во внутренний карман куртки. Фотоаппарат она отдала Тихому, который, кажется, ожидал от неё шквал возмущения и ненависти, он даже отступил немного назад, когда она подошла.

– Ну что, пришло время платить, – сказала она, присев на покрышки, смотря пристально на связанного и ожидая реакции.

– Я не со зла его убил, – начал Сава, но в его речи не звучали ноты раскаяния или оправдания. – Не было выхода, всё зашло в тупик. Ты знаешь его, договора с ним не могло быть. Или я должен был публично признаться? Никто в здравом уме этого не сделал бы. Ответь, почему при жизни все студенты универа его терпеть не могли, стены сортиров были чёрными от рисунков с его казнями и надписями о нём, но, когда его убили, все тут же всполошились? Я слышал эти разговоры, что говорили об убийце и как тепло вспоминали жертву. Как тебе такое поведение?

– Мы сейчас не о людях говорим. Им только дай тему для обсуждения, и они будут перемалывать её до появления новой. Что касается тебя, не завидую. Ты не примешь это как заслуженное наказание, ты воспримешь это как несправедливое решение.

– Да. Я не заслуживаю такой смерти.

– О ней никто и не говорит. Ты понесёшь то же наказание, что и я.

Сава ошарашенно выпучил глаза: «Вы не можете».

– Это местный кольщик, набьёт что угодно. Может даже клеймо скопировать, – она взглянула в сторону хозяина сарая.

– Пойду принесу, – потирая руки, сказал тот. – Желательно, чтобы не дёргался, а то криво наколю.

– Это незаконно, тебя казнят!

– Местный лаийон обладает даром ясновидения и правду от лжи отличает всегда. Я был у него, и он сказал, что всё так и есть, более того, он благослвил меня на это дело, – гордо пояснил кольщик и просто с улыбкой добавил: «А против тех, кому закон

подавай, документ выдал. Он в кругах лаийонов известен, так что неоспоримый авторитет имеет».

Мужик вышел. Норт подошёл к Савелию и положил руку на темя. Связанный затрясся, словно в эпилептическом приступе, и быстро потерял сознание.

– Что с ним? – Немного обеспокоенно спросил Антон.

– Слишком быстрый забор энергии, – пояснил Край. – Это чувство он долго не забудет.

На востоке брезжил ранний рассвет. Меж облаков, походивших на пушистую вату, проглядывали пятна раннего утреннего неба. Высокие сосны и ели, слегка присыпанные свежим снегом, тёмной стеной выстроились по обе стороны дороги, о наличии которой сообщали дорожные знаки и торчащие посреди неё красные маячки отбойника, едва видимые из-под прочного наста. Снег, по всей видимости, лежал тут давно, может, не один год, и успел спрессоваться, став твёрдым, как асфальт. В радиусе сотни километров не было ни одного населённого пункта и вообще ничего, судя по карте. Да и дорогой пользовались крайне редко, о чём можно судить по отсутствию следа транспорта, но обилию звериного.

«Алтай» остановился.

Из багажника, словно мешок картошки, вытащили на снег связанного Савелия. Ему недавно была возвращена часть сил, и он теперь находился в сознании.

Кира так давно ждала этого момента, сколько раз она проговаривала мысленно речь, но сейчас она не могла найти слов.

Связанный лежал лицом в снег. Край что-то зажимал в руках, меж его пальцев показалось слабое, едва видимое даже в утренних сумерках, свечение. Он бросил к самому лицу Савы его личный жетон с именем, фамилией и восьмизначным личным номером. Жетон был горяч от высокой концентрации энергии и протопил в снегу небольшое углубление. Сава не смог вспомнить, когда его жетон сняли, точнее, сорвали, судя по порванной цепочке.

– Твоя энергия в нём, – пояснил норт, – металл быстро её теряет, так что…

Кира положила на снег коробок спичек и пистолет Савелия.

Антон разрезал верёвки и, ни слова не сказав, запрыгнул в кузов.

Кира и Край переглянулись, по взгляду друг друга поняли нежелание произносить финальную речь, молча сели в машину, и «алтай» плавно тронулся.

Сава поднял голову, он мельком увидел Антона – бывшего товарища по отряду, опустившего тент.

Кира смотрела, как человеческий силуэт далеко позади слабо поднимается на четвереньки. Миссия «мститель» выполнена, теперь дорога домой. Как-то странно осознавать, что этот путь завершён, что погоня окончена, как-то пусто сразу стало. Но новая цель, лежащая во внутреннем кармане куртки, не даст совсем расслабиться. Теперь нужно грамотно появиться в крепости и оправдаться, грамотно, потому что по закону её расстреляют в случае появления в крепости до окончания срока.

Савелий с трудом поднялся на четвереньки. Едва удерживаясь на трясущихся от слабости конечностях, он сжал горячий жетон. Металл излучал слабую вибрацию в его руке, тело будто пробивал слабый ток, наполняя его силой. Наконец, передав всю энергию, жетон быстро остыл.

Сава быстро обыскал собственные карманы, совсем ничего. Он проверил оставленный спичечный коробок, в нём оказалось не больше десятка спичек. Он схватил пистолет, обжёгший холодным металлом тёплые и потные руки. Проверил магазин, всего один патрон…

– Бросили посреди леса, зимой, не оставив ничего. Что мне эти спички? А патрон? Либо завалить лося какого-нибудь, либо застрелиться. И кто по вашему подлая тварь? У тебя, Кира, набор был больше, и было тепло. Ах да, ещё порезанные верёвки… и петлю не смастеришь.

Он взглянул на свежую наколку, поразительно точно срисованную с наколки Киры, и даже штамп точно такой. Только дата стояла: 09.11.0015, как раз дата прибытия корабля, на котором он должен был служить. Хоть сейчас и другая дата, но к тому времени, когда он доберётся до ближайшего поселения, девятое число точно настанет.

Эпилог

В конце марта шестнадцатого года все трое, преодолев нелёгкий путь, вернулись туда, откуда начали – Соколовск, точнее, руины вокруг него.

Край доставил флеш карту отцу Киры, не поскупившись на рассказ о её похождениях, не забыв доложить план дальнейших действий.

Отец выполнил свою часть плана идеально. Он пустил копию записи по рукам так, что к тому времени, когда о ней узнала полиция и непосредственно сам главный комендант, запись посмотрели почти все жители крепости. Параллельно запись была представлена бывшей приговорённой в Верном, где тоже вызвала нужную реакцию.

В крепости начались митинги. Люди, разочарованные в местном правосудии шли, с плакатами, требующей отставки главного коменданта и замену всего судейского состава.

Реакции на митинги не последовало (перебесятся, делать нечего, вот и нашли занятие).

Позже митинги перешли в массовые забастовки, приведшие к остановке всего производства, частичного отключения электроснабжения, повлекшего такое же отключение водоснабжения. Снятие с должности судьи, что вынес приговор, разумеется, не удовлетворил требования, и забастовки перешли в один общий мятеж. Начались погромы, вспыхнули пожары. На это полиция отреагировала попыткой жёсткого подавления, со спусканием собак и применением оружия, как огнестрельного, так и холодного.

Всё это привело к настоящей войне под куполом: 85 % – обычные жители, плохо вооружённые, но владеющие абсолютным большинством ресурсов – водой, едой, теплом, светом, воздухом, – и с помощью шлюзов и гермозатворов контролирующее половину всего пространства крепости; 15 % – бывшие правители Соколовска, полиция и внутренняя армия, владеющие почти всем оружием в крепости, имеющие доступ к резервным оружейным складам.

Внешняя армия Соколовска, патрулирующая руины, не вмешивалась, поскольку не могла оставить территорию.

На съезде округа, на который явились представители всех 11-ти крепостей, включая Соколовскую, было решено отклонить

просьбу в военной поддержке, поскольку все силы были направленны на отражение участившихся атак легиона и остановку продвижения врага к северной границе области. Статус столицы был снят с Соколовской крепости и передан крепости «Шахтёрская».

Кира, ставшая символом стойкости и силы, чья история обросла героическими подробностями и выдумками, ставшая чуть ли не одной из легенд мира за периметром, примкнула к рядам восставших и бок о бок с Краем сражалась в огромных тёмных лабиринтах коридоров и залов.

Вскоре все уже почти забыли, с чего всё началось, так люди увлеклись переворотом и захватом власти.

Главный комендант растрачивал все доступные материальные блага и обещал должности наёмным бойцам. Ряды ополчения тоже неспеша пополнялись.

Небольшое количество смертей в боях и возможность автономного существования крепости десятки лет, исключавшая возможность гуманитарной катастрофы, обещала затянуть всё это на очень долгий срок.

К декабрю шестнадцатого года ситуация окончательно вышла из-под контроля. Восставшие разделились на отдельные группировки, воюющие не только с общим врагом, но и друг с другом. Внешний мир, благодаря отсутствию внешней угрозы, просто махнул рукой на взбесившийся Соколовск, считая необходимым решать непосредственную угрозу Легиона, всё больше захватывающего область.

В Соколовск же тянулись все, кто надеялся выиграть войну в нём и после занять хлебное место. Были и те, кто проникали под видом союзников, а затем с боем вывозили ценное оборудование.

Кира и Край вышли из игры, не желая больше в этом участвовать.

Вот так хрупкая девушка, чья судьба была исковеркана подлостью и трусостью «высоких людей», превратила процветающую неприступную крепость в настоящий ад. Теперь в тёмных лабиринтах, освещаемых фонариками и факелами, идёт настоящая бойня безумных толп.

Вот так народ, живший в безопасности и достатке, не знающий бед, кроме бытовых мелочей, вдруг так легко поднялся и, увлёкшись игрой в революцию, сломал, то что так долго строил.

Вот так занятость большого мира затмила сигнал о помощи маленького государства. Большой брат, занятый взрослыми делами, не смог или не захотел возиться с младшим.

Вот так жажда многих откусить кусок чужого пирога привела их лишь к смерти в большой глупой драке. Они не пали героями в войне с Легионом, они убились в авантюрном приключении.

Вот так всего один человек меняет судьбы тысяч.

И сколько же таких «Соколовсков» по миру? Их никто не считал. Стоит ли большому миру останавливать внимание на сотнях таких мелочей? Может, стоит их не допускать? Впрочем, это забота лаийонов, остальным остаётся лишь внять советам мудрецов.

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2015
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

notes

Примечания

1

Норты – разумные существа, похожие на волков, раса, появившаяся на земле за несколько лет до Великой битвы. Имеют всего три окраса – рыжие с белыми кончиками лап и хвоста, белой грудью, «окрас большинства нортов»; полностью белые или серые. Передвигаются преимущественно на четырёх лапах, но благодаря гибким конечностям имеют и способность прямохождения, как и люди. Эти существа старались жить в гармонии с окружающим миром, благодаря чему не имели всех тех зависимостей, что у людей.